

И. А. Бунинъ

Л И К А

ПЕТРОПОЛИСЪ / БРЮССЕЛЬ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

**Собраніе сочиненій — томы I - XI.
Изд. Петрополисъ, Берлинъ, 1934 г.**

**Освобожденіе Толстого.
Изд. «Утса Press», Парижъ, 1937 г.**

И. А. Бунинъ

ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА

РОМАНЪ

II

Л И К А

ПЕТРОПОЛИСЪ / БРЮССЕЛЬ.

Tous droits réservés pour tous pays.

Copyright 1939 by Ivan Bunin.

Л И К А

I

Тѣ весенніе дни моихъ первыхъ скитаній были послѣдними днями моего юношескаго иночества.

Въ первый день въ Орлѣ я проснулся еще тѣмъ, какимъ былъ въ пути, — одинокимъ, свободнымъ, спокойнымъ, чужимъ гостиницѣ, городу, и въ необычный для города часъ — едва стало свѣтать. Но на другой уже позднѣй — какъ всѣ. Заботливо одѣвался, глядѣлся въ зеркало... Вчера, въ редакціи, я уже со смущеніемъ чувствовалъ свой цыганскій загаръ, обвѣтренную худобу лица, запущенные волосы. Нужно было привести себя въ приличный видъ, благо обстоятельства мои вчера неожиданно улучшились: я получилъ предложеніе не только сотрудничать, но и взять авансъ, который и взялъ, — горячо покраснѣлъ, но взялъ. И вотъ я отправился на главную улицу, зашелъ въ табачный магазинъ, гдѣ купилъ коробку дорогихъ папиросъ, потомъ въ парикмахерскую, откуда вышелъ съ красиво уменьшившейся пахучей головой и съ той особенной мужской бодростью, съ которой всегда выходишь изъ парикмахерской. Хотѣлось тотчасъ же идти опять въ

редакцію, поскорѣе продолжить всю ту праздничность новыхъ впечатлѣній, которыми такъ щедро одарила меня судьба вчера. Но идти немедленно было никакъ нельзя: «Какъ, онъ опять пришелъ? И опять съ утра?» — Я пошелъ по городу. Сперва, какъ вчера, внизъ по Болховской, съ Волховской по Московской, длинной торговой улицѣ, ведущей на вокзалъ, шелъ по ней, пока она, за какими то запыленными триумфальными воротами, не стала пустынной и бѣдной, свернулъ съ нея въ еще болѣе бѣдную Пушкарную Слободу, оттуда вернулся опять на Московскую. Когда же спустился съ Московской къ Орлику, перешелъ старый деревянный мостъ, дрожавшій и гудѣвшій отъ ѣдущихъ, и поднялся къ присутственнымъ мѣстамъ, по всѣмъ церквямъ трезвонили, и вдоль бульвара, навстрѣчу мнѣ, на парѣ большихъ вороныхъ, шедшихъ споро, но мѣрно, въ достойной противоположности съ этимъ трезвономъ, прокатилъ въ каретѣ архіерей, благостнымъ мановеніемъ руки осѣнявшій влѣво и вправо всѣхъ встрѣчныхъ.

Въ редакціи было опять дѣловито и людно, бодро работала за своимъ большимъ столомъ маленькая Авилова, только ласково улыбнувшись мнѣ и тотчасъ опять склонившаяся къ столу. Завтракъ былъ опять долгій, веселый, послѣ завтрака я слушалъ, какъ Лика бурно играла на рояли, потомъ качался съ ней и съ Оболенской на качеляхъ въ саду. Послѣ чая Авилова показывала мнѣ домъ, водила по всѣмъ комнатамъ. Въ спальнѣ я увидалъ на стѣнѣ портретъ, — изъ рамы недовольно смотрѣлъ кто то волосатый, въ очкахъ, съ ко-

стлявыми широкими плечами. «Мой покойный мужъ», вскользь сказала Авилова, — и я слегка оторопѣлъ: такъ былъ пораженъ нелѣпостью соединенія во что то одно этого чахоточнаго съ живой, хорошенькой женщиной вдругъ назвавшей его своимъ мужемъ. Потомъ она опять сѣла за работу, Лика нарядилась, сказала намъ, — тѣмъ своимъ языкомъ, нѣкоторыя особенности котораго я уже замѣтилъ съ неловкостью за нее: — «Ну, дѣти мои, я исчезаю!» — и куда то ушла, а мы съ Оболенской пошли по ея дѣламъ. Она предложила мнѣ пойти съ ней на Карачевскую, сказала, что ей нужно зайти тамъ къ бѣлошвейкѣ, и мнѣ стало пріятно отъ той близости, которую она вдругъ установила между нами этимъ интимнымъ предложеніемъ. Съ тѣмъ же чувствомъ шелъ я возлѣ нея и по городу, слушалъ ея точный голосъ; у бѣлошвейки съ особеннымъ удовольствіемъ терпѣнія стоялъ и ждалъ, пока она кончитъ свои переговоры и совѣщанія. Когда мы опять вышли на Карачевскую, уже вечерѣло. «Вы любите Тургенева?» — спросила она. Я замаялся, — потому, что я родился и выросъ въ деревнѣ, мнѣ всегда задавали этотъ вопросъ, непременно предполагая во мнѣ любовь къ Тургеневу. — «Ну, все равно, сказала она, это будетъ все таки вамъ интересно. Тутъ недалеко есть усадьба, которая будто бы описана въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Хотите посмотреть?» — И мы пошли куда то на окраину города, въ глухую, потонувшую въ садахъ улицу, гдѣ, на обрывѣ надъ Орликомъ, въ старомъ саду, осыпанномъ мелкой апрѣльской зеленью, сѣрѣлъ давно необитаемый домъ съ по-

луразвалившимися трубами, въ которыхъ уже вили гнѣзда галки. Мы постояли, посмотрѣли на него черезъ низкую ограду, сквозь этотъ еще рѣдкій садъ, узорчатый на чистомъ закатномъ небѣ. Лиза, Лаврецкій, Леммъ... И мнѣ страстно, дѣтски захотѣлось любви.

Вечеромъ мы всѣ были въ городскомъ саду, въ лѣтнемъ театрѣ, — я сидѣлъ въ полутьмѣ рядомъ съ Ликой, дружно наслаждаясь съ ней всей той шумной глупостью, что шла и въ оркестрѣ и на сценѣ, на какой то снизу освѣщенной площади, гдѣ, подхватывая плясовые грохоты музыки, топали въ полъ и стучались пустыми оловянными кружками хорошенькія горожанки и королевскіе латники, а послѣ театра тутъ же, въ саду, ужинали, — я въ первый разъ въ жизни попалъ въ лѣтній ресторанъ, сидѣлъ на просторной и людной терасѣ, за бутылкой вина во льду, съ дамами. Къ нимъ то и дѣло подходили знакомые, и со всѣми съ ними меня тоже знакомили, и всѣ они были очень любезны со мной, — кромѣ одного, который, сдѣлавъ легкій поклонъ въ мою сторону, не обратилъ больше на меня никакого вниманія: это былъ человекъ, доставившій мнѣ впоследствии — тоже совершенно невнимательно — много душевныхъ мукъ, очень высокій офицеръ съ продолговатымъ матово-смуглымъ лицомъ, съ неподвижными черными глазами, съ черными полубачками, въ ладномъ сюртукѣ ниже колѣнъ, въ узкихъ панталонахъ со штрипками. Она много говорила и смѣялась, показывая свои чудесные зубы, зная, что всѣ ею любятъ, и я уже не могъ спокойно смотрѣть на нихъ, я похолодѣлъ, когда офицеръ,

отходя отъ нашего стола, немного задержалъ ея руку въ своей большой рукѣ.

Въ день моего отъѣзда гремѣлъ первый громъ. Помню этотъ громъ, легкую коляску, уносившую меня на вокзалъ съ Авиловой, — она почему то поѣхала провожать меня, — чувство гордости отъ коляски и отъ этого сосѣдства, странное чувство первой разлуки съ той, въ свою выдуманную любовь къ которой я уже совсѣмъ вѣрилъ, и то чувство, которое преобладало надо всѣми прочими, — чувство какого то особенно счастливаго пріобрѣтенія, будто бы сдѣланнаго мной въ Орлѣ. На платформѣ вокзала меня поразило то, какъ велики, крупны были всѣ тѣ парадные, отборные люди, что выжидательно толпились на ней, какъ простонародны казались, при всемъ блескѣ ихъ церковнаго убранства, лица духовенства, съ крестами и кадилами въ рукахъ стоявшаго впереди всѣхъ прочихъ. Въ то мгновеніе, когда всей своей тяжелой силой низвергся, наконецъ, на вокзалъ великокняжескій поѣздъ, и всѣхъ ослѣпилъ красный доломанъ выскочившаго изъ него ярко-рыжаго гиганта, все какъ то смѣшалось, спуталось, — не помню дальше ничего, кромѣ мрачно-угрожающаго торжества панихиды. Потомъ маслянисто-стальная громада паровоза въ угольныхъ флагахъ загрохотала мощными, державными толчками своей вновь задышавшей трубы, и длинно, плавно потянулся назадъ полосой бѣлой стали локоть его поршня, поплыли впередъ сине-зеркальныя стѣны вагоновъ съ золотыми орлами... Я глядѣлъ на литыя колеса, все быстрѣе вращавшіяся подъ ними, на тормоза и рес-

соры, — и видѣлъ уже только одно: то, что все это густо покрыто бѣлой пылью, волшебной пылью долгаго быстраго пути съ юга, изъ Крыма. Поѣздъ, грохоча, скрывался, продолжая свой величественно-траурный бѣгъ черезъ Россію, куда то туда, къ ея возглавію, я же весь былъ въ этомъ сказочномъ Крыму, въ плѣнительныхъ гурзуфскихъ дняхъ легендарнаго Пушкина.

Мой скромный уѣздный поѣздъ ждалъ меня на дальней боковой платформѣ, и я уже былъ радъ тому уединенію и отдыху, который предстоялъ мнѣ въ немъ. Авилова пробыла со мной до самаго отхода его, все время весело болтая, говоря, что надѣется скоро увидать меня снова въ Орлѣ, улыбкой давая понять, что она прекрасно видитъ то забавное горе, которое приключилось со мной. При третьемъ звонкѣ я горячо припалъ къ ея рукѣ, она коснулась губами моей щеки. Я вскочилъ въ вагонъ, онъ толкнулся и двинулся, я, высунувшись въ окно, смотрѣлъ, какъ она отдалялась, стоя на платформѣ и легонько мнѣ махая...

Въ пути послѣ того все казалось мнѣ трогательно: и этотъ коротенькій поѣздъ, который то еле тянулся, то вдругъ пускался отчаянно качаться и гремѣть, и тѣ безлюдныя станціи и полустанки, на которыхъ онъ неизвѣстно зачѣмъ стоялъ безъ конца, и все то, уже свое, знакомое, что снова окружало меня: косыми буграми идущія мимо оконъ поля, еще голыя и потому особенно невзрачныя, голыя березовыя перелѣски, тихо ждущіе весны, скудныя горизонты... Вечеръ былъ тоже скудный, по весеннему прохладный, съ блѣднымъ низкимъ небомъ.

II

Изъ Орла я увозилъ одну мечту: какъ то продолжить — и, на сколько возможно, скорѣй — то, что началось въ Орлѣ. Однако, чѣмъ дальше уѣзжалъ отъ Орла, тѣмъ все чаще забывалъ о немъ, глядя въ окно, на поля, на долгій апрѣльскій закатъ. И вотъ въ вагонѣ уже совсѣмъ сумерки, сумерки и за окнами, въ этомъ рѣдкомъ дубовомъ лѣсу, что идетъ слѣва отъ поѣзда, — голомъ, корявомъ, засыпанномъ рыжей прошлогодней листвою, только что вышедшей изъ-подъ зимнихъ снѣговъ. И я уже стою, держу свою сумку въ рукахъ, все больше волнуясь: это уже Субботинскій лѣсъ, за которымъ тотчасъ станція Писарево. Поѣздъ предостерегающе и печально кричитъ куда то въ пустоту; я спѣшу на площадку: какъ то первобытно сыро, свѣжо, накрапываетъ дождь, передъ станціей одиноко стоитъ товарный вагонъ. Поѣздъ обходитъ его, и я еще на ходу соскакиваю. Потомъ бѣгу по платформѣ, прохожу слабо освѣщенный, безконечно печальный затоптанный мужиками вокзалъ, выхожу на темный подъѣздъ. Въ кругломъ дворѣ передъ нимъ —

жалкій и грязный послѣ зимы палисадникъ, чуть видная въ сумракѣ лошаденка мужика-извозчика. Мужикъ этотъ, иногда по недѣлямъ напрасно ожидающій сѣдока, кидается ко мнѣ со всѣхъ ногъ, восторженно соглашается съ каждымъ моимъ словомъ, готовъ скакать со мной хоть на край свѣта и за все, что угодно — «авось, не обидите!» — и черезъ минуту я уже покорно трясусь въ его мелкой телѣжкѣ: сперва по дикой и темной деревнѣ, потомъ — все тише и тише, — въ темныхъ, молчаливыхъ, всему міру чужихъ поляхъ, въ черномъ морѣ земли, за которымъ брезжить въ безконечной дали подъ тучками на сѣверо-западѣ что то зеленоватое. Дуетъ навстрѣчу ночной полевой вѣтерокъ, жидкій, дождевой, апрѣльскій, гдѣ то далеко — и все какъ будто мѣняя подъ вѣтромъ мѣста — хлопаетъ перепелъ. Мелькаютъ въ тучкахъ, въ низкомъ русскомъ небѣ, рѣдкія звѣзды... Опять перепела, весна, земля — и моя прежняя, глухая, бѣдная молодость! Дорога мучительно долга: десять верстъ въ полѣ съ русскимъ мужикомъ неближній путь. Мужикъ сталъ тихъ, загадоченъ, пахнетъ избой, сухой овчиной своего вытертаго полушубка, на просьбы поспѣшать молчитъ, а какъ только изволокъ, соскакиваетъ съ передка и ровнымъ шагомъ идетъ съ веревочными вожжами въ рукахъ рядомъ со своей едва плетущейся кобыленкой, лицо отворачиваетъ... При въѣздѣ въ Васильевское казалось, что уже глубокая ночь: нигдѣ ни огня, все безжизненно. Глазъ привыкъ къ темнотѣ, и хорошо видно каждую избу, каждую голую лозинку передъ избой на той широкой улицѣ, по которой въѣз-

жаешь въ село; потомъ видишь и чувствуешь спускъ въ апрѣльскую сырость изменности, влѣво мостъ надъ рѣкой, а справа дорогу вверхъ, къ непривѣтливо чернѣющей усадьбѣ. Чувства опять очень острыя: какъ все страшно знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ ново — этой своей весенней деревенской чернотой, убожествомъ, равнодушіемъ! Мужикъ совсѣмъ омертвѣлъ, тащась на гору. Вдругъ тамъ, изъ-за сосенъ палисадника, блеснулъ въ окнѣ огонь. Слава Богу, еще не спять! Радость, нетерпѣніе — и мальчишескій стыдъ, когда наконецъ телѣжка останавливается возлѣ крыльца и надо слѣзть, отворять дверь въ прихожую, входить и видѣть, какъ тебя съ улыбкой разсматриваютъ...

Изъ Васильевского я ѣхалъ верхомъ, подъ тихимъ и свѣтлымъ утреннимъ дождикомъ, который то переставалъ, то опять сыпался, среди пашенъ и паровъ. Мужики пахали и сѣяли. Пахарь, босикомъ, шелъ за сохой, качаясь, оступаясь бѣлыми косыми ступнями въ мягкую борозду, лошадь разворачивала ее, крѣпко натуживаясь, горбясь, за сохой вилялъ по бороздѣ синій грачъ, то и дѣло хватая въ ней малиновыхъ червей, за грачемъ большимъ, рѣвнымъ шагомъ шагаль старикъ безъ шапки, съ сѣвалкой черезъ плечо, широко и благородно-щедро поводя правой рукой, правильными полукружіями осыпая землю зерномъ.

Въ Батуриинѣ было даже больно отъ той любви, радости, съ которой былъ встрѣченъ я. Больше всего поразила меня даже не радость матери, а радость сестры, — я не чаялъ такой прелести любви и радости, съ которой она, выглянувъ въ окно, кинулась ко мнѣ

на крыльцо. И какъ она была прелестна вся — своей чистотой, юностью, какъ невинна, свѣжа была даже своимъ новенькимъ платицемъ, въ первый разъ надѣтымъ въ этотъ день ради меня. Очаровалъ меня и домъ — своей старинной прекрасной грубостью. Въ моей комнатѣ все было такъ, точно я только что вышелъ изъ нея: все на тѣхъ же мѣстахъ, — даже та наполовину сгорѣвшая сальная свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, которая осталась на письменномъ столѣ въ день моего отъѣзда зимой. Я вошелъ, посмотрѣлъ кругомъ: черные образа въ углу, за старинными окнами съ цвѣтными верхними стеклами (лиловыми и гранатовыми) видны деревья и небо, — кое гдѣ голубѣющее и сыплющее мелкимъ дождемъ на зеленѣющія вѣтви и сучья, — въ комнатѣ все нѣсколько сумрачно, просторно, глубоко... потолокъ темный, деревянный, гладкій, изъ такихъ же темныхъ, гладкихъ бревенъ и стѣны... гладки и тяжки круглые отвалы дубовой кровати...

III

Для новой поѣздки въ Орель оказался дѣловой предлогъ: нужно было отвезти проценты въ банкъ. И я повезъ, но заплатилъ только часть, остальное растратилъ. Это былъ поступокъ не шуточный, но сомной что то дѣлалось — я не придалъ ему особаго значенія. Я все время поступалъ съ какой то бессмысленно-счастливой рѣшительностью. Бдучи въ Орель, опоздалъ къ пассажирскому поѣзду — и тотчасъ устроился на паровозъ товарнаго. Помню, влѣзъ по высокой желѣзной подножкѣ во что то грубое, грязное, стою и смотрю. Машинисты въ чемъ то сверхъ мѣры засаленномъ, желѣзно блестящемъ; такъ же засалены, блестящи и лица ихъ, негритянски разительны бѣлки, словно нарочно, какъ у актеровъ, подмазаны вѣки. Молодой рѣзко гремитъ желѣзной лопатой въ каменномъ углѣ, наваленномъ на полу, съ громомъ откидываетъ заслонку топки, откуда адски вырывается красный огонь, и размашисто осаживаетъ этотъ адъ чернотой угля съ лопаты, старшій перетираетъ пальцы ужасающей по своей сальности тряпкой и, швырнувъ ее, что то дер-

гаеть и что то повертываетъ... Раздается раздирающій уши свистъ, откуда то горячо обдаеть и окутываетъ ослѣпляющій паръ, оглушаетъ что то вдругъ загрохотавшее — и медленно тянетъ впередъ... Какъ дико грохочеть этотъ грохотъ потомъ, какъ все растеть и растеть наша сила, прыть, какъ все вокругъ трясется, мотається, прыгаетъ! Застываетъ, напряженно каменѣеть время, ровно трепещеть по буграмъ съ боковъ огненный, драконій бѣгъ — и какъ скоро кончается каждый перегонъ! А на каждой передышкѣ послѣ него, въ мирной тишинѣ ночи и станціи, пахнетъ лѣснымъ ночнымъ воздухомъ и изъ всѣхъ окрестныхъ кустовъ бьетъ, торжествуетъ, блаженствуетъ соловьиное пѣніе... Въ Орлѣ я непристойно нарядился, — тонкіе щегольскіе сапоги, тонкая черная поддевка, шелковая красная косоворотка, черный съ краснымъ околышемъ дворянскій картузь, — купилъ дорогое кавалерійское сѣдло, которое было такъ восхитительно своей скрипящей и пахучей кожей, что, ѣдучи съ нимъ ночью домой, я не могъ заснуть отъ радости, что оно лежитъ возлѣ меня. Ёхалъ опять на Писарево — съ цѣлью купить еще лошадь — тамъ какъ разъ въ эту пору была въ селѣ конская ярмарка. На ярмаркѣ подружился съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ, тоже все въ поддевкахъ и дворянскихъ картузахъ, давнихъ завсегдаевъ ярмарокъ, и съ ихъ помощью купилъ молодую породистую кобылу (хотя цыганъ отчаянно навязывалъ мнѣ стараго мерина, запаленнаго донца, — «купи, баринъ, Мишу, вѣкъ будешь любить меня за Мишу!»). Лѣто послѣ того стало для меня сплошнымъ праздни-

комъ — я и трехъ дней подрядъ не проводилъ въ Батуринѣ, все гостилъ у своихъ новыхъ друзей, а когда она вернулась изъ Орла, сталъ пропадать въ городъ: какъ только получилъ отъ нея краткую записку: «вернулась и жажду свиданія», тотчасъ поскакалъ на станцію, несмотря на непріятность отъ глупаго остроумія этой записки и на то, что былъ уже вечеръ и надвигались тучи, а въ вагонѣ, какъ пьяный, радовался шибкому ходу поѣзда, казавшемуся еще шибче отъ уже бушевавшей грозы, отъ того, что грохотъ вагона сливался съ ударами грома, съ шумомъ ливня по крышѣ, и все это среди синяго пламени, поминутно затоплявшаго черныя стекла, по которымъ, пѣнясь, хлестала и свѣжо пахла дождевая вода.

Не было какъ будто ничего, кромѣ удовольствія веселыхъ встрѣчъ. Но вотъ, — это было уже въ концѣ лѣта, — одинъ изъ этихъ друзей, жившій съ сестрой и старикомъ отцомъ въ имѣнницѣ недалеко отъ города, на обрывистомъ берегу Исты и тоже бывавшій у нея, пригласилъ къ себѣ довольно большое общество на именинный обѣдъ. За ней онъ пріѣхалъ самъ, она ѣхала съ нимъ въ шарабанчикѣ, я сзади, верхомъ. Радовалъ солнечный, сухой просторъ полей, открытыя и какъ бы песчаныя поля были безъ конца покрыты копнами. Все во мнѣ требовало чего то отчаянно-ловкаго. Я безбожно горячилъ и сдерживалъ лошадь, потомъ пускалъ ее и на всемъ скаку махалъ черезъ копны, въ кровь разсѣкая ей бабки острыми подковами. Именинный обѣдъ на прогнившемъ балконѣ длился до вечера, вечеръ незамѣтно слился съ но-

чью, съ лампами, виномъ, пѣснями и гитарами. Я сидѣлъ рядомъ съ ней и уже безъ всякаго стыда держалъ ея руку въ своей, и она не отнимала ея. Поздно ночью мы, точно сговорившись, встали изъ-за стола и сошли съ балкона въ темноту сада, она остановилась въ его теплой чернотѣ и, прислонясь спиной къ дереву, протянула ко мнѣ руки, — я не могъ разглядѣть, но тотчасъ угадалъ ихъ движеніе... Быстро посѣрѣло послѣ того въ саду, хрипло и какъ то безпомощно-блаженно стали кричать въ усадьбѣ молодые пѣтушки, а еще черезъ минуту сталъ свѣтелъ весь садъ отъ огромнаго золотистаго востока, раскрывшагося за нимъ надъ желтыми полями за рѣчной низменностью... Потомъ мы стояли на обрывѣ надъ этой низменностью, и она, глядя на солнечно разгорающійся небосклонъ и уже не замѣчая меня, пѣла «Утро» Чайковскаго. Оборвавъ на высокомъ, недоступномъ ей звукѣ, она подхватила нарядныя оборки батистовой юбки цвѣта куропатки и побѣжала къ дому. Я остановился, растерянный, но уже неспособный не только соображать что нибудь, но просто держаться на ногахъ. Я отошелъ подъ старую березу, стоявшую на скатѣ обрыва въ сухой травѣ, и прилегъ подъ ней. Былъ уже день, солнце взошло и, какъ всегда въ концѣ лѣта, въ погожую пору, сразу наступило свѣтлое жаркое утро. Я положилъ голову на корни березы и точасъ заснулъ. Но солнце разгоралось все жарче, — вскорѣ я проснулся въ такомъ зноѣ и блескѣ, что всталъ и, шатаясь, пошелъ искать тѣни. Весь домъ еще спалъ, стоя въ сухомъ ослѣпительномъ свѣтѣ. Не спалъ одинъ ста-

рый хозяинъ. Изъ открытаго окна его кабинета, подъ которымъ густо разрослась одичавшая сирень, слышался его кашель, въ которомъ чувствовалось старческое наслажденіе первой утренней трубкой, утреннимъ стаканомъ крѣпкаго чаю со сливками. На мои шаги и шумъ воробьевъ, ливнемъ сорвавшихся отъ меня съ блестящей, подъ солнцемъ сирени, онъ выглянулъ въ окно, запахивая на груди старенькій халатикъ изъ турецкаго узорчатаго шелка, показалъ свое страшное отъ запухшихъ глазъ и громадной сѣдой бороды лицо и улыбнулся съ необыкновенной добротой. Я виновато поклонился, прошелъ по балкону въ раскрытыя двери гостиной, совершенно прелестной своей утренней тишиной и пустотой, летающими въ ней бабочками, синими старинными обоями, креслами и диванчиками, легъ на одинъ изъ этихъ диванчиковъ, на рѣдкость неудобный своей изогнутостью, и опять заснулъ глубокимъ сномъ. Но тутъ, — будто-бы тотчасъ-же, хотя спалъ я долго, — кто то подошелъ ко мнѣ и, смѣясь, что то сталъ говорить, путать мнѣ волосы. Я очнулся — передо мной стояли молодые хозяева, братъ и сестра, оба черные, огнеглазые, по татарски красивые, онъ въ желтой шелковой косовороткѣ, она въ такой же кофточкѣ. Я вскочилъ и сѣлъ: они какъ-то очень хорошо говорили, что пора вставать, завтракать, что она уже уѣхала, и не одна, а съ Кузьминымъ, и подали мнѣ записочку. Я тотчасъ вспомнилъ глаза Кузьмина, — бойкіе, дерзкіе, какіе-то пестрые, цвѣта пчелы, — взялъ записочку, пошелъ въ старинную «дѣвичью», — тамъ смиренно ждала меня

надъ табуретомъ съ тазомъ, держа въ худой рукѣ, покрытой гречкой, кувшинъ съ водой, какая-то старушка во всемъ темненькомъ, — на ходу прочель: «не старайтесь больше меня видѣть» — и сталъ умываться. Вода была ледяная, острая — «у насъ вѣдь ключевая-съ, колодезная», — сказала старушка и подала мнѣ длиннѣйшее льняное полотенце. Я быстро прошелъ въ прихожую, взялъ картузь и нагайку, пробѣжалъ черезъ жаркій дворъ въ конюшню... Лошадь тихонько и горестно заржала мнѣ навстрѣчу изъ сумрака, — она такъ и осталась подъ сѣдломъ, стояла возлѣ пустыхъ яслей, съ подведенными пахами, — я схватилъ поводъ, вскочилъ въ сѣдло, все еще какъ-то диковосторженно сдерживая себя, и помчался вонъ со двора. За усадьбой я круто свернулъ въ поле, понесся куда глаза глядятъ по шуршащему жнивью, осадилъ лошадь подъ первой попавшейся копной и, сорвавшись съ сѣдла, сѣлъ подъ ней. Лошадь шумѣла, хватая зубами и таща къ себѣ снопы за сыплющіеся точно стекляннымъ зерномъ колосья, тысячами часиковъ знойно торопились въ жнивьи и въ снопахъ кузнечики, точно песчаной пустыней простирались вокругъ свѣтлыя поля — я ничего не слыхалъ, не видалъ, мысленно твердя одно: или она вернетъ мнѣ себя, эту ночь, это утро, эти батистовыя оборки, зашумѣвшія отъ ея замелькавшихъ въ сухой травѣ ногъ, или не жить намъ обоимъ!

Съ этими сумасшедшими чувствами, съ безумной увѣренностью въ нихъ я поскакалъ въ городъ.

IV

Я надолго остался послѣ того въ городѣ, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ съ ней въ запыленномъ садикѣ, что былъ въ глубинѣ двора при домѣ ея отца, — отецъ (безпечный человѣкъ, либеральный докторъ) ни въ чемъ ее не стѣснялъ. Съ той минуты, когда я прискакалъ къ ней съ Истры, и она, увидавъ мое лицо, прижала обѣ руки къ груди, уже нельзя было понять, чья любовь стала сильнѣй, счастливѣй, безсмысленнѣй, — моя или ея (тоже какъ-то вдругъ и неизвѣстно откуда взявшаяся). Наконецъ, чтобы хоть немного дать другъ другу отдохнуть, мы рѣшили на время разстаться. Это было необходимо тѣмъ болѣе, что, живя на мѣлокъ въ Дворянской гостиницѣ, я впалъ въ неоплатный долгъ. Пошли къ тому же дожди. Я оттягивалъ разлуку всячески — на послѣдокъ собрался съ силами и пустился подъ ливнемъ домой. Дома я сперва все только спалъ, тихо скитался изъ комнаты въ комнату, ничего не дѣлая, ни о чемъ не думая. Потомъ сталъ задумываться: что же это происходитъ со мной и чѣмъ все это кончится? Однажды пришелъ братъ Николай, вошелъ въ

мою комнату, сѣлъ, не снимая поддевки и картуза, и сказалъ:

— Итакъ, мой другъ, романтическое существованіе твое благополучно продолжается. Все по прежнему: «несетъ меня лиса за темныя лѣса, за высокія горы», а что за этими лѣсами и горами — невѣдомо. Я вѣдь все знаю, многое слышалъ, объ остальномъ догадываюсь — исторіи-то эти всѣ на одинъ ладъ. Знаю и то, что тебѣ теперь не до здравыхъ разсужденій. Ну, а все-таки: какія же твои дальнѣйшія намѣренія?

Я отвѣтилъ полушутя:

— Всякаго несетъ какая-нибудь лиса. А куда и зачѣмъ, конечно, никому неизвѣстно. Это даже въ Писаніи сказано: «Иди, юноша, въ молодости твоей, куда ведетъ тебя сердце твое и куда глядятъ глаза твои!»

Братъ помолчалъ, глядя въ полъ и какъ бы слушающая шопоть дождя по осеннему жалкому саду, потомъ грустно сказалъ:

— Ну, иди, иди...

Я все спрашивалъ себя: что дѣлать? Было ясно, что именно. Но чѣмъ настойчивѣе старался я внушить себѣ, что завтра-же надо написать рѣшительное, прощальное письмо, — это было еще возможно, послѣдней близости между нами еще не было, — тѣмъ все больше охватывала меня нѣжность къ ней, восхищеніе ею, благодарное умиленіе ея любовью ко мнѣ, прелестью ея глазъ, лица, смѣха, голоса... А черезъ нѣсколько дней, въ сумерки, появился вдругъ во дворѣ усадьбы верховой, мокрый съ головы до ногъ посыль-

ный подавший мнѣ мокрую депешу: «Больше не могу, жду». Я не спалъ до разсвѣта отъ страшной мысли, что черезъ нѣсколько часовъ увижу, услышу ее...

Такъ, то дома, то въ городѣ, провелъ я всю осень. Я продалъ сѣдло, лошадь, въ городѣ жилъ уже не въ Дворянской гостиницѣ, а на подворьи Никулиной, на Щепной площади. Городъ былъ теперь другой, совсѣмъ не тотъ, въ которомъ шли мои отроческіе годы. Все было простое, будничное, — только иногда, проходя по Успенской улицѣ мимо сада и дома гимназіи, ловилъ я что-то какъ будто близкое душѣ, когда-то пережитое. Уже давно я привычно курилъ, привычно брился въ парикмахерской, гдѣ когда-то сидѣлъ съ такой дѣтской покорностью, искоса поглядывая, какъ подъ непрерывно стрекочущими ножницами падаютъ на полъ мои шелковистые волосы. Мы съ утра до вечера сидѣли на турецкомъ диванѣ въ столовой почти всегда въ одиночествѣ: докторъ съ утра уѣзжалъ, гимназистъ, ея братъ, уходилъ въ гимназію; послѣ завтрака докторъ спалъ и опять куда-нибудь уѣзжалъ, а гимназистъ занятъ былъ бѣшеной игрой, бѣготней со своимъ рыжимъ Волчкомъ, который, притворно ярясь, лая, захлебываясь, носился вверхъ и внизъ по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ. Одно время эти однообразныя сидѣнія и, можетъ быть, моя неумѣренная, неизмѣнная чувствительность наскучили ей — она стала находить предлоги уходить изъ дому, бывать у подругъ, у знакомыхъ, а я сталъ сидѣть на диванѣ одинъ, слушая крики, хохотъ, топотъ гимназиста и театральныи лай Волчка, бѣсившагося на лѣстницѣ, сквозь сле-

зы глядѣль въ полузавѣшанныя окна на ровное сѣрое небо, куря папиросу за папиросой... Потомъ опять что-то случилось съ ней: опять она стала сидѣть дома, стала такъ ласкова, добра ко мнѣ, что я совсѣмъ потерялъ понятіе, что она за человѣкъ. «Что-жъ, миленькій, сказала она мнѣ однажды, видно, такъ тому и быть!» — и, радостно морщась, заплакала. Это было послѣ завтрака, когда въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ, оберегая отдыхъ доктора. — «Мнѣ только папу страшно жалко, для меня никого въ мірѣ нѣтъ дороже его!» — сказала она, какъ всегда, удивляя меня своей чрезмѣрной любовью къ отцу. И, какъ нарочно, тотчасъ же послѣ того прибѣжалъ гимназистъ, разсѣянно пробормоталъ, что докторъ просить меня къ себѣ. Она поблѣднѣла. Я поцѣловалъ ея руку и твердо пошелъ.

Докторъ встрѣтилъ меня съ ласковымъ весельемъ отлично выспавшагося и только что умывшагося послѣ сна человѣка, напѣвая и закуривая.

— Мой молодой другъ, — сказалъ онъ, предлагая курить и мнѣ, — давно хотѣлъ поговорить съ вами, — вы понимаете, о чемъ. Вамъ отлично извѣстно, что я человѣкъ безъ предразсудковъ. Но мнѣ дорого счастье дочери, отъ души жаль и васъ, и потому поговоримъ начистоту, какъ мужчина съ женщиной. Какъ это ни странно, но вѣдь я васъ совсѣмъ не знаю. Скажите же мнѣ: кто вы такой? — сказалъ онъ съ улыбкой.

Краснѣя и блѣднѣя, я сталъ усиленно затягиваться. Кто я такой? Хотѣлось отвѣтить съ гордостью, по-ге-левски (я только что прочелъ тогда Эккермана): «Я

самъ себя не знаю, и избави меня, Боже, знать себя!» Я, однако, сказалъ скромно:

— Вы знаете, что я пишу... Буду продолжать писать, работать надъ собой...

И неожиданно прибавилъ:

— Можетъ быть, подготовлюсь и поступлю въ университетъ...

— Университетъ, это, конечно, прекрасно, — отвѣтилъ докторъ. — Но вѣдь подготовиться къ нему дѣло не шуточное. И къ какой именно дѣятельности вы хотите готовиться? Къ литературной только или и къ общественной, служебной?

И снова вздоръ полѣзъ мнѣ въ голову — снова Гете: «Я живу въ вѣкахъ, съ чувствомъ несноснаго непостоянства всего земного... Политика никогда не можетъ быть дѣломъ поэзіи...»

— Общественность не дѣло поэта, — отвѣтилъ я.

Докторъ взглянулъ на меня съ легкимъ удивленіемъ:

— Такъ что Некрасовъ, на примѣръ, не поэтъ, по-вашему? Но вы все-таки слѣдите хоть немного за текущей общественной жизнью, знаете, чѣмъ живетъ и волнуется въ настоящій моментъ всякій честный и культурный русскій человѣкъ?

Я подумалъ и представилъ себѣ то, что зналъ: всѣ говорятъ о реакціи, о земскихъ начальникахъ, о томъ, что «камня на камень не оставлено отъ всѣхъ благихъ начинаній эпохи великихъ реформъ»... что Толстой зоветъ «въ келью подъ елью»... что живемъ мы по-истинѣ въ чеховскихъ «Сумеркахъ»... Я вспомнилъ

книжечку изреченій Марка Аврелія, распространяемую толстовцами: «Фронтонъ научилъ меня, какъ черствы души людей, слывающихъ аристократами...» Вспомнилъ печальнаго старика-хохла, съ которымъ плылъ весной по Днѣпру, какого-то сектанта, все твердившаго мнѣ на свой ладъ слова апостола Павла: «Якъ Господь посадивъ одесную Себя Христа на небесахъ, превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семь вѣкѣ, но и въ будущемъ, такъ брань наша не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, міроправителей тьмы вѣка сего...» Я почувствовалъ свое уже давнее тяготѣніе къ толстовству, освобождающему отъ всякихъ общественныхъ узъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ополчающемуся на «міроправителей тьмы вѣка сего», ненавистныхъ и мнѣ, — и пустился въ проповѣдь толстовства.

— Такъ что, по-вашему, единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ и бѣдъ въ этомъ пресловутомъ недѣланіи, непротивленіи? — спросилъ докторъ съ преувеличеннымъ безразличіемъ.

Я поспѣшилъ отвѣтить, что я за дѣланіе и за противленіе, «только совсѣмъ особое». Мое толстовство складывалось ихъ тѣхъ сильныхъ противоположныхъ чувствъ, которыя возбуждали во мнѣ Пьеръ Безуховъ и Анатолій Куракинъ, князь Серпуховской изъ «Холстомѣра» и Иванъ Ильичъ, «Такъ что же намъ дѣлать» и «Много ли человѣку земли нужно», изъ страшныхъ картинъ городской грязи и нищеты, нарисованныхъ въ статьѣ о московской переписи, и поэтической меч-

создавали во мнѣ «Кзаки» и мои собственные впечатлѣнія отъ Малороссіи: какое это счастье — отрях-
ты о жизни среди природы, среди народа, которую
нуть отъ ногъ прахъ всей нашей неправедной жизни
и замѣнить ее чистой, трудовой жизнью гдѣ-нибудь на
степномъ хуторѣ, въ бѣлой мазанкѣ на берегу Днѣп-
ра! Кое-что изъ всего этого, опустивъ мазанку, я и
сказалъ доктору. Онъ слушалъ, казалось, внимательно,
но какъ-то черезчуръ снисходительно. Одну ми-
нуту у него помутились сонно отяжелѣвшіе глаза и
задрожали отъ приступа зѣвоты сжатая челюсти, но
онъ одолѣлъ себя, зѣвнулъ только черезъ ноздри и
сказалъ:

— Да, да, я васъ слушаю... Значить, вы не ищите
лично для себя никакихъ, такъ сказать, обычныхъ
благъ «міра сего»? Но вѣдь есть же не только лич-
ное. Я, на примѣръ, далеко не восхищаюсь народомъ,
хорошо, къ сожалѣнію, знаю его, весьма мало вѣрю,
что онъ есть кладезь и источникъ всѣхъ премудро-
стей и что я обязанъ вмѣстѣ съ нимъ утверждать зем-
лю на трехъ китахъ, но неужели все-таки мы ничѣмъ
ему не обязаны и ничего не должны ему? Впрочемъ
не смѣю поучать васъ въ этомъ направленіи. Я во вся-
комъ случаѣ очень радъ, что мы побесѣдовали. Теперь-
же вернусь къ тому, съ чего началъ. Скажу кратко и,
простите, совершенно твердо. Каковы бы ни были чув-
ства между вами и моею дочерью и въ какой бы стадіи
развитія они ни находились, скажу заранѣе: она, ко-
нечно, совершенно свободна, но, буде, пожелаетъ, на-
примѣръ, связать себя съ вами какими-либо прочны-

ми узами и спросить на то моего, такъ сказать, благословенія, то получить отъ меня рѣшительный отказъ. Вы очень симпатичны мнѣ, я желаю вамъ всяческихъ благъ, но это такъ. Почему? Отвѣчу совсѣмъ по-обывательски: не хочу видѣть васъ обоихъ несчастными, прозябающими въ нуждѣ, въ неопредѣленномъ существованіи. И потомъ, позвольте говорить ужъ совсѣмъ откровенно: что у васъ общаго? Гликерія дѣвочка хорошенькая и, нечего грѣха таить, довольно переменчивая, — нынче одно увлеченіе, завтра другое, — мечтаетъ, ужъ конечно, не о толстовской кельѣ подъ елью, — посмотрите-ка, какъ она одѣвается, не взирая на наше захоlustье. Я отнюдь не хочу сказать, что она испорченная, я только думаю, что она, какъ говорится, совсѣмъ не пара вамъ...

Она ждала меня, стоя подъ лѣстницей, встрѣтила меня вопрошающими и готовыми къ ужасу глазами. Я поспѣшно передалъ ей послѣднія слова доктора. Она опустила голову:

— Да, противъ его воли я никогда не пойду, — сказала она.

V

Живя на подворьи Никулиной, я иногда выходилъ и безъ цѣли шелъ по Щепной площади, потомъ по пустымъ полямъ сзади монастыря, гдѣ стояло большое кладбище, обнесенное старыми стѣнами. Тамъ только вѣтеръ дулъ — грусть и глушь, вѣчный покой крестовъ и плитъ, всѣми забвенныхъ, заброшенныхъ, что-то пустое, подобное одинокой, смутной мысли о чемъ-то. Надъ воротами кладбища была написана безграничная сизая равнина, вся изрытая разверзающимися могилами, наискось падающими надгробіями, поднимающимися изъ-подъ нихъ зубастыми и ребрастыми скелетами и незапамятно-древними старцами и старицами въ блѣдно-зеленыхъ саванахъ. И огромный ангелъ съ трубой возлѣ устъ летѣлъ, трубилъ надъ этой равниной, полосами развѣвая свои блекло-синія одежды, согнувъ въ колѣняхъ голыя дѣвичьи ноги, вскинувъ сзади себя длинныя мѣловыя ступни... На подворьи царилъ осенній уѣздный миръ, было тоже пусто — подъѣзду изъ деревень почти не было. Я возвращался, входилъ во дворъ — навстрѣчу мнѣ, изъ-подъ навѣсовъ двора,

несла пѣтуха стряпуха въ мужицкихъ сапогахъ: «Вотъ въ домъ несу, говорила она, неизвѣстно чему смѣясь, — совсѣмъ очумѣлъ отъ старости, нехай теперь со мной квартируетъ...» Я поднимался на широкое каменное крыльцо, проходилъ темныя сѣнцы, потомъ теплую кухню съ нарами, шель въ горницы, — тамъ была спальня хозяйки и та комната, гдѣ стояли два большихъ дивана, на которыхъ спали рѣдкіе прїѣзжіе изъ мѣщанъ и духовенства, а чаще всего одинъ я. Тишина, чистота, въ тишинѣ и теплѣ мѣрно стучитъ изъ спальни, съ комода хозяйки, никкелевый будильникъ. — «Прогулялись?» — ласково, съ улыбкой милаго снисхожденія, спрашиваетъ хозяйка, выходя оттуда. Какой очаровательный, гармоническій голосъ! Она была полная, круглоликая. Я порой не могъ спокойно смотреть на нее — особенно въ тѣ вечера, когда она, вся алая, возвращалась изъ бани и долго пила чай, сидѣла съ еще темными влажными волосами, съ тихимъ и томнымъ блескомъ глазъ, въ бѣлой ночной кофточкѣ, свободно и широко покоя въ креслѣ свое чистое тѣло, а ея любимая шелковисто-бѣлая съ розовыми глазами кошка мурлыкала въ ея полныхъ, слегка разставленныхъ колѣняхъ. Снаружи слышался стукъ: стряпуха затворяла съ улицы крѣпкія сплошныя ставни, гремѣла, продѣвая оттуда въ комнату, въ круглыя отверстія по бокамъ оконъ, желѣзныя шкворни колѣнчатыхъ баутовъ, — нѣчто, напоминающее старинныя, опасныя времена. Никулина поднималась, вставляла въ дырочки на концахъ баутовъ желѣзные клинушки и опять бралась за чай, и въ комнатѣ становилось еще уют-

нѣе... Дикія чувства и мысли проходили тогда во мнѣ: вотъ бросить все и навсегда остаться тутъ, на этомъ подворьи, спать въ теплой спальнѣ, подъ вѣчный стукъ будильника! Надъ однимъ диваномъ висѣла картина: удивительно зеленый лѣсъ, стоящій сплошной стѣной, подъ нимъ бревенчатая хижинка, а возлѣ хижинки — кротко согнувшійся старчикъ, положившій ручку на голову бураго медвѣдя, тоже кроткаго, смиреннаго, мягколапаго; надъ другимъ — нѣчто совершенно нелѣпое для всякаго, кто долженъ былъ сидѣть или лежать на немъ: фотографія старика въ гробу, важнаго, бѣлоликаго, въ черномъ сюртукѣ, — покойнаго мужа Никулиной. Изъ кухни, въ ладъ долгому осеннему вечеру, слышался дробный стукъ и протяжное: «У церкви стояла карета, тамъ пышная свадьба была...» — это пѣли и рубили на зиму капусту слободскія дѣвки-поденщицы. И во всемъ, — въ этой мѣщанской пѣснѣ, въ мѣрномъ хозяйственномъ стукѣ, въ старой лубочной картинѣ, даже въ покойникѣ, жизнь котораго все еще какъ бы длилась въ этомъ бессмысленно-счастливомъ житіи подворья, — была для меня, безпріютнаго, безбытнаго, великая грусть: «Ибо и птица обрѣтъ себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ...»

По ночамъ дверь спальни Никулиной бывала пріоткрыта, я видѣлъ въ ней свѣтъ лампадки, слышалъ дыханіе, ровное, съ правильными промежутками, когда казалось, что Никулина сама прислушивается къ нему и ждетъ меня въ свою теплую постель.

VI

Въ ноябрѣ я уѣхалъ домой. Прощаясь, мы условились встрѣтиться въ Орлѣ: она выѣдетъ туда перваго декабря, я-же, для приличія, хотъ недѣлей позднѣй. А перваго, въ морозную лунную ночь, поскакалъ въ Писарево, чтобы сѣсть тамъ какъ разъ въ тотъ ночной поѣздъ, съ которымъ она должна была ѣхать изъ города. Какъ вижу, какъ чувствую эту сказочно-давнюю ночь! Вижу себя на полпути между Батуринымъ и Васильевскимъ, въ ровномъ снѣжномъ полѣ. Пара летитъ, коренникъ точно на одномъ мѣстѣ трясеть дугой, дробитъ крупной рысью, пристяжная ровно взвиваетъ и взвиваетъ задъ, мечетъ и мечетъ вверхъ изъ-подъ заднихъ бѣло-сверкающихъ подковъ снѣжными комьями... порой вдругъ сорвется съ дороги, ухнетъ въ глубокой снѣгъ, заспѣшитъ, зачаститъ, путаясь въ немъ вмѣстѣ съ опавшими постромками, потомъ опять цѣпко выскочитъ и опять несетъ, крѣпко рветъ валекъ... Все летитъ, спѣшитъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ точно стоитъ и ждетъ: неподвижно серебрится вдали, подъ луной, чешуйчатый настъ снѣговъ, неподвижно

бѣлѣетъ низкая и мутная съ морозу луна, широко и мистически-печально охваченная радужно-туманнымъ кольцомъ, и всего неподвижнѣй я, застывшій въ этой скачкѣ и неподвижности, покорившійся ей до поры до времени, оцѣпенѣвшій въ ожиданіи, а наряду съ этимъ тихо глядящій въ какое-то воспоминаніе: вотъ такая-же ночь и такой-же путь въ Васильевское, только это моя первая зима въ Батуричѣ, и я еще чистъ, невиненъ, радостенъ — радостью первыхъ дней юности, первыми поэтическими упоеніями въ мірѣ этихъ старинныхъ томиковъ, привозимыхъ изъ Васильевскаго, ихъ стансовъ, посланій, элегій, балладъ:

Скачутъ. Пусто все вокругъ.
Степь въ очахъ Свѣтланы...

«Гдѣ все это теперь!» думаю я, не теряя, однако, ни на минуту своего главнаго состоянія, — оцѣпенѣлаго, ждущаго. «Скачутъ, пусто все вокругъ», говорю я себѣ въ ладъ этой скачкѣ (въ ритмъ движенія, всегда имѣвшаго такую ворожащую силу надо мной) и чувствую въ себѣ кого-то лихого, стариннаго, куда-то скачущаго въ киверѣ и медвѣжьей шубѣ, и о дѣйствительности напоминаетъ только засыпанный снѣгомъ работникъ, въ армякѣ поверхъ полушубка стоящій въ передкѣ, да пересыпанная снѣжной пылью, мерзлая, пахучая овсяная солома, набитая подъ передкомъ въ моихъ застывшихъ ногахъ... За Васильевскимъ, на раскатѣ въ ухабѣ, упавшій коренникъ переломилъ оглоблю, — я, пока работникъ связывалъ ее, замаралъ отъ ужаса, что опоздаю къ поѣзду. Пріѣхавъ,

тотчасъ на послѣднія деньги купилъ билетъ перваго класса, — она ѣздила въ первомъ, — и кинулся на платформу. Помню мутный отъ морознаго пара лунный свѣтъ, въ которомъ терялся желтый свѣтъ ея фонарей и освѣщенныхъ оконъ телеграфа. Поѣздъ уже подходилъ, я глядѣлъ въ мутную снѣжную даль, чувствуя себя точно стекляннымъ отъ мороза и ледяного внутренняго трепета. Неожиданно и гулко забилъ колоколь, рѣзко завизжали и захлопали двери, туго и рѣзко заскрипѣли быстрые шаги выходящихъ изъ вокзала — и вотъ, какъ-то космато зачернѣлъ вдали паровозъ, показался медленно и страшно идущій подъ его тяжелое дыханіе треугольникъ мутно-красныхъ огней... Поѣздъ подошелъ съ трудомъ, весь въ снѣгу, промерзлый, визжа, скрипя, ноя... Я вскочилъ въ сѣнцы вагона, распахнулъ дверь въ него — она, въ шубкѣ, накинутой на плечи, сидѣла въ сумракѣ, подъ задернутымъ вишневою занавѣской фонаремъ, совсѣмъ одна во всемъ вагонѣ, глядя прямо на меня...

Ночью мы тѣсно лежали на красномъ бархатномъ диванѣ. Вагонъ былъ старый, высокій, на трехъ парахъ колесъ; на бѣгу, на морозѣ, онъ весь гремѣлъ и все падалъ, валился куда-то, скрипѣлъ дверями и стѣнками, замерзшія стекла его играли сѣрыми алмазами... Мы были уже гдѣ-то далеко, была поздняя ночь... Все произошло безотчетно, безвольно и, когда произошло, поразило, что дѣйствительно произошло — непоправимо... Она встала съ горящимъ, ничего не видящимъ лицомъ, поправила волосы и, закрывъ глаза, недоступно сѣла въ уголь.

Вагонъ былъ изъ тѣхъ, что уже и въ то время были рѣдкостью: какъ-бы гостиная, съ ломбернымъ столомъ посерединѣ, большими красно-бархатными креслами вокругъ него и диванами вдоль стѣнъ. Когда въ послѣдствіи мнѣ случалось иногда, на какой-нибудь глухой вѣткѣ, попадать въ такой вагонъ, неизмѣнно какая-то беззвучная молнія мелькала во мнѣ.

VII

Зиму мы жили въ Орлѣ.

Какъ выразить чувства, съ которыми мы вышли утромъ изъ вагона, вошли въ редакцію, втайнѣ соединенные этой новой, жуткой, сладкой, стыдной близостью!

Я поселился въ маленькой гостиницѣ, она попрежнему у Авиловой. Тамъ мы проводили почти весь день, а завѣтные часы — въ этой гостиницѣ.

Это было счастье нелегкое, изнурительное.

Помню: какъ-то вечеромъ она была на каткѣ, я сидѣлъ и занимался въ редакціи, — мнѣ тамъ уже стали давать кое-какую работу, нѣкоторый заработокъ, — въ домѣ было пусто и тихо, — Авилова уѣхала на какое-то собраніе, — вечеръ казался безконечнымъ, фонарь, горѣвшій за окномъ на улицѣ, грустнымъ, никому не нужнымъ, приближающіеся и удаляющіеся шаги прохожихъ, ихъ скрипъ по снѣгу, точно уносили, отнимали что-то отъ меня; сердце мнѣ томила тоска, обида, ревность, — вотъ я тутъ сижу одинъ, за какой-то нелѣпой, недостойной меня работой, до кото-

рой я унизился ради нея, а ей гдѣ-то тамъ, на этомъ ледяномъ пруду, окруженномъ бѣлыми снѣжными валами съ черными елками, оглушаемомъ полковой музыкой, залитомъ сиреневымъ газовымъ свѣтомъ и усѣянномъ летающими черными фигурами, — ей тамъ весело... Вдругъ раздался звонокъ и быстро вошла она. На ней былъ сѣрый костюмъ, сѣрая бѣличья шапочка, въ рукахъ она держала блестящіе коньки, и все въ комнатѣ сразу радостно наполнилось ея морозной молодой свѣжестью, красотой раскраснѣвшагося отъ мороза и движенія лица. — «Охъ, сказала она, устала, миленькій!» — и прошла въ свою комнату. Я пошелъ за ней, она бросилась на диванъ, съ усмѣшкой изнеможенія откинулась, все еще держа коньки въ рукахъ. Я съ мучительнымъ и уже привычнымъ чувствомъ смотрѣлъ на ея высокій зашнурованный подъемъ, на ногу, обтянутую сѣрымъ чулкомъ и видную изъ-подъ короткой сѣрой юбки, — даже одна эта плотная шерстяная матерія вождедѣнно мучила меня, — сталъ упрекать ее, — вѣдь мы не видались весь день! — потомъ вдругъ, съ пронзительнымъ чувствомъ нѣжности и жалости, увидалъ, что она спитъ... Очнувшись, она ласково и грустно отвѣтила: «Я, миленькій, почти все слышала. Не сердись, я устала. Я вообще, должно быть, очень устала. Вѣдь я все-таки много пережила за этотъ годъ!»

VIII

Чтобы найти предлогъ для жизни въ Орлѣ, она начала учиться музыкѣ. Я тоже нашель предлогъ: работу въ «Голосѣ». Первое время это меня даже радовало: радовала хоть нѣкоторая правильность, наставшая въ моемъ существованіи, успокаивала нѣкоторая обязательность, которая вошла въ мою лишенную всякихъ обязательствъ жизнь. Потомъ все чаще стало мелькать въ умѣ: о такой ли жизни я мечталъ! Вотъ я, можетъ быть, въ самой лучшей порѣ своей, когда весь міръ долженъ быть въ моемъ обладаніи, а я не обладаю даже калошами! Все это только пока, теперъ? Ну, а что впереди? Мнѣ стало казаться, что далеко не все благополучно и въ нашей близости, въ согласованности нашихъ чувствъ, мыслей, вкусовъ, а значить, и въ ея вѣрности: этотъ «вѣчный раздоръ между мечтой и существенностью», вѣчную неосуществимость полноты и цѣльности любви я переживалъ въ ту зиму со всей силой новизны для меня и какъ будто страшной незаконности по отношенію ко мнѣ.

Больше всего мучился я, когда бывалъ съ ней на

балахъ, въ гостяхъ. Когда она танцевала съ кѣмъ-нибудь, кто былъ красивъ, ловокъ, и я видѣлъ ея удовольствіе, оживленіе, быстрое мельканіе ея юбокъ и ногъ, музыка больно била меня по сердцу своей бодрой звучностью, и вальсами влекла къ слезамъ. Всѣ любовались, когда она танцевала съ Турчаниновымъ, — тѣмъ противоестественно-высокимъ офицеромъ въ черныхъ полубачкахъ, съ продолговатымъ, матово-смуглымъ лицомъ, съ неподвижными темными глазами. Она была довольно высока, — все-таки онъ былъ на двѣ головы выше ея и, тѣсно обнявъ и плавно, длительно кружа ее, какъ-то настойчиво и непроницаемо смотрѣлъ на нее сверху внизъ, а въ ея поднятомъ къ нему лицѣ было что-то счастливое и несчастное, прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно ненавистное мнѣ. Какъ молилъ я тогда Бога, чтобы произошло нѣчто невѣроятное, — чтобы онъ вдругъ наклонился и поцѣловалъ ее и тѣмъ сразу разрѣшилъ, подтвердилъ тяжкія ожиданія, замиранія моего сердца!

— Ты только о себѣ думаешь, хочешь, чтобы все было только по-твоему, — сказала она разъ. — Ты бы, вѣрно, съ радостью лишилъ меня всякой личной жизни, всякаго общества, отдѣлилъ бы меня ото всѣхъ, какъ отдѣляешь себя...

И точно: по какому-то тайному закону, требующему, чтобы во всякую любовь и особенно любовь къ женщинѣ, входило чувство жалости, сострадающей нѣжности, я жестоко не любилъ — особенно на людяхъ — минутъ ея веселости, оживленія, желанія нравиться и вообще чѣмъ-нибудь блистать — и горячо

любилъ ея простоту, тишину, кротость, безпомощность, слезы, отъ которыхъ у нея тотчасъ же по-дѣтски вспухали губы. Въ обществѣ я, дѣйствительно, чаще всего держался отчужденно, недобрымъ наблюдателемъ, втайнѣ даже радуясь своей отчужденности, недоброжелательности, рѣзко обострившей мою впечатлительность, зоркость, проницательность насчетъ всякихъ людскихъ недостатковъ. Зато какъ хотѣлъ я близости съ ней и какъ страдалъ, не достигая ея!

Я часто читалъ ей стихи.

— Послушай, это изумительно! — восклицалъ я. — «Уноси мою душу въ звенящую даль, гдѣ, какъ мѣсяцъ надъ рощей, печаль!»

Но она изумленія не испытывала:

— Да, это очень хорошо, — говорила она, уютно лежа на диванѣ, подложивъ обѣ руки подъ щеку, глядя искоса, тихо и безразлично. — Но почему «какъ мѣсяцъ надъ рощей»? Это Фетъ? У него вообще слишкомъ много описаній природы.

Я негодовалъ: описаній! — пускался доказывать, что нѣтъ никакой отдѣльной отъ насъ природы, что каждое малѣйшее движеніе воздуха есть движеніе нашей собственной жизни. Она смѣялась:

— Это только пауки, миленькій, такъ живутъ!

Я читалъ:

Какая грусть! Конецъ аллеи
Опять съ утра исчезъ въ пыли,
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли...

Она спрашивала:

— Какія змѣи?

И нужно было объяснить, что это — метель, по-земка.

Я, блѣднѣя, читалъ:

Ночь морозная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей...
За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны...

— Миленькій, — говорила она, — вѣдь я-же этого ничего никогда не видала!

Я читалъ уже съ тайнымъ укоромъ:

Солнца лучъ проежъ тучъ былъ и жгучъ и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ...

Она слушала одобрительно, но, вѣроятно, только потому, что представляла себѣ, что это она сама сидитъ въ саду, чертя по песку хорошенькимъ зонтикомъ.

— Это, правда, прелестно, — говорила она. — Но достаточно стиховъ, поди ко мнѣ... Все-то ты недоволенъ мной!

Я нерѣдко рассказывалъ ей о своемъ дѣтствѣ, ранней юности, о поэтической прелести нашей усадьбы, о матери, отцѣ, сестрѣ: она слушала съ безпощаднымъ безучастіемъ. Я хотѣлъ отъ нея грусти, умиленія, рассказывая о той бѣдности, которая наступала порой въ жизни нашей семьи, — о томъ, на примѣръ, какъ одна-

жды мы сняли всѣ старинныя ризы со всѣхъ нашихъ образовъ и повезли ихъ закладывать въ городъ Мещериновой, одинокой старухѣ страшнаго восточнаго вида, горбоносой, усатой, съ выкаченными бѣлками, въ шелкахъ, шаляхъ и перстняхъ, въ пустомъ дому которой, загроможденномъ всякимъ музейнымъ убранствомъ, весь день дикимъ и мертвымъ голосомъ кричалъ попугай: и что же видѣлъ вмѣсто грусти, умиленія?

— Да, это ужасно, — невнимательно говорила она.

Чѣмъ дальше жилъ я въ городѣ, тѣмъ больше чувствовалъ себя въ немъ какъ-то совершенно ни къ чему, — даже Авилова почему-то измѣнилась ко мнѣ, стала суха, насмѣшлива; чѣмъ темнѣй и скучнѣй становилась моя городская жизнь, тѣмъ чаще тянуло меня быть наединѣ съ ней, — что-нибудь читать, рассказывать, высказываться. Въ моей комнатѣ въ гостиницѣ было узко, сѣро, страшно грустно за себя — за чемоданишко и нѣсколько книжекъ, составлявшихъ все мое богатство, за одинокія ночи, которыя такъ бѣдно и холодно не то что спалъ, а скорѣе одолѣвалъ я въ ней, все сквозь сонъ поджидая разсвѣта, перваго морознаго, глубоко-зимняго удара въ колоколь на сосѣдней колокольнѣ. Въ ея комнатѣ тоже было тѣсно, она была въ концѣ коридора, возлѣ лѣстницы въ мезонинѣ, зато окнами выходила въ садъ, была тиха, тепла, хорошо убрана; въ сумерки въ ней топилась печка, она же умѣла лежать въ подушкахъ дивана удивительно пріятно, вся сжавшись и подобравъ подъ себя свои на рѣдкость хорошенькія туфельки. Я говорилъ:

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ,
Мы сѣли съ ней другъ противъ друга,
Валежникъ свисталъ на огнѣ...

Но всѣ эти вьюги, лѣса, поля, поэтически-дикарскія радости уюта, жилья, огня были особенно чужды ей.

Мнѣ долго казалось, что достаточно сказать: «знаешь эти осеннія накатанныя дороги, тугія, похожія на лиловую резину, изсѣченныя шипами подковъ и блестящія подъ низкимъ солнцемъ слѣпящей золотой полосой?»», чтобы вызвать ея восторгъ. Я рассказывалъ ей, какъ мы однажды съ братомъ Георгіемъ ѣздили поздней осенью покупать на срубъ березу: въ поварской у насъ вдругъ рухнулъ потолокъ, чуть не убилъ древняго старика, нашего бывшаго повара, вѣчно лежавшаго въ ней на печи, и вотъ мы поѣхали въ рощу, покупать эту березу на матицу. Шли непрерывные дожди (все мелкими, быстро сыплющимися сквозь солнце каплями), мы рысью катили въ телѣгѣ съ мужиками сперва по большой дорогѣ, потомъ по рощѣ, которая стояла въ этомъ дробномъ, дождевомъ и солнечномъ сверканіи на своихъ еще зеленыхъ, но уже мертвыхъ и залитыхъ водою полянахъ съ удивительной вольностью, картинностью и покорностью... Я говорилъ, какъ несказанно жаль было мнѣ эту раскидистую березу, сверху до низу осыпанную мелкой ржавой листвой, когда мужики косолапо и грубо обошли, оглядѣли ее кругомъ и потомъ, поплевавъ въ рубчатые, звѣриныя ладони, взялись за топоры и дружно ударили въ ея пестрый отъ бѣлизны и черни стволъ... «Ты не можешь

себѣ представить, какъ страшно мокро было все, какъ все блестѣло и переливалось!» — говорилъ я и кончилъ признаніемъ, что хочу написать объ этомъ рассказъ. Она пожала плечами:

— Ну, миленькій, о чемъ-же тутъ писать! Что-жъ все погоду описывать!

Однимъ изъ самыхъ сложныхъ и мучительныхъ наслажденій была для меня музыка. Когда она играла что-нибудь прекрасное, какъ любилъ я ее! Какъ изнемогала душа отъ восторженно-самоотверженной нѣжности къ ней! Какъ хотѣлось жить долго, долго! Часто я думалъ, слушая: «Если мы когда-нибудь разстанемся, какъ я буду слушать это безъ нея! Какъ я буду вообще любить что-нибудь, чему-нибудь радоваться, не дѣлясь съ ней этой любовью, радостью!» Но насчетъ того, что мнѣ не нравилось, я былъ такъ рѣзокъ въ сужденіяхъ, что она выходила изъ себя:

— Надя! — кричала она Авиловой, бросая клавиши и круто повертываясь къ сосѣдней комнатѣ. — Надя, послушай, что онъ здѣсь несетъ!

— И буду нести! — восклицалъ я. — Три четверти каждой изъ этихъ сонатъ — пошлость, гамъ, кавардакъ! Ахъ, здѣсь слышенъ стукъ гробовой лопаты! Ахъ, тутъ феи на лугу кружатся, а тутъ гремятъ водопады! Эти феи одно изъ самыхъ ненавистныхъ мнѣ словъ! Хуже газетнаго «чреватый»! Хуже «чу», которое пишутъ гадкіе писатели!

Она увѣряла себя въ своей страстной любви къ театру, а я ненавидѣлъ его, все больше убѣждался, что талантливость большинства актеровъ и актрисъ

есть только ихъ наилучшее по сравненію съ другими умѣніе быть пошлыми, наилучше притворяться по самымъ пошлымъ образцамъ творцами, художниками. Всѣ эти вѣчныя свахи въ шелковыхъ повойникахъ луковаго цвѣта и турецкихъ шаляхъ, съ подобострастными ужимками и сладкимъ говоркомъ изгибающіяся передъ Титъ Титычами, съ неизмѣнной гордой истовостью откидывающимися назадъ и непременно прикладывающими растопыренную лѣвую руку къ сердцу, къ боковому карману длиннополаго сюртука; эти свиноподобные городничіе и вертлявые Хлестаковы, мрачно и чревно хрипящіе Осипы, поганенькіе Репетиловы, фатовски негодующіе Чацкіе, эти Фамусовы, играющіе перстами и выпячивающіе, точно сливы, жирныя актерскія губы; эти Гамлеты въ плащахъ факельщиковъ, въ шляпахъ съ кудрявыми перьями, съ развратно-томными, подведенными глазами, съ черно-бархатными ляжками и плебейскими плоскими ступнями, — все это приводило меня просто въ содроганіе. А опера! Риголетто, изогнутый въ три погибели, съ ножками разъ навсегда раскинутыми врозь вопреки всѣмъ законамъ естества и связанными въ колѣнкахъ! Сусанинъ, гробно и блаженно закатывающей глаза къ небу и выводящей съ перекатами: «Ты взойдешь, моя заря», мельникъ изъ «Русалки» съ худыми, какъ сучья, дико раскинутыми и грозно трясущимися руками, съ которыхъ, однако, не снято обручальное кольцо, и въ такихъ лохмотьяхъ, въ столь истерзанныхъ, зубчатыхъ порткахъ, точно его рвала цѣлая стая бѣшеныхъ собакъ! Въ спорахъ о театрѣ мы никогда ни до чего не

договаривались: теряли всякую уступчивость, всякое пониманіе другъ друга. Вотъ знаменитый провинціальный актеръ, гастролируя въ Орлѣ, выступаетъ въ «Запискахъ сумасшедшаго», и всѣ жадно слѣдятъ, восхищаются, какъ онъ, сидя на больничной койкѣ, въ халатѣ, съ неумѣренно-небритымъ бабьимъ лицомъ, долго, мучительно-долго молчитъ, замирая въ какомъ-то идіотски-радостномъ и все растущемъ удивленіи, потомъ тихо, тихо подымаетъ палецъ и наконецъ, съ невѣроятной медленностью, съ нестерпимой выразительностью, звѣрски выворачивая челюсть, начинаетъ слогъ за слогомъ: «Се-го-дня-шняго дня...» Вотъ, на другой день, онъ еще великолѣпнѣе притворяется Любимомъ Торцовымъ, а на третій — сизоносимъ, засаленнымъ Мармеладовымъ: «А осмѣлюсь-ли, милостивый государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ?» — Вотъ знаменитая актриса пишетъ на сценѣ письмо — вдругъ рѣшила написать что-то роковое и, быстро сѣвъ за столъ, обмакнула сухое перо въ сухую чернильницу, въ одно мгновеніе сдѣлала три длинныхъ линіи по бумагѣ, сунула ее въ конвертъ, звякнула въ колокольчикъ и коротко и сухо приказала появившейся хорошенькой горничной въ бѣломъ фартучкѣ: «Немедленно отправьте это съ посыльнымъ!» — Каждый разъ послѣ такого вечера въ театрѣ мы съ ней кричимъ другъ на друга, не давая спать Авиловой, до трехъ часовъ ночи, и я клянусь уже не только гоголевскаго сумасшедшаго, Торцова и Мармеладова, но и Гоголя, Островскаго, Достоевскаго...

— Но, допустимъ, вы правы, — кричитъ она, уже

блѣдная, съ потемнѣвшими глазами и потому особенно прелестная, — почему все-таки приходите вы въ такую ярость? Надя, спроси его!

— Потому, — кричу я въ отвѣтъ, — что за одно то, какъ актеръ произноситъ слово «аромать» — «а-ро-мать!» — я готовъ задушить его!

И такой же крикъ подымался между нами послѣ каждой нашей встрѣчи съ людьми изъ всякаго орловскаго общества. Я страстно желалъ дѣлиться съ ней наслажденіемъ своею наблюдательности, изощреніемъ въ этой наблюдательности, хотѣлъ заразить ее своимъ беспощаднымъ отношеніемъ къ окружающему — и съ отчаяніемъ видѣлъ, что выходитъ нѣчто совершенно противоположное моему желанію сдѣлать ее соучастницей своихъ чувствъ и мыслей. Я однажды сказалъ:

— Если бъ ты знала, сколько у меня враговъ!

— Какихъ? Гдѣ? — спросила она.

— Всякихъ, всюду: въ гостиницѣ, въ магазинахъ, на улицѣ, на вокзалѣ...

— Кто же эти враги? — спросила она, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да всѣ, всѣ! Какое количество мерзкихъ лицъ и тѣлъ! Вѣдь это даже апостоль Павелъ сказалъ: «Не всякая плоть такая-же плоть, но иная плоть у человѣковъ, иная у скотовъ...» Нѣкоторые просто страшны! На ходу такъ кладутъ ступни, такъ держатъ тѣло въ наклонъ, точно они только вчера поднялись съ четверенекъ! Вотъ я вчера долго шелъ по Болховской сзади широкоплечаго и вообще плотнаго, дюжаго военнаго, не спуская глазъ съ его толстой спины въ шинели, съ

икръ въ блестящихъ крѣпко выпуклыхъ голенищахъ: ахъ, какъ пожираль я эти голенища, ихъ сапожный запахъ, сукно этой сѣрой добротной шинели, пуговицы на ея хлястикѣ и все это сильное сорокалѣтнее животное во всей его воинской сбруѣ!

Она наконецъ поняла.

— Какъ тебѣ не совѣстно! — сказала она съ брезгливымъ сожалѣніемъ. — Неужели ты, правда, такой злой, гадкій? Не понимаю я тебя вообще. Ты весь изъ какихъ-то удивительныхъ противоположностей!

IX

И все-таки, приходя по утрамъ въ редакцію, я все радостнѣй, родственнѣй встрѣчалъ на вѣшалкѣ ея сѣрую шубку, въ которой была какъ-бы сама она, какая-то очень женственная часть ея, а подъ вѣшалкой — милые сѣрые ботики, часть наиболее трогательная. Отъ нетерпѣнія поскорѣе увидеть ее я приходилъ раньше всѣхъ, садился за свою работу, — просматривалъ и правилъ провинціальныя корреспонденціи, прочитывалъ столичныя газеты, составлялъ по нимъ «собственные телеграммы», чуть не заново переписывалъ нѣкоторые рассказы провинціальныхъ беллетристовъ, а самъ слушалъ, ждалъ — и вотъ наконецъ: быстрые шаги, шелестъ юбки! Она подбѣгала, вся точно совсѣмъ новая, съ прохладными душистыми руками, съ молодымъ и особенно полнымъ послѣ крѣпкаго сна блескомъ глазъ, поспѣшно оглядывалась и цѣловала меня. Такъ же забѣгала она порой ко мнѣ въ гостиницу, вся морозно пахнувшая мѣхомъ шубки, зимнимъ воздухомъ. Я цѣловалъ ея яблочно-холодное лицо, обнимая подъ шубкой все то теплое, нѣжное, что было ея тѣломъ

и платьемъ, она, смѣясь, увертывалась, — «пусти, я по дѣлу пришла!» — звонила коридорному, при себѣ приказывала убрать комнату, сама помогала ему...

Я однажды нечаянно услыхалъ ея разговоръ съ Авиловой, — онѣ какъ-то вечеромъ сидѣли въ столовой и откровенно говорили обо мнѣ, думая что я въ типографіи. Авилова спрашивала:

— Лика, милая, но что-же дальше? Ты знаешь мое отношеніе къ нему, онѣ, конечно, очень миль, я понимаю, ты увлеклась... Но дальше-то что?

Я точно въ пропасть полетѣлъ. Какъ, я «очень миль», не болѣе! Она всего-на-всего только «увлеклась»!

Отвѣтъ былъ еще ужаснѣе:

— Но что же я могу? Я не вижу никакого выхода...

При этихъ словахъ во мнѣ вспыхнуло такое бѣшенство, что я уже готовъ былъ кинуться въ столовую, крикнуть, что выходъ есть, что черезъ часъ ноги моей больше не будетъ въ Орлѣ, — какъ вдругъ она опять заговорила:

— Какъ же ты, Надя, не видишь, что я дѣйствительно люблю его! А потомъ, ты его все-таки не знаешь, — онѣ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ кажется...

Да, я могъ казаться гораздо хуже, чѣмъ былъ. Я жилъ напряженно, тревожно, часто держался съ людьми жестко, заносчиво, легко впадалъ въ тоску, въ отчаяніе; однако, легко и мѣнялся, какъ только видѣлъ, что ничто не угрожаетъ нашему съ ней ладу, никто на нее не посягаетъ: тутъ ко мнѣ тотчасъ возвращалась вся природенная мнѣ готовность быть добрымъ, просто-

сердечнымъ, радостнымъ. Если я зналъ, что какой-нибудь вечеръ, на который мы собирались съ ней, не принесетъ мнѣ ни обиды, ни боли, какъ празднично я собирался, какъ нравился самъ себѣ, глядясь въ зеркало, любуясь своими глазами, темными пятнами молодого румянца, бѣлоснѣжной рубашкой, подкрахмаленныя складки которой расклеивались, разрывались съ восхитительнымъ трескомъ! Какимъ счастьемъ были для меня балы, если на нихъ не страдала моя ревность! Каждый разъ передъ баломъ я переживалъ жестокія минуты, — нужно было надѣвать фракъ покойнаго мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, кажется, ни разу не надѣванный, и все-же меня какъ бы пронзавшій. Но минуты эти забывались — стоило только выйти изъ дома, дохнуть морозомъ, увидеть пестрое звѣздное небо, быстро сѣсть въ извозчичьи санки... Богъ знаетъ, зачѣмъ украшали ярко блиставшіе входы балъныхъ собраній какими-то красно-полосатыми шатрами, зачѣмъ разыгрывалась передъ ними такая щеголеватая свирѣпость квартальныхъ, командовавшихъ съѣздомъ! Но все равно — это былъ ужъ балъ, этотъ странный входъ, ярко и бѣло заливавшій каленымъ свѣтомъ перемѣшанный сахарный снѣгъ передъ нимъ, и вся эта игра въ быстроту и въ ладъ, четкій полицейскій крикъ, мерзлые полицейскіе усы въ струну, блестящіе сапоги, топчущіеся въ снѣгу, какъ-то особенно вывернутыя и спрятанныя въ карманы руки въ бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ. Чуть не всѣ подъѣзжавшіе мужчины были въ формахъ, — много формъ было когда-то въ Россіи, — и всѣ были вызывающе возбуждены своими чинами,

формами, — я еще тогда замѣтилъ, что люди, даже всю жизнь владѣющіе всякими высшими положеніями и титулами, никогда за всю жизнь не могутъ къ нимъ привыкнуть. Эти подѣзжавшіе всегда и меня возбуждали, тотчасъ становились предметомъ моей мгновенно обостряющейся непріязненной зоркости. Зато женщины были почти всѣ милы, желанны. Онѣ очаровательно освобождали себя въ вестибюль отъ мѣховъ и капоровъ, быстро становясь какъ разъ тѣми, которымъ и надлежало итти по краснымъ коврамъ широкихъ лѣстницъ столь волшебными, умножающимися въ зеркалахъ толпами. А потомъ — эта великолѣпная пустота залы, предшествующая балу, ея свѣжій холодъ, тяжелая гроздь люстры, насквозь играющей алмазнымъ сіяніемъ, огромныя нагія окна, лоскъ и еще вольная просторность паркета, запахъ живыхъ цвѣтовъ, пудры, духовъ, бальной бѣлой лайки — и все это волненіе при видѣ все прибывающаго бального люда, ожиданіе звучности перваго грома съ хоръ, первой пары, вылетающей вдругъ въ эту ширь еще дѣвственной залы, — пары всегда самой увѣренной въ себѣ, самой ловкой.

Я уѣзжалъ на балъ всегда раньше ихъ. Когда прѣзжалъ, еще длился съѣздъ, внизу еще заваливали служителей пахучими шубами, шубками, шинелями, воздухъ вездѣ былъ рѣзокъ для тонкаго фрака. Тутъ я, въ этомъ чужомъ фракѣ, съ гладкой прической, стройный, какъ будто еще больше похудѣвшій, ставшій легкимъ, всѣмъ чужой, одинокій, — какой-то странно-гордый молодой человѣкъ, состоящій въ какой-то странной роли при редакціи, — чувствовалъ себя спер-

ва такъ трезво, ясно и такъ отдѣльно отъ всѣхъ, точно былъ чѣмъ-то вродѣ ледяного зеркала. Потомъ дѣлалось все люднѣй и шумнѣй, музыка гремѣла привычнѣй, въ дверяхъ залы уже тѣснились, женщинъ все прибывало, воздухъ становился гуще, теплѣй, и я какъ-бы хмелѣлъ, на женщинъ смотрѣлъ все смѣлѣе, а на мужчинъ все заносчивѣе, скользилъ въ толпѣ все ритмичнѣй, извинялся, задѣвая какой-нибудь фракъ или мундиръ, все вѣжливѣй и надменнѣй... Потомъ вдругъ видѣлъ ихъ, — вотъ онѣ, осторожно, съ полуулыбками, пробираются въ толпѣ — и сердце обрывалось — родственно и какъ-то неловко и удивленно: онѣ и не онѣ, тѣ и не тѣ. Особенно она — совсѣмъ не та! Меня каждый разъ поражала въ эту минуту ея юность, тонкость: схваченный корсетомъ станъ, легкое и такое непорочно-праздничное платьице, обнаженные отъ перчатокъ до плечей и озябшія, ставшія отрочески сиреневыми руки, еще неувѣренное выраженіе лица... только прическа высокая, какъ у свѣтской красавицы, и въ этомъ что-то особенно влекущее, но какъ-бы уже готовое къ свободѣ отъ меня, къ измѣнѣ мнѣ и даже какъ-будто къ сокровенной порочности. Вскорѣ къ ней кто-нибудь подбѣгалъ, съ привычной бальной поспѣшностью низко кланялся, она передавала вѣеръ Авиловой и какъ-будто разсѣянно, съ граціей клала руку ему на плечо и, кружась, скользя на носкахъ, исчезала, терялась въ кружащейся толпѣ, шумѣ, музыкѣ. И я какъ-то прощально и уже съ холодомъ враждебности смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Маленькая, живая, всегда вся крѣпко и весело

собранныя Авилова тоже удивляла меня на балу своею молодостью, сіяющею миловидностью. Это на балу вдругъ понялъ я однажды, что вѣдь ей всего двадцать шесть лѣтъ и впервые, не рѣшаясь вѣрить себѣ, догадался о причинѣ странной перемѣны, происшедшей въ ея обращеніи со мной въ эту зиму, — о томъ, что она можетъ любить и ревновать меня.

Х

Потомъ мы надолго разстались.

Началось съ того, что неожиданно пріѣхалъ докторъ.

Войдя однажды въ солнечное морозное утро въ прихожую редакціи, я вдругъ почувствовалъ крѣпкій запахъ какихъ-то очень знакомыхъ папиросъ и услышалъ оживленные голоса и смѣхъ въ столовой, — нѣчто совсѣмъ необычное для нея въ столь ранній часъ. Я пріостановился — что такое? Это накурилъ на весь домъ докторъ, это говорилъ онъ, — какъ всегда громко, съ оживленіемъ того сорта людей, — ихъ было особенно много въ провинціи, — которые, достигнувъ извѣстнаго возраста, такъ и оставались въ немъ безъ всякихъ перемѣнъ на цѣлые годы, наслаждаясь отличнымъ самочувствіемъ, непрестаннымъ куреніемъ и немолчной говорливостью. Я оторопѣлъ — я былъ далекъ даже отъ мысли о какомъ-нибудь несчастіи, бѣжалъ въ редакцію въ это морозное, но уже предвесеннее, весело и рѣзко блестящее утро съ самой беззаботной бодростью. Что значитъ этотъ внезапный

пріѣздъ? Какое-нибудь рѣшительное, твердое требованіе къ ней? И какъ войти, какъ держать себя? — Ничего страшнаго не произошло, однако, въ первыя минуты. Я быстро справился съ собой, вошелъ, пріятно изумился... Докторъ, по своей добротѣ, даже нѣсколько смутился, поспѣшилъ, смѣясь и какъ бы извиняясь, сказать, что пріѣхалъ «отдохнуть на недѣльку отъ провинціи». Я тотчасъ замѣтилъ, что и она была возбуждена. Почему-то возбуждена была и Авилова. Все же можно было надѣяться, что всему причиной докторъ, какъ неожиданный гость, какъ человѣкъ, только что явившійся изъ уѣзда въ губернію и потому съ особеннымъ оживленіемъ пьющій послѣ ночи въ вагонѣ горячій чай въ чужой столовой. Я уже началъ успокаиваться. Но тутъ-то и ждалъ меня ударъ: изъ всего того, что говорилъ докторъ, я вдругъ понялъ, что онъ пріѣхалъ не одинъ, а съ Богомолковымъ, молодымъ, богатымъ и даже знаменитымъ въ нашемъ городѣ кожевникомъ, давно уже имѣвшимъ виды на нее; а затѣмъ услышалъ смѣхъ доктора:

— Говорить, что влюбленъ въ тебя, Лика, безъ ума, пріѣхалъ съ самыми рѣшительными намѣреніями! Такъ что теперь судьба сего несчастнаго въ твоемъ полномъ распоряженіи: захочешь — помилуешь, не захочешь — на вѣки погубишь...

А Богомоловъ былъ не только богатъ: онъ былъ уменъ, характеромъ живъ и пріятенъ, кончилъ университетъ, живалъ за границей, говорилъ на двухъ иностранныхъ языкахъ; съ виду онъ могъ въ первую минуту почти испугать: красно-рыжій, гладко приче-

санный на прямой рядъ, нѣжно бритый, круглоликій, онъ былъ чудовищно, нечеловѣчески толстъ, — не то какой-то до протiwоестественной величины разросшійся и сказочно упитанный младенецъ, не то громадный, весь насквозь свѣтящійся жиромъ и кровью молодой іоркширъ; однако, все въ этомъ іоркширѣ было такое великолѣпное, чистое, здоровое, что даже радость охватывала: въ голубыхъ глазахъ — небесная лазурь, цвѣтъ лица — несказанный по своей дѣвственности, во всемъ же обращеніи, въ смѣхѣ, въ звукѣ голоса, въ игрѣ глазъ и губъ что-то застѣнчивое и милое; ножки и ручки у него были трогательно маленькія, одежда изъ англійской матеріи, носки, рубашка, галстукъ — все шелковое. Я быстро взглянулъ на нее, увидалъ ея неловкую улыбку... И все вдругъ мнѣ стало чужимъ, далекимъ, самъ себѣ я вдругъ показался всему этому дому постыдно лишнимъ, ненужнымъ, къ ней меня охватила ненависть...

Послѣ того мы никогда и часу въ день не могли провести наединѣ, она не разставалась то съ отцомъ, то съ Богомоловымъ. Авилову не покидала загадочно-веселая усмѣшка, она проявила къ Богомолу такую любезность, привѣтливость, что онъ съ перваго же дня сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ, появлялся въ немъ съ утра и сидѣлъ до поздняго вечера, въ гостиницѣ только ночевалъ. Начались кромѣ того репетиціи любительскаго драматическаго кружка, котораго Лика была членомъ, — кружокъ готовился къ спектаклю на масленицѣ и черезъ нее привлекъ на маленькія роли не только Богомолова, но и самого доктора. Она

говорила, что принимаетъ ухаживанія Богомолова только ради отца, ради того, чтобы не обижать его рѣзкимъ отношеніемъ къ Богомолу, и я всячески крѣпился, дѣлалъ видъ, что вѣрю ей, даже заставлялъ себя бывать на этихъ репетиціяхъ, стараясь скрывать такимъ образомъ свою тяжкую ревность и всѣ тѣ другія мученія, которыя я испытывалъ на нихъ: я не зналъ, куда глаза дѣвать и отъ стыда за нее, за ея жалкія попытки «играть». И какое это было вообще страшное зрѣлище человѣческой бездарности! Репетиціями руководилъ профессиональ, безработный актеръ, мнившій себя, конечно, большимъ талантомъ, упивавшійся своимъ гнуснымъ сценическимъ опытомъ, человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ лицомъ цвѣта замазки и въ такихъ крупныхъ морщинахъ, что онѣ казались нарочно сдѣланными. Онѣ поминутно выходилъ изъ себя, давая указанія, какъ нужно вести ту или иную роль, ругался такъ грубо и бѣшено, что на вискахъ у него веревками вздувались склеротическія жилы, самъ игралъ то мужскія, то женскія роли, и всѣ выбивались изъ силъ въ подражаніи ему, терзая меня каждымъ звукомъ голоса, каждымъ движеніемъ тѣла: какъ ни нестерпимъ былъ актеръ, его подражатели были еще нестерпимѣе. И почему, зачѣмъ играли они? Была среди нихъ присущая каждому провинціальному городу полковая дама, костлявая, самоувѣренная, дерзкая, была ярко рядившаяся дѣвица, всегда тревожная, всегда чего-то ждущая, усвоившая себѣ манеру накусывать губы, были двѣ сестры, извѣстныя всему городу своей неразлучностью и разительнымъ сходствомъ между собою:

объ рослая, грубо-черноволося, съ черными сросшимися бровями, строго-молчаливая — настоящая пара вороныхъ дышловыхъ лошадей, былъ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, совсѣмъ еще молодой, но уже лысѣющій блондинъ съ вылупленными голубыми глазами въ красныхъ вѣкахъ, очень высокій, въ очень высокихъ воротничкахъ, изнурительно вѣжливый и деликатный, былъ мѣстный знаменитый адвокатъ, дородный, огромный, толстогрудый, толстоплечій, съ тяжелыми ступнями, — когда я видалъ его на балахъ, во фракѣ, я всегда принималъ его за главнаго лакея, — былъ молодой художникъ: черная бархатная блуза, длинные индусскіе волосы, козлиный профиль съ козлиной бородкой, женственная порочность полузакрытыхъ глазъ и нѣжныхъ ярко-красныхъ губъ, на которыя было неловко смотрѣть, и женскій тазъ...

Потомъ насталъ и самый спектакль. До поднятія занавѣса я сунулся было за кулисы: тамъ сходили съ ума, одѣваясь, гримируясь, крича, ссорясь, выбѣгая изъ уборныхъ, наталкиваясь другъ на друга и не узнавая другъ друга, — такъ странно всѣ были наряжены, — кто-то былъ даже въ коричневомъ фракѣ и фіолетовыхъ штанахъ, — такъ мертвы были парики и бороды, неподвижны размалеванныя лица съ пластырно-розовыми наклейками на лбахъ и носахъ, съ подведенными, блестящими глазами, съ начерченными, крупными и тяжело, какъ у манекеновъ, моргающими рѣсницами. Я, столкнувшись съ ней, тоже не узналъ ее, пораженъ былъ ея кукольностью — какимъ-то розовымъ граціозно-старомоднымъ платьицемъ, густымъ бѣлокурымъ па-

рикомъ, лубочной красотью и дѣтскостью конфетнаго лица... Богомолъвъ игралъ желтоволосаго дворника, — его нарядили съ особенной изобразительностью, подобающей созданію «бытового типа», — а докторъ стараго дядюшку, отставнаго генерала: онъ и началъ спектакль, сидя на дачѣ, въ плетеномъ креслѣ, подѣ досчатомъ зеленымъ деревомъ, стоящимъ на голломъ полу, въ новенькомъ чесучовомъ костюмѣ, тоже весь розово намалеванный, съ огромными молочными усами и подусниками, откинувшись въ креслѣ и надутъ глядя въ широко раскрытую газету, весь, несмотря на прекрасное лѣтнее утро декорацій, ярко освѣщенный снизу лампочками рампы и при всѣхъ своихъ сѣдинахъ изумительно моложавый; онъ долженъ былъ сказать, почитавши газету, что-то густоворчливое, но все только глядѣлъ, ничего не могъ сказать, несмотря на отчаянный шипъ изъ суфлерской будки: только тогда, когда она выскочила наконецъ изъ-за кулисъ (съ дѣтски-игривымъ, очаровательно-рѣзвымъ смѣхомъ) и кинулась на него сзади, захватила ему глаза руками, крича: «угадай, кто?» — только тогда закричалъ и онъ, отчеканивая каждое слово: «Пусти, пусти, коза, отлично знаю, кто!»

Въ залѣ было полутемно, на сценѣ солнечно, ярко. Я, сидя въ первомъ ряду, взглядывалъ то на сцену, то вокругъ себя; рядъ состоялъ изъ самыхъ богатыхъ, удущаемыхъ своею полнотою штатскихъ и самыхъ видныхъ чинами и фигурами полицейскихъ и военныхъ, и весь былъ точно скованъ тѣмъ, что творилось на сценѣ, — напряженныя позы, недоконченныя улыбки... Я не могъ

досидѣть даже до конца перваго дѣйствія. Какъ только что-то стукнуло на сценѣ, — знакъ, что скоро занавѣсь, — я быстро пошелъ вонъ. Тамъ, на сценѣ, разыгрались уже во-всю, — въ свѣтлый и естественный коридоръ, гдѣ ко всему привычный старикъ помогаль мнѣ одѣваться, особенно неестественно доносились неумѣренно бойкія восклицанія артистовъ. Я наконецъ выскочилъ на улицу. Чувство какого-то гибельнаго одиночества достигло во мнѣ до восторга. Было безлюдно, чисто, огни фонарей блестяли неподвижно. Я шелъ не домой, — тамъ, въ моей узкой комнатѣ, въ гостиной, было ужъ слишкомъ страшно, — а въ редакцію. Я прошелъ вдоль присутственныхъ мѣстъ, свернулъ на пустую площадь, посреди которой поднимался соборъ, теряясь чуть блестящимъ золотымъ куполомъ въ звѣздномъ небѣ... Даже въ скрипѣ моихъ шаговъ по снѣгу было что-то высокое, страшное... Въ тепломъ домѣ была тишина, мирный, медленный стукъ часовъ въ освѣщенной столовой. Мальчикъ Авиловой спалъ, нянька, отворившая мнѣ, сонно взглянула на меня и ушла. Я прошелъ въ эту уже столь знакомую мнѣ и столь для меня особенную комнату подъ лѣстницей, сѣлъ въ темнотѣ на знакомый, теперь какой-то роковой диванъ... Я и ждалъ, и ужасался той минуты, когда вдругъ пріѣдутъ, шумно войдутъ, наперебой станутъ говорить, смѣяться, садиться за самоваръ, дѣлиться впечатлѣніями, — всего же больше боялся того мгновенія, когда раздастся ея смѣхъ, ея голосъ... Комната была полна ею, ея отсутствіемъ и присутствіемъ, всѣми ея запахами, — ея самой, ея платьевъ, духовъ,

мягкаго халатика, лежавшаго возлѣ меня на валикѣ дивана... Въ окно грозно синѣла зимняя ночь, за черными сучьями деревьевъ въ саду сверкала алмазность звѣздъ...

На первой недѣлѣ поста она уѣхала съ отцомъ и Богомоловымъ (отказавъ ему). Я давно пересталъ даже разговаривать съ ней. Она собиралась въ отъѣздъ, все время плача, каждую минуту надѣясь, что я вдругъ задержу, не пущу ее.

ХІ

Шли провинціальныя великопостныя дни. Извозчики безъ дѣла стояли на углахъ, зябли, скучали, иногда отчаянно махали крестъ-на-крестъ руками, несмѣло окликали проходящаго офицера: «Ваше благородіе! Нарѣзвой?» Галки, чуя, что все-таки скоро весна, болтали нервно, оживленно, но вороны каркали еще жестоко, круто, безнадежно.

Разлука казалась особенно ужасна по ночамъ. Просыпаясь среди ночи, я поражался: какъ теперь жить и зачѣмъ жить? Ужели это я, — тотъ, кто почему-то лежитъ въ темнотѣ этой безсмысленной ночи, въ какомъ-то губернскомъ городѣ, населенномъ тысячами чужихъ людей, въ этомъ номерѣ съ узкимъ окномъ, всю ночь сѣрѣющимъ какимъ-то длиннымъ нѣмымъ дьяволомъ! Во всемъ городѣ единственно близкій человѣкъ — Авилова. Но точно-ли близкій? Двойственная и неловкая близость...

Теперь я приходилъ въ редакцію поздно. Авилова, изъ пріемной увидавъ меня въ прихожей, радостно улыбалась, — она опять стала мила, ласкова, оставила

усмѣшки надо мною, я неизмѣнно видѣлъ теперь ея ровную любовь ко мнѣ, постоянное вниманіе, заботливость, часто проводилъ цѣлые вечера съ ней вдвоемъ, — она подолгу играла для меня, а я полулежалъ на диванѣ, все закрывая глаза отъ подступающихъ слезъ музыкальнаго счастья и всегда особенно обостряющейся вмѣстѣ съ нимъ любовной боли и всепрощающей нѣжности. Войдя въ пріемную, я цѣловалъ ея маленькую крѣпкую руку и шелъ въ комнату для постоянныхъ сотрудниковъ. Тамъ курилъ передовикъ, глупый, задумчивый, человекъ, высланный въ Орель подъ надзоръ полиціи, довольно странный съ виду: простонародно-бородатый, въ бурой сермяжной поддевкѣ и длинныхъ смазныхъ сапогахъ, вонявшихъ очень крѣпко и пріятно, притомъ лѣвша: половины правой руки у него не было, остаткомъ ея, скрытымъ въ рукавѣ, онъ прижималъ къ столу листъ бумаги, а лѣвой писалъ: долго сидитъ, думаетъ, густо куритъ, а тамъ вдругъ прижметъ листъ покрѣпче и застрочитъ, застрочитъ, — сильно, быстро, съ обезьяньей ловкостью. Потомъ приходилъ коротконогій старичекъ въ изумленныхъ очкахъ, иностранный обозрѣватель; въ прихожей онъ снималъ казакинчикъ на заячьемъ мѣху и финскую шапку съ наушниками, послѣ чего, въ своихъ сапожкахъ, шароварчикахъ и фланелевой блузѣ, подпоясанной ремешкомъ, оказывался такимъ маленькимъ и щуплымъ, точно ему было десять лѣтъ; густые сѣро-сѣдые волосы его торчали очень грозно, высоко и въ разныя стороны, дѣлали его похожимъ на дикообраза; грозны были и его изумленные очки; онъ при-

ходилъ всегда съ двумя коробками въ рукахъ, коробкой гильзъ и коробкой табаку, и за работой все время набивалъ папиросы: привычно глядя въ столичную газету, накладывалъ, наминалъ въ машинку, въ ея мѣдную створчатую трубочку, свѣтлаго волокнистаго табаку, разсѣяннo нашаривалъ гильзу, ручку машинки втыкалъ себѣ въ грудь, въ мягкую блузу, а трубочку — въ папиросную дудку гильзы и ловко стрѣлялъ на столъ. Потомъ заходили метранпажъ, корректоръ. Метранпажъ входилъ спокойно, независимо; онъ былъ удивителенъ по своей вѣжливости, молчаливости и непроницаемости; былъ необыкновенно худъ и сухъ, цыгански черенъ волосомъ, лицомъ оливково-зеленъ, съ черными усиками и гробовыми пепельными губами, одѣтъ всегда съ крайней аккуратностью и чистоплотностью: черные брючки, синяя блуза, большой крахмальнй воротникъ, лежавшій поверхъ ея ворота, — все блистало чистотой, новизной; я иногда разговаривалъ съ нимъ въ типографіи: тогда онъ нарушалъ свою молчаливость, ровно и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими темными глазами и говорилъ, какъ заведенный, не повышая голоса и всегда одно и то же: о несправедливости, царящей въ мiрѣ, — всюду, вездѣ, во всемъ. Корректоръ заходилъ то и дѣло — постоянно чего-нибудь не понималъ или не одобрялъ въ той статьѣ, которую правилъ, просилъ у автора статьи то разъясненія, то измѣненія: «туть, простите, что-то не совсѣмъ ловко сказано»; былъ толстъ, неуклюжъ, съ мелко-кудрявыми и какъ бы слегка мокрыми волосами, горбился отъ нервности и страха,

что всѣ видятъ, какъ онъ тяжело пьянъ, наклонялся къ тому, у кого просилъ разъясненія, затаивая алкогольное дыханіе, издалека указывая на непонятную ему или неудачную по его мнѣнію строку трясущейся и блестящей, распухшей рукой. — Сидя въ этой комнатѣ, я разсѣянно правилъ разныя чужія рукописи, а больше всего просто смотрѣлъ въ окно и думалъ: какъ и что писать мнѣ самому?

Теперь у меня было еще одно тайное страданіе, еще одна горькая «неосуществимость». Я опять сталъ кое-что писать, — теперь больше въ прозѣ, — и опять сталъ печатать написанное. Но я думалъ не о томъ, что я писалъ и печаталъ. Я мучился желаніемъ писать что-то совсѣмъ другое, совсѣмъ не то, что я могъ писать и писалъ: что-то то, чего не могъ. Образовать въ себѣ изъ даваемого жизнью нѣчто истинно достойное писанія — какое это рѣдкое счастье — и какой душевный трудъ! И вотъ моя жизнь стала все больше и больше превращаться въ эту новую борьбу съ «неосуществимостью», въ поиски и уловленіе этого другого, тоже неуловимаго счастья, въ преслѣдованіе его, въ непрестанное думанье о немъ.

Къ полудню приходила почта. Я выходилъ въ приемную, опять видѣлъ красиво и заботливо убранную, неизмѣнно склоненную къ работѣ голову Авиловой и все то милое, что было въ мягкомъ лоскѣ ея шагреновой туфельки, стоящей подъ столомъ, въ мѣховой накидкѣ на ея плечахъ, на которой тоже лоснился отблескъ сѣраго зимняго дня, зимняго окна, за которымъ сѣрѣло воронье снѣжное небо. Я выбиралъ изъ

почты новую книжку столичнаго журнала, торопливо разрѣзалъ ее... Новый рассказъ Чехова! Въ одномъ видѣ этого имени было что-то такое, что я только взглядывалъ на рассказъ, — даже начала не могъ прочесть отъ завистливой боли того наслажденія, которое предчувствовалось. Въ пріемной появлялось и смѣнялось между тѣмъ все больше народу: приходили заказчики объявленій, приходило множество самыхъ разнообразныхъ людей, которые тоже были одержимы похотью писательства: тутъ можно было видѣть благообразнаго старика въ пуховомъ шарфѣ и пуховыхъ варежкахъ, принесшаго цѣлую кипу дешевой бумаги большого формата, на которой стояло заглавіе: «Пѣсни и думы», выведенное со всѣмъ канцелярскимъ блескомъ времянь гусиныхъ перьевъ, молоденькаго, алаго отъ смущенія офицера, который передавалъ свою рукопись съ короткой и вѣжливо-четкой просьбой просмотрѣть ее и при печатаніи ни въ коемъ случаѣ не обнаруживать его настоящей фамиліи, — «поставить лишь инициалы, если это допустимо по правиламъ редакціи», за офицеромъ — потнаго отъ волненія и шубы пожилого священника, желавшаго напечатать подъ псевдонимомъ *Spectator* свои «Деревенскія картинки», за священникомъ — уѣзднаго судебнаго дѣтеля... Дѣтель былъ человекъ необыкновенно аккуратный, онъ до странности неторопливо снималъ въ прихожей новыя калоши, новыя перчатки на мѣху, новое хорьковое пальто, новую боярскую шапку и оказывался на рѣдкость худъ, высокъ, зубастъ и чистъ, чуть не полчаса вытиралъ усы бѣлоснѣжнымъ носовымъ

платкомъ, межъ тѣмъ какъ я жадно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, упиваясь своей писательской проницательностью:

— Да, да, онъ непременно долженъ быть такъ чистъ, аккуратенъ, неторопливъ, заботливъ о себѣ, разъ онъ рѣдкозубъ и съ густыми усами... разъ у него уже лысѣетъ этотъ яблокомъ выпуклый лобъ, ярко блестятъ глаза, горятъ пятна на скулахъ, велики и плоски ступни, велики и плоски руки съ крупными, круглыми ногтями!

Къ завтраку нянька приводила съ гулянья мальчика. Авилова выбѣгала въ прихожую, ловко присаживалась на корточки, снимала съ него бѣлую барашковую шапочку, разстегивала синюю, на бѣломъ барашкѣ, поддевочку, цѣловала въ свѣжее, раскраснѣвшееся личико, а онъ разсѣянно глядѣлъ куда-то въ сторону, думалъ что-то свое, далекое, безучастно позволяя раздѣвать и цѣловать себя, — и я ловилъ себя на зависти ко всему этому: къ блаженной безсмысленности мальчика, къ материнскому счастью Авиловой, къ старческой тишинѣ няньки. Я уже завидовалъ всѣмъ, у кого жизнь наполнена готовыми дѣлами и заботами, а не ожиданіемъ, не выдумываньемъ чего-то для какого-то самаго страннаго изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, называемаго писаніемъ, завидовалъ всякому, кто имѣетъ въ жизни простое, точное, опредѣленное дѣло, исполнивъ которое нынче, онъ могъ быть совершенно спокоенъ и свободенъ до завтра.

Послѣ завтрака я уходилъ. На городъ густо валилъ дремотными хлопьями тотъ великопостный снѣгъ,

что всегда обманываетъ своей нѣжной, особенно бѣлой бѣлизной, будто ужъ совсѣмъ близка весна. По снѣгу мимо меня безшумно летѣлъ беззаботный, только что, должно быть, гдѣ-нибудь на скорую руку выпившій, бодрый, какъ бы весь готовый къ чему-то хорошему, ладному, извозчикъ... Что, казалось бы, обыкновеннѣе? Но теперь меня все ранило — чуть не всякое мимолетное впечатлѣніе — и, ранивъ, мгновенно рождало порывъ не дать ему, этому впечатлѣнію, пропасть даромъ, исчезнуть безслѣдно, — молнію корыстнаго стремленія тотчасъ же захватить его въ свою собственность и что-то извлечь изъ него. Вотъ онъ мелькнулъ, этотъ извозчикъ, и все, чѣмъ и какъ онъ мелькнулъ, рѣзко мелькнуло и въ душѣ и, оставшись въ ней какимъ-то страннымъ подобіемъ мелькнувшаго, какъ еще долго и тщетно томить ее! Дальше — богатый подъѣздъ, возлѣ тротуара передъ нимъ чернѣетъ сквозь бѣлые хлопья лаковый кузовъ кареты, видны какъ бы сальныя шины большихъ заднихъ колесъ, погруженныхъ въ старый снѣгъ, мягко засыпаемый новымъ, — я иду и, взглянувъ на спину возвышающагося на козлахъ толстоплечаго, по-дѣтски подпоясаннаго подъ мышки кучера въ толстой, какъ подушка, бархатной конфедераткѣ, вдругъ вижу: за стеклянной дверцей кареты, въ ея атласной бонбоньеркѣ, сидитъ, дрожить и такъ пристально смотреть, точно вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь, какая-то премилая собачка, уши у которой совсѣмъ какъ завязанный бантъ. И опять, точно молнія, радость: ахъ, не забыть — настоящій бантъ!

Я заходилъ въ библіотеку. Это была старая, рѣдкая по богатству библіотека. Но какъ уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, заброшенный домъ, огромные голые сѣнцы, холодная лѣстница во второй этажъ, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь. Три сверху до низу установленныхъ истрепанными, лохматыми книгами залы. Длинный прилавокъ, конторка, маленькая, плоскогрудая, непривѣтливо-тихая завѣдующая въ чемъ-то черненькомъ, постномъ, съ худыми, блѣдными руками, съ чернильнымъ пятномъ на третьемъ пальцѣ, и запущенный отрокъ въ сѣрой блузѣ, съ мягкой, давно не стриженной мышиною головой, исполняющій ея приказанія... Я проходилъ въ «кабинетъ для чтенія», круглую, пахнущую угаромъ комнату съ круглымъ столомъ по срединѣ, на которомъ лежали «Епархіальныя Вѣдомости», «Русскій Паломникъ». За столомъ сидѣлъ, гнулся, какъ-то затаенно перелистывалъ страницы толстой книги одинъ неизмѣнный читатель — тощій юноша, гимназистъ въ короткой изношенной шинели, все время осторожно подтиравшій носъ комочкомъ платка... Кому еще было тутъ сидѣть, кромѣ насъ двоихъ, одинаково удивительныхъ по своему одиночеству во всемъ городѣ и потому, что оба читали? Гимназистъ читалъ нѣчто для гимназиста совершенно дикое — о сошномъ письмѣ. Да и на меня не разъ глядѣла завѣдующая съ недоумѣніемъ: я спрашивалъ «Сѣверную Пчелу», «Московскій Вѣстникъ», «Полярную Звѣзду», «Сѣверные Цвѣты», «Современникъ» Пушкина... Бралъ, впрочемъ, и новое — всякія «Біографіи замѣчательныхъ людей»:

все затѣмъ, чтобы въ нихъ искать какой-то поддержки себѣ, съ завистью сравнивать себя съ замѣчательными людьми... «Замѣчательные люди»! Какое несмѣтное количество было на землѣ поэтовъ, романистовъ, повѣствователей, а сколько уцѣлѣло ихъ? Все одни и тѣ же имена во вѣки вѣчныя! Гомеръ, Горацій, Виргилій, Дантъ, Петрарка... Шекспиръ, Байронъ, Шелли, Гете... Расинъ, Мольеръ... Все тотъ же «Донъ-Кихотъ», все та же «Манонъ Леско»... Въ этой комнатѣ я, помню, впервые прочелъ Радищева — съ большимъ восхищеніемъ. «Я взглянулъ окрестъ — душа моя страданіями челоуѣчества уязвлена стала!» Этотъ языкъ, этотъ строй души я понималъ.

Выйдя подъ вечеръ изъ библіотеки, я тихо шелъ по темнѣющимъ улицамъ. Тамъ и сямъ падалъ медленный звонъ. Томимый грустью и о себѣ, и о ней, и о далекомъ родномъ домѣ, я заходилъ въ церковь. Тутъ тоже было что-то никому не нужное. Пусто, сумракъ, огоньки рѣдкихъ свѣчей, нѣсколько старухъ, стариковъ. За свѣчной кассой стоитъ церковный староста, неподвижный, истовый, съ мужицкимъ прямымъ рядомъ въ сѣрыхъ волосахъ, поводитъ глазами съ торговой строгостью. Сторожъ еле таскаетъ разбитыя ноги, въ одномъ мѣстѣ поправляя наклонившуюся и слишкомъ жарко тающую свѣчу, въ другомъ дуетъ на догорающую, распространяя запахъ гари и воска, потомъ тиская ее въ старческомъ кулакѣ въ одинъ восковый комокъ съ прочими огарками, — и видно, какъ глубоко надоѣло ему все это наше непонятное земное существованіе и всѣ таинства его: крещенія, причастія, вѣнчанія, по-

хороны, и всѣ праздники, всѣ посты, изъ году въ годъ идущіе вѣчной чередой. Священникъ въ одной рясѣ, безъ ризы непривычно высокій и тонкій, по-домашнему и по-женски простоволосый, стоитъ лицомъ къ закрытымъ царскимъ вратамъ, глубоко поклоняется имъ, такъ что отвисаетъ, отдѣляется отъ груди епитрахиль, и со вздохомъ возвышаетъ голосъ, отдающійся въ грустномъ, покаянномъ сумракѣ, въ печальной пустотѣ: «Господи, Владыко живота моего...» Тихо выйдя изъ церкви, я опять вдыхалъ предвесенній зимній воздухъ, видѣлъ сизые сумерки. Низко, съ притворнымъ смиреніемъ, клонилъ передо мной густую сѣдую голову нищій, приготовивъ ковшикомъ ладонь, когда же ловилъ и зажималъ пятакъ, взглядывалъ и вдругъ поражалъ: жидко-бирюзовые глаза застарѣлаго пьяницы и огромный клубничный носъ — тройной, состоящій изъ трехъ крупныхъ, бугристыхъ и пористыхъ клубникъ... Ахъ, какъ опять мучительно-радостно: тройной клубничный носъ!

Я шель внизъ по Болховской, глядя въ темнѣющее небо — въ небѣ мучили очертанія крышъ старыхъ домовъ, непонятная успокаивающая прелесть этихъ очертаній. Старый человѣческой кровъ — кто объ этомъ писалъ? Зажигались фонари, тепло освѣщались окна магазиновъ, чернѣли фигуры идущихъ по тротуарамъ, вечеръ синѣлъ, какъ синька, въ городѣ становилось сладко, уютно... Я, какъ сыщикъ, преслѣдовалъ то одного, то другого прохожаго, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то понять, поймать въ немъ, войти въ него... Писать! Вотъ о крышахъ, о калошахъ,

о спинахъ надо писать, а вовсе не затѣмъ, чтобы «бороться съ произволомъ и насиліемъ, защищать угнетенныхъ и обездоленныхъ, давать яркіе типы, рисовать широкія картины общественности, современности, ея настроеній и теченій!» Я ускорялъ шаги, спускался къ Орлику. Вечеръ уже переходилъ въ ночь, газовый фонарь на мосту горѣлъ уже ярко, подъ фонаремъ гнулся, запустивъ руки подмышки, по-собачьи глядѣлъ на меня, по-собачьи весь дрожалъ крупной дрожью и деревянно бормоталъ: «ваше сіятельство!» стоявшій прямо на снѣгу босыми красными лапами золоторотецъ въ одной рваной ситцевой рубашкѣ и короткихъ розовыхъ подштанникахъ, съ опухшимъ угреватымъ лицомъ, съ мутно-льдистыми глазками. Я быстро, какъ воръ, хваталъ и затаивалъ его въ себѣ, совалъ ему за это цѣлый гривенникъ... Ужасна жизнь. Но точно-ли «ужасна»? Можетъ, она что-то совершенно другое, чѣмъ «ужасъ»? Вотъ я на-дняхъ сунулъ пятакъ такому же босяку и наивно воскликнулъ: «Это все-таки ужасно, что вы такъ живете!» — и нужно было видѣть, съ какой неожиданной дерзостью, твердостью и злобой на мою глупость хрипло крикнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Ровно ничего ужаснаго, молодой человекъ!» — А за мостомъ, въ нижнемъ этажѣ большого дома, ослѣпительно сіяла зеркальная витрина колбасной, вся настолько завѣшанная богатствомъ и разнообразіемъ колбасъ и окороковъ, что почти не видна была бѣлая и свѣтлая внутренность самой колбасной, тоже завѣшенной сверху до низу. «Соціальные контрасты!» думалъ я ѣдко, въ пику кому-то, проходя

въ свѣтъ и блескъ витрины... На Московской я заходилъ въ извозчичью чайную, сидѣлъ въ ея говорѣ, тѣснотѣ и парномъ теплѣ, смотрѣлъ на мясистыя, алыя лица, на рыжія бороды, на ржавый шелушащійся подносъ, на которомъ стояли передо мной два бѣлыхъ чайника съ мокрыми веревочками, привязанными къ ихъ крышечкамъ и ручкамъ... Наблюденіе народнаго быта? Ошибаетесь — только вотъ этого подноса, этой мокрой веревочки!

ХІІ

Случалось, я шель на вокзалъ. За триумфальными воротами начиналась темнота, уѣздная ночная глушь. И вотъ, я видѣлъ какой-то уѣздный городишко, невѣдомый, несуществующій, только вообразившійся, но такъ, точно вся моя жизнь прошла въ немъ. Видѣлъ широкія, занесенныя снѣгомъ улицы, чернѣющія въ снѣгу хибарки, красный огонекъ въ одной изъ нихъ... И съ восторгомъ твердилъ себѣ: да, да, вотъ такъ и написать, всего три слова: снѣга, хибарка и лампада въ ней... больше ничего! — Полевой, зимній вѣтеръ уже доносилъ крики паровозовъ, ихъ шипѣніе и этотъ сладкій, до глубины души волнующій чувствомъ дали, простора запахъ каменнаго угля. Навстрѣчу, чернѣя, неслись извозчики съ сѣдоками — уже пришелъ московскій почтовый? И точно — буфетная зала жарка отъ народа, огней, запаховъ кухни, самовара, носятъ, развѣвая фалды фраковъ, татары-лакеи, все кривоногіе, темноликіе, широкоскулые, съ лошадиными глазами, съ круглыми, какъ ядра, стриженными сизыми головами.. За общимъ столомъ — цѣлое купеческое

общество, ѣдятъ холодную осетрину съ хрѣномъ скопцы: большія и тугія бабьи лица цвѣта шафрана, узкіе глаза, лисьи шубы... Въ книжномъ вокзальномъ кіоскѣ было для меня всегда большое очарованіе, — и вотъ я, какъ голодный волкъ, брожу вокругъ него, тянусь, разглядывая надписи на желтыхъ и сѣрыхъ корешкахъ суворинскихъ книгъ. Все это такъ взволновываетъ мою вѣчную жажду дороги, вагоновъ и обращается въ такую тоску по ней, по той, съ кѣмъ бы я могъ быть такъ несказанно счастливъ въ пути куда-то, что я спѣшу вонъ, кидаюсь на извозчика и мчусь въ городъ, въ редакцію. Какъ хорошо всегда это смѣшеніе — сердечная боль и быстрота! Сидя въ санкахъ, вмѣстѣ съ ними ныряя и стучаясь изъ ухаба въ ухабъ, поднимаю голову — ночь, оказывается, лунная: за мутно идущими зимними тучами мелькаетъ, бѣлѣтъ, свѣтится блѣдное лицо. Какъ оно высоко, какъ чуждо всему! Тучи идутъ, открываютъ его, опять заволакиваютъ — ему все равно, нѣтъ никакого дѣла до нихъ! Я до боли держу голову закинутой назадъ, не свожу съ него глазъ и все стараюсь понять, когда оно, сіяя, вдругъ все выкатывается изъ тучъ: какое оно? Бѣлая маска съ мертвеца? Все изнутри свѣтящееся, но какое? Стеариновое? Да, да, стеариновое! Такъ и скажу гдѣ-нибудь! Въ прихожей наталкиваюсь на удивленную Авилову: «Ахъ, какъ кстати! Ѣдемъ на концертъ!» На ней что-то черно-кружевное, очень красивое, сдѣлавшее ее еще меньше, стройнѣй, открывающее плечи, руки и нѣжное начало груди, она причесана у парикмахера, слегка напудрена, отчего глаза кажутся ярче,

темнѣй. Я одѣваю ее шубкой, съ трудомъ удерживаясь, чтобы вдругъ не поцѣловать это столь близкое голое тѣло, подвитые пахучіе волосы... На эстрадѣ блестящей всѣми люстрами залы Дворянскаго собранія — столичныя знаменитости: красавица пѣвица и огромный, черно-угольный красавецъ пѣвецъ, поражающій, какъ всѣ пѣвцы, удивительнымъ здоровьемъ, грубо-великолѣпной силой молодого жеребца. Онъ, блистая лаковыми туфлями на большихъ ступняхъ, удивительно сшитымъ фраккомъ, бѣлой грудью и бѣлымъ галстукомъ, вызывающе и героически гремитъ отвагой, мужественностью, угрожающей требовательностью. Она, то расходясь, то сливаясь съ нимъ, поспѣшно отвѣчаетъ ему, перебиваетъ его нѣжными упреками, жалобами, страстной печалью и восторженной радостью, торпливо-блаженными, хохочущими фіоритурами...

ХІІІ

Часто я вскакивалъ чѣмъ свѣтъ. Взглянувъ на часы, видѣлъ, что еще нѣтъ семи. Страстно хотѣлось опять завернуться въ одѣяло и еще полежать въ теплѣ; въ комнатѣ холодно сѣрѣло, въ тишинѣ еще спящей гостиницы слышно было только нѣчто очень раннее — какъ гдѣ-то въ концѣ коридора шаркаетъ платяной щеткой коридорный, стучаетъ по пуговицамъ. Но охватывалъ такой страхъ опять даромъ истратить день, охватывало такое нетерпѣніе какъ можно скорѣй — и нынче уже какъ слѣдуетъ! — засѣсть за столъ, что я кидался къ звонку, настойчиво гналъ по коридору его зовущее дребезжаніе. Какъ все чуждо, противно — эта гостиница, этотъ грязный коридорный, шаркающій гдѣ-то тамъ щеткой, убогій жестяной умывальникъ, изъ котораго косо бьетъ въ лицо ледяная струя! Какъ жалка моя молодая худоба въ жиденькой ночной рубашкѣ, какъ застылъ голубь, комкомъ сжавшійся за стеклами на зернистомъ снѣгу подоконника! Сердце вдругъ загоралось радостной, дерзкой рѣшимостью: нѣтъ, нынче же вонъ, назадъ, въ Батурино, въ родной,

прелестный домъ! Однако, наспѣхъ выпивъ чаю, кое-какъ прибравъ нѣсколько книжечекъ, лежавшихъ на нищемъ столикѣ, приставленномъ возлѣ умывальника къ двери въ другой номеръ, гдѣ жила какая-то поблекшая, печально-красивая женщина съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ, я крѣпко погружался въ свое обычное утреннее занятіе: въ приготовленіе себя къ писанію — въ напряженный разборъ того, что есть во мнѣ, въ выискиваніе внутри себя чего-то такого, что вотъ-вотъ, казалось, опредѣлится, во что-то образуется... ждалъ этой минуты — и уже чувствовалъ страхъ, что опять, опять дѣло кончится только ожиданіемъ, все растущимъ волненіемъ, холодѣющими руками, а тамъ полнымъ отчаяніемъ и бѣгствомъ куда-нибудь въ городъ, въ редакцію. Въ головѣ уже опять путалось, шло что-то дикое по своей произвольности, беспорядочности, по множеству самыхъ разнородныхъ чувствъ, мыслей, представленій... Основное было всегда свое, личное, — развѣ и впрямь занимали меня тогда другіе люди, какъ бы напряженно ни слѣдилъ я за ними? Что-жъ, думалъ я, можетъ быть, просто начать повѣсть о самомъ себѣ? Но какъ? Вродѣ «Дѣтства, отрочества»? Или еще проще? «Я родился тамъ-то и тогда-то...» Но, Боже, какъ это сухо, ничтожно — и не вѣрно! Я вѣдь чувствую совсѣмъ не то! Это стыдно, неловко сказать, но это такъ: я родился во вселенной, въ безконечности времени и пространства, гдѣ будто бы когда-то образовалась какая-то солнечная система, потомъ что-то, называемое солнцемъ, потомъ земля... Но что это такое? Что я знаю обо всемъ этомъ, кромѣ пустыхъ словъ? Земля была

сперва газообразной, свѣтящейся массой... Потомъ, черезъ милліоны лѣтъ, этотъ газъ сталъ жидкостью, потомъ жидкость отвердѣла, и съ тѣхъ поръ прошло еще будто-бы два милліона лѣтъ, появились на землѣ одноклѣточные: водоросли, инфузоріи... А тамъ — безпозвоночные: черви, моллюски... А тамъ амфибіи... А за амфибіями — гигантскія пресмыкающіяся... А тамъ какой-то пещерный человѣкъ и открытіе имъ огня... Дальше какая-то Халдея, Ассирія, какой-то Египеть, будто бы все только воздвигавшій пирамиды да бальзамировавшій муміи... Какой-то Артаксерксъ, приказавшій бичевать Геллеспонтъ... Перикль и Аспазія, битва при Фермопилахъ, Марафонская битва... Впрочемъ, задолго до всего этого были еще тѣ легендарные дни, когда Авраамъ всталъ со стадами своими и пошелъ въ землю обѣтованную... «Вѣрою Авраамъ повиновался призванію итти въ страну, обѣщанную ему въ наслѣдіе, и пошелъ, не зная, куда онъ идетъ...» Да, не зная! Вотъ такъ же, какъ и я! «Вѣрою повиновался призванію...» Вѣрой во что? Въ любовную благодать Божьяго велѣнія. «И пошелъ, не зная, куда...» Нѣтъ, зная: къ какому-то счастью, то есть, къ тому, что будетъ мило, хорошо, дастъ радость, то есть чувство любви — жизнь... Такъ вѣдь и я жилъ всегда — только тѣмъ, что вызывало любовь, радость отъ чего-нибудь. Такъ шелъ и я къ ней — для радости любви. И только оттого такъ и мучился — отъ тщетнаго желанія полноты любви, совершенства радостнаго...

За дверью возлѣ столика уже слышались голоса, женскій и дѣтскій, стучала педаль умывальника, плес-

калась вода, заваривался чай, начинались уговоры: «Костенька, кушай же булочку!» Я вставалъ и принимался ходить по комнатѣ. Вотъ еще этотъ Костенька... Мать, напоивъ его чаемъ, уходила куда-то до полудня. Возвратясь, что-то готовила на керосинкѣ, кормила его и опять уходила. И что это было за мученіе — смотрѣть, какъ этотъ Костенька, ставшій какимъ-то общимъ номернымъ ребенкомъ, весь день шатается по номерамъ, заглядываетъ то къ одному, то къ другому жильцу, если тотъ сидитъ дома, что-то несмѣло говоритъ, порой старается подольститься, сказать что-нибудь угодливое, а его никто не слушаетъ, иные даже гонять скороговоркою: «Ну, иди, иди, братецъ, не мѣшай, пожалуйста!» Въ одномъ номерѣ жила маленькая и старенькая дама, очень серьезная, очень приличная, считавшая себя выше всѣхъ прочихъ жильцовъ, всегда проходившая по коридору не глядя ни на кого изъ встрѣчныхъ, часто, даже слишкомъ часто запиравшаяся въ уборной и потомъ шумѣвшая въ ней водой. Дама эта имѣла крупнаго, широкоспиннаго мопса, раскормленнаго до жирныхъ складокъ на загривкѣ, съ вылупленными стеклянно-крыжевенными глазами, съ развратно переломленнымъ носомъ, съ чванной, презрительно-выдвинутой нижней челюстью и прикушеннымъ между двумя клыками жабьимъ языкомъ. У него обычно было одно и то же выраженіе морды — ничего не выражающее, кромѣ внимательной наглости, — однако, онъ былъ до крайности нервенъ. И вотъ, если Костенька, кѣмъ-нибудь удаленный изъ номера, попадался въ коридорѣ этому мопсу, тотчасъ-же слышно было, какъ

мопса схватываетъ за горло злое удушье, клокотанье, хрипъ, быстро переходившій въ негодующее бѣшенство и разрѣшавшійся громкимъ и свирѣлымъ лаемъ, отъ котораго Костенька закатывался истерическимъ воплемъ...

Снова сѣвъ за столъ, я томился убожествомъ жизни и ея, при всей ея обыденности, пронзительной сложностью. Теперь мнѣ хотѣлось что-то сказать уже о Костенькѣ и еще о чемъ-то въ этомъ родѣ. Вотъ, на примѣръ, на подворьи Никулиной однажды съ недѣлю жила, работала швея, длинная, пожилая мѣщанка, что-то все кроила на столѣ, заваленномъ обрѣзками, потомъ прилаживала сметанное въ швейную машину и начинала стрекотать, строчить... Чего стоитъ одно то, какъ она, когда кроила, всячески кривила свой крупный сухой ротъ, слѣдуя ходу, изгибаемъ ножницъ, какъ она наслаждалась за самоваромъ чаемъ, все стараясь сказать что-нибудь пріятное Никулиной, какъ она, притворно-оживленно заговаривая ее, тянула — будто-бы безсознательно — свою крупную, рабочую руку къ корзиночкѣ съ ломтями бѣлаго хлѣба и косилась на граненую вазочку съ вареньемъ! А хромоножка на костыляхъ, что встрѣтилъ я на-дняхъ на Карачевской? Всѣ хромые, горбатые ходятъ вызывающе, заносчиво. Эта скромно ныряла навстрѣчу мнѣ, держа черныя палки костылей въ обѣихъ рукахъ, при ныряньи равномерно упираясь въ нихъ и вскидывая плечи, подъ которыми торчали черныя рогульки, и пристально смотрѣла на меня... шубка коротенькая, какъ у дѣвочки, глаза умные, ясные, чистые, темно-каріе и тоже

какъ у дѣвочки, а межъ тѣмъ все уже знающіе въ жизни, въ ея печаляхъ и загадочности... Какъ прекрасны бываютъ нѣкоторые несчастные люди, ихъ лица, глаза, изъ которыхъ такъ и смотритъ вся ихъ душа!

Потомъ я опять пытался погрузиться въ обдумываніе того, съ чего надо начать писать свою жизнь. Да, съ чего! Все-таки надо же прежде всего сказать, если ужъ не о вселенной, въ которой я появился въ ея извѣстный мигъ, то хотя бы о Россіи: дать понять читателю, къ какой странѣ я принадлежу, въ итогѣ какой жизни я появился на свѣтъ. Однако, что-же я знаю и объ этомъ? Родовой быть славянь, раздоры славянскихъ родовъ... Славяне отличались высокимъ ростомъ, русыми волосами, храбростью, гостепріимствомъ, боготворили солнце, громъ и молнію, почитали лѣшихъ, русалокъ, водяныхъ, «вообще силы и явленія природы»... Что еще? Призваніе князей, Царьградскіе послы у князя Владиміра, сверженіе Перуна въ Днѣпръ при общемъ народномъ плачѣ... Ярославъ Мудрый, усобицы его сыновей и внуковъ... какой-то Всеволодъ Большое Гнѣздо... Но мало того, — я ровно ничего не знаю даже о теперешней Россіи! Ну, да, разоряющіеся помѣщики, голодающіе мужики, земскіе начальники, жандармы, полицейскіе, сельскіе священники, непременно, по словамъ писателей, обремененные многочисленнымъ семействомъ... А дальше что? Вотъ Орель, одинъ изъ самыхъ коренныхъ русскихъ городовъ, — хоть бы его-то жизнь, его людей узнать, а что-же я узналъ? Улицы, извозчики, развѣзанный снѣгъ, магазины, вывѣски, — все вывѣски, вывѣски...

Архіерей, губернаторъ... гигантъ, красавецъ и звѣрь приставъ Рашевскій... Еще Палицынъ: слава Орла, одинъ изъ столповъ его, одинъ изъ тѣхъ зубровъ-чудаковъ, которыми искони славится Россія: старъ, родовитъ, другъ Аксакова, Лѣскова, живетъ въ чемъ-то вродѣ древне-русскихъ палатъ, бревенчатая стѣны которыхъ покрыты рѣдкими древними иконами, ходитъ въ какомъ-то широкомъ кафтанѣ, расшитомъ разноцвѣтными сафьянами, стрижется въ скобку, туголикъ, узкоглазъ, очень остеръ умомъ, начитанъ, по слухамъ, удивительно... Что еще знаю я объ этомъ Палицынѣ? Ровно ничего!

Но тутъ меня охватывало возмущеніе: да почему я обязанъ что-то и кого-то знать съ совершенной полнотью, а не писать такъ, какъ знаю и какъ чувствую! Я опять вскакивалъ и принимался ходить, радуясь своему возмущенію, хватаясь за него, какъ за спасеніе... И неожиданно видѣлъ Святогорскій монастырь, гдѣ былъ прошлой весной, разноплеменный станъ богомольцевъ возлѣ его стѣнъ на берегу Донца, послушника, за которымъ гонялся по двору монастыря, напрасно домогаясь, чтобы онъ устроилъ меня гдѣ-нибудь на ночь, то, какъ онъ, пожимая плечами, бѣжалъ отъ меня и весь на-бѣгу развѣвался, — руки, ноги, волосы, полы подрясника, — и какая у него была тонкая, гибкая талія, юношеское, все въ веснушкахъ, лицо, испуганные зеленые глаза и совершенно необыкновенная пышность, взбитость легкихъ, тонкихъ, каждымъ волоскомъ вьющихся свѣтло-золотыхъ волосъ... Потомъ видѣлъ эти весенніе дни, когда я, казалось, безъ

конца плыль по Днѣпру... Потомъ разсвѣтъ въ степи подь Путивлемъ... то, какъ я проснулся на жесткой вагонной лавкѣ, весь закоченѣлый отъ этой жесткости и утренняго холода, увидалъ, что за бѣлыми отъ пота стеклами ничего не видно, — совершенно неизвѣстно, гдѣ идетъ поѣздъ! — и почувствовалъ, что это-то и восхитительно, эта неизвѣстность... съ утренней рѣзкостью чувствъ вскочилъ, открылъ окно, облокотился на него: бѣлое утро, бѣлый сплошной туманъ, пахнетъ весеннимъ утромъ и туманомъ, отъ быстрого бѣга вагона бьетъ по рукамъ, по лицу точно мокрымъ бѣльемъ...

XIV

И вотъ однажды случилось такъ, что почему-то проспалъ я свой положенный срокъ. А проснувшись, остался лежать, какъ лежалъ, глядя напротивъ, въ окно, на ровный бѣлый свѣтъ зимняго дня и чувствуя рѣдкое спокойствіе, рѣдкую трезвость ума и души и какую-то малость, простоту всего окружающаго. Я долго лежалъ такъ, чувствуя, какъ легка мнѣ комната, — насколько она меньше меня, ничѣмъ и никакъ не связана со мной. Потомъ всталъ, умылся и одѣлся, привычно покрестился на образокъ, висѣвшій надъ изголовьемъ моей дешевенькой желѣзной кровати, — тотъ самый, что, какъ это ни удивительно, и теперь виситъ въ моей спальнѣ: темнооливковая, гладкая, окаменѣвшая отъ времени дощечка въ серебряномъ грубомъ окладѣ, означающемъ своими выпуклостями трехъ сидящихъ за трапезой Авраама ангеловъ, восточно-дикіе, запеченные лики которыхъ коричнево глядятъ изъ его округлыхъ дыръ, — наслѣдіе рода моей матери, ея благословеніе мнѣ на жизненный путь, на исходъ въ міръ изъ того подобія иночества, которымъ

было мое дѣтство, отрочество, время первыхъ юныхъ лѣтъ, вся та глухая, сокровенная пора моего земного существованія, что кажется мнѣ теперь совсѣмъ особой порой его, заповѣдной, сказочной, давностью времени преобразенной какъ бы въ нѣкое отдѣльное, даже мнѣ самому чужое бытіе... Покрестившись на образокъ, я пошелъ за покупкой, которую выдумалъ лежа. По дорогѣ вспомнилъ сонъ, который видѣлъ въ эту ночь: была масляница, я опять жилъ у Ростовцевыхъ, сидѣлъ съ отцомъ въ циркѣ, глядѣлъ на арену, на которую бѣжало цѣлое маленькое стадо черныхъ пони, цѣлыхъ шесть штукъ... онѣ были нарядно подсѣдланы маленькими мѣдными сѣделками съ бубенчиками и очень круто взнузданы, — красныя бархатныя поводья уздечекъ были такъ натянуты къ сѣделкамъ, что онѣ въ дугугнули толстыя короткія шеи, на которыхъ черной щеткой торчали коротко подстриженныя гривки, — а изъ челока торчали у нихъ красныя султаны... онѣ бѣжали дружно, ровнымъ рядомъ, мелкой рысцой, звеня бубенчиками, зло, упрямо согнувъ черныя головы, — всѣ масть въ масть, ростъ въ ростъ, всѣ одинаково бокастыя, коротконогія, — и, выбѣжавъ, вдругъ уперлись, грызя удила и тряся султанами... директоръ во фракѣ долго вскрикивалъ, долго стрѣлялъ бичемъ, пока наконецъ заставилъ ихъ упасть на колѣни и закланяться публикѣ, послѣ чего вдругъ заскакавшая обрадованнымъ галопомъ музыка быстро понесла, погнала ихъ вереницу вдоль круга арены, точно преслѣдуя... Я сходилъ въ писчебумажный магазинъ, купилъ толстую тетрадь въ черной клеенкѣ. Возвратясь, сталъ пить

чай, думая: «Да, довольно. Буду только читать да иногда, безъ всякихъ притязаній, кое-что вкратцѣ записывать — всякія мысли, чувства, наблюденія....» И, обмакнувъ перо, старательно и четко вывелъ:

— Алексѣй Арсеньевъ. Записи.

Потомъ долго сидѣлъ, думая, что бы записать, накурилъ всю комнату, но не мучился, былъ только грустенъ и тихъ. Наконецъ сталъ записывать:

— Въ редакцію заходилъ извѣстный толстовецъ, князь Н., просилъ напечатать его отчетъ по сбору и расходамъ на тульскихъ голодающихъ. Небольшой, довольно полный. Какіе-то мягкіе, вродѣ кавказскихъ, сапоги, каракулевая шапка, пальто съ каракулевымъ воротникомъ, — все старое, вытертое, но дорогое и чистое, — мягкая сѣрая блуза, подпоясанная ремешкомъ, подъ которымъ круглится животъ, и золотое пенснэ. Держался очень скромно, но мнѣ было очень непріятно его благообразное, холеное, молочное лицо и холодные глаза. Я сразу его возненавидѣлъ. Я, конечно, не толстовецъ. Но все-таки я совсѣмъ не то, что думаютъ всѣ. Я хочу, чтобы жизнь, люди были прекрасны, вызвали любовь, радость, и ненавижу только то, что мѣшаетъ этому.

— Недавно я шелъ вверхъ по Болховской, и была такая картина: закатъ, морозитъ, расчищается западное небо, и оттуда, изъ этого зеленого, прозрачного и холодного неба озаряетъ весь городъ свѣтлый, вечерній свѣтъ, непонятную тоску котораго невозможно выразить; а на тротуарѣ стоитъ оборванный, синій отъ холода старикъ-шарманщикъ и оглашаетъ этотъ мо-

розный вечеръ звуками своей дряхлой шарманки, ея флейтовыми свистами, переливами, хрипами и вырывающейся изъ этихъ свистовъ и хриповъ романтической мелодіей, какой-то дальней, чужеземной, старинной, которая тоже мучить душу — какими-то мечтами и сожалѣніями о чемъ-то...

— Я вездѣ испытываю тоску или страхъ. У меня до сихъ поръ стоитъ передъ глазами то, что я видѣлъ недѣли двѣ тому назадъ. Это было тоже вечеромъ, только темнымъ и пасмурнымъ. Я случайно зашелъ въ одну небольшую церковь, увидалъ огоньки, которые горѣли въ темнотѣ возлѣ амвона очень низко отъ полу, подошелъ — и замеръ: три восковыхъ свѣчки, прилѣпленныя къ изголовью дѣтскаго гробика, печально и слабо освѣщали этотъ розовый, съ бумажными кружевными краями гробикъ, и смуглаго крутолобаго ребенка, лежавшаго въ немъ. Совсѣмъ было бы похоже, что онъ спитъ, если бы не что-то фарфоровое въ личикѣ, что-то сиреневое въ выпуклыхъ закрытыхъ вѣкахъ и въ треугольникѣ ротика, если бы не та безконечно-спокойная, вѣчная отчужденность отъ всего въ мірѣ, съ которой онъ лежалъ!

— Я написалъ и напечаталъ два разсказа, но въ нихъ все фальшиво и непріятно: одинъ о голодающихъ мужикахъ, которыхъ я не видѣлъ и, въ сущности, не жалѣю, другой на пошлую тему о помѣщичьемъ разореніи и тоже съ выдумкой, между тѣмъ какъ мнѣ хотѣлось написать только про громадный серебристый тополь, который растетъ передъ домомъ бѣднаго помѣщика Р., и еще про неподвижное чучело ястреба, кото-

рое стоитъ у него въ кабинетѣ на шкапѣ и вѣчно, вѣчно смотритъ внизъ блестящимъ глазомъ изъ желтаго стекла, раскинувъ пестро-коричневые крылья. Если писать о разореніи, то я хотѣлъ-бы выразить только его поэтичность. Бѣдныя поля, бѣдные остатки какой-нибудь усадьбы, сада, дворни, лошадей, охотничьихъ собакъ, старики и старухи, то есть «старые господа», которые ютятся въ заднихъ комнатахъ, уступивъ переднія молодымъ, — все это грустно, трогательно. И еще сказать, каковы эти «молодые господа»: они неучи, бездѣльники, нищіе, все еще думающіе, что они голубая кровь, единственное высшее, благородное словіе. Дворянскіе картузы, косоворотки, шаровары, длинные сапоги... Когда собираются, сейчасъ выпивка, куренье, хвастовство. Водку пьютъ изъ старинныхъ бокаловъ для шампанскаго, съ хохотомъ заряжаютъ холостыми зарядами ружья и стрѣляютъ въ зажженные свѣчи, тушатъ ихъ выстрѣлами. Нѣкто П. изъ такихъ «молодыхъ господъ» совсѣмъ переселился изъ разоренной усадьбы на свою водяную мельницу, которая, конечно, давно не работаетъ, живетъ тамъ въ избѣ съ любовницей-бабой, у которой какой-то едва замѣтный носъ. Спитъ съ ней на нарахъ, на соломѣ, или «въ саду», то есть подъ яблонкой возлѣ избы. На сукѣ яблонки виситъ кусочекъ разбитаго зеркала, въ которомъ отражаются бѣлыя облака. Со скуки сидитъ и все бросаетъ камнями въ мужицкихъ утокъ, плавающихъ въ затонѣ возлѣ мельницы, и отъ cadaго камня утки всѣ сразу, всей стайей, съ крикомъ и страшнымъ шумомъ кидаются по водѣ.

— Нашъ бывшій дворовый, слѣпой старикъ Герасимъ, ходилъ, какъ всѣ слѣпые, приподнявъ лицо и какъ бы прислушиваясь, по наитію щупая палкой дорогу. Онъ жилъ въ избушкѣ на краю деревни, бобылемъ, только съ перепеломъ, который сидѣлъ въ лубяной клѣткѣ и все бился въ ней, подпрыгивалъ въ крышку изъ холстины, облысѣлъ, ударяясь въ нее изо дня въ день. Каждую лѣтнюю зорю Герасимъ, несмотря на слѣпоту, ходилъ въ поля ловить перепеловъ, наслаждаться ихъ перекличкой, разносимой по полямъ теплымъ вѣтромъ, дующимъ въ слѣпое лицо. Онъ говорилъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ милѣй замиранія сердца въ тѣ минуты, когда перепелъ, все ближе подходя къ сѣти, черезъ извѣстные промежутки времени, бьетъ все затаеннѣй и горячѣе, все громче и все страшнѣй для ловца. Вотъ былъ истинный, безкорыстный поэтъ!

XV

Итти завтракать въ редакцію не хотѣлось. Я пошелъ въ трактиръ на Московской. Тамъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, закусывая селедкой; ея распластанная головка лежала на тарелкѣ, я глядѣлъ и думалъ: «Это тоже надо записать — у селедки перламутровыя щеки». Потомъ ѣлъ селянку на сковородкѣ. Народу было немало, пахло блинами и жареными снѣтками, въ низкой залѣ было чадно, бѣлые половые бѣгали, танцуя, выгибая спины и откидывая затылки, хозяинъ, во всемъ являвшій собой образецъ тоже русскаго духа, внимательно косилъ за каждымъ изъ нихъ глазами, картинно стоя за стойкой, играя давно усвоенную роль строгости и благочестія; между столиками, занятыми мѣщанами, тихо ходили въ грубыхъ башмакахъ съ ушками и тихо кланялись низенькія черныя монашенки, похожія на галокъ, протягивали черныя книжечки съ галуннымъ серебрянымъ крестомъ на переплетѣ, и мѣщане, хмурясь, выбирали изъ кошельковъ какія похуже копѣйки... Все это было какъ-бы продолженіемъ моего сна, я, слегка хмелья отъ водки,

селянки и воспоминаній дѣтства, чувствовалъ близость слезъ... Воротясь домой, легъ и заснулъ. Съ грустью и раскаяніемъ въ чемъ-то очнувшись въ сумерки, посмотрѣлся, причесываясь, въ зеркало, съ неудовольствіемъ замѣтилъ излишнюю артистичность своихъ волосъ и пошелъ въ парикмахерскую. Въ парикмахерской сидѣлъ подъ бѣлымъ балахономъ кто-то низкорослый, съ голымъ черепомъ, съ торчащими ушами, — нетопырь, которому парикмахеръ удивительно густо и пышно намыливалъ верхнюю губу и щеки. Ловко снявъ всю эту млечность бритвой, парикмахеръ опять немножко взмылилъ и опять снялъ, — на этотъ разъ исподнизу, небрежными, короткими толчками, и нетопырь раскорякой привсталъ, потянулъ за собой балахонъ, наклонился, багрово покраснѣлъ и сталъ одной рукой придерживать его на груди, другой умываться.

— Спрыснуть прикажете? — спросилъ парикмахеръ.

— Вали, — сказалъ нетопырь.

И парикмахеръ зашипѣлъ душистымъ пульверизаторомъ, легонько похлопалъ по мокрымъ щекамъ нетопыря салфеткой.

— Пожалуйста-съ, — сказалъ онъ четко, раскидывая балахонъ. И нетопырь всталъ и оказался довольно страшень: черепъ ушастый, большой, лицо худое и широкое, красно-сафьянное, глаза послѣ бритья младенчески блестящи, дыра рта черна, а самъ низокъ, плечистъ, туловище короткое, паучиное, ноги тонки и по-татарски, по-наѣзднически кривы. Сунувъ парикмахеру на чай, онъ надѣлъ отличное черное пальто и коте-

локъ, закурилъ сигару и вышелъ. Парикмахеръ обратился ко мнѣ:

— Знаете, кто это? Первѣйшій богачъ, купецъ Ермаковъ. Знаете, сколько онъ всегда даетъ на чай? Вотъ-съ:

Онъ раскрылъ ладонь и, весело смѣясь, показалъ:
— Ровно двѣ копѣйки!

Потомъ я, по своему обыкновению, пошелъ бродить по улицамъ. Увидѣвъ церковный дворъ, вошелъ въ него, вошелъ въ церковь, — уже образовалась отъ одиночества, отъ грусти привычка къ церквамъ. Тамъ было тепло и грустно-празднично отъ блеска свѣчей, жарко горѣвшихъ цѣлыми пучками на высокихъ подсвѣчникахъ вокругъ налоя, на налоѣ лежалъ мѣдный крестъ съ фальшивыми рубинами, передъ нимъ стояли священнослужители и умиленно-горестно пѣли: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Въ сумракѣ возлѣ входа стоялъ большой старикъ въ длинной чуйкѣ и кожаныхъ калошахъ, грубый и крѣпкій какъ старая лошадь, сурово (въ назиданіе кому-то) гудѣлъ, подпѣвая. А въ толпѣ возлѣ налоя стоялъ странникъ, тепло освѣщенный спереди золотымъ восковымъ свѣтомъ. Онъ былъ пещерно худъ, склоненнаго лица его, иконописно-тонкаго и темнаго, почти не видно было за прядями длинныхъ темныхъ волосъ, первобытно, иночески и женски висѣвшихъ вдоль щекъ; въ лѣвой рукѣ онъ твердо держалъ высокій деревянный посохъ за долгіе годы натертый до блеску, за плечами у него былъ черный кожаный мѣшокъ, онъ стоялъ одиноко, неподвижно, отрѣшенно отъ всѣхъ. Я глядѣлъ, и опять

слезы навертывались мнѣ на глаза — отъ неудержимо поднимавшагося въ груди сладкаго и скорбнаго чувства родины, Россіи, всей ея темной древности. Кто-то сзади, снизу, легонько постучалъ мнѣ по плечу свѣчкой: я обернулся — за мной гнулась старушка въ салопчикѣ и большой шали, съ однимъ добрымъ торчащимъ зубомъ: «Кресту, батюшка!» Я съ радостной покорностью взялъ свѣчку изъ ея холодной, мертвой ручки съ синеватыми ноготками, шагнулъ къ слѣпящему подсвѣчнику, неловко и стыдясь за свою неловкость, коекакъ пристроилъ свѣчку къ прочимъ и вдругъ подумалъ: «Уѣду!» И, отступивъ и поклонившись, скоро и осторожно пошелъ въ сумракъ къ выходу, оставляя за собой милый, уютный свѣтъ и тепло церкви. На паперти встрѣтила непривѣтливая темнота, вѣтеръ, гудѣвшій гдѣ-то наверху... «Ѣду!» — сказалъ я, надѣвая шапку. — «Въ Смоленскъ...»

Почему въ Смоленскъ? Сказочные Брянскіе лѣса, снѣга... «Брынскіе» лѣса, «брынскіе» разбойники, дикая прелесть темной и вольной русской мечты... Въ какомъ-то переулкѣ я зашелъ въ кабакъ. Въ кабакъ за однимъ столикомъ кричалъ, роняя голову, притворяясь пьянымъ, играя излюбленное русское — умиленіе надъ своей гибелью — какой-то гадкій малый: «Я ошибкой — роковою — какъ-то въ каторгу попалъ!» На него брезгливо смотрѣлъ изъ-за другого столика кто-то съ черными рѣдкими усиками, съ закинутой назадъ головой, — судя по длинной шеѣ, по острому, крупному и подвижному кадыку, игравшему подъ тонкой кожей горла, воръ. Возлѣ стойки покачивалась

длинная хмельная женщина въ жидкомъ, прилипшемъ къ тощимъ ногамъ платьѣ, видимо, прачка: она, доказывая сидѣльцу подлость кого-то, била по стойкѣ стекловидно-блестящими, тонкими, состиранными пальцами; граненый стаканчикъ съ водкой стоялъ передъ ней, она порой брала его, держала и все не пила — опять ставила и опять говорила, стуча пальцами. Я хотѣлъ выпить пива, но прѣлый воздухъ въ кабакѣ былъ слишкомъ вонючъ, лампочка горѣла слишкомъ убого, съ подоконниковъ маленькихъ замерзшихъ оконъ, съ тряпокъ, гнившихъ тамъ, текло...

У Авиловой, къ несчастью, сидѣли въ столовой гости. «—А-а! — сказала она. — Нашъ милый поэтъ! Вы не знакомы?» — Я поздоровался съ ней, откланялся гостямъ. Рядомъ съ Авиловой сидѣлъ старый, морщинистый гоподинъ съ подстриженными усами, выкрашенными въ коричневую краску, съ коричневой накладкой на темени, въ бѣломъ шелковомъ жилетѣ, въ черной визиткѣ; быстро вставъ, онъ отвѣтилъ мнѣ чрезвычайно вѣжливымъ поклономъ, съ гибкостью удивительной для его возраста; борты визитки были у него обшиты черной тесьмой, что мнѣ всегда очень нравилось, вызывало зависть и мечту о такой визиткѣ. Середину стола занимала безъ умолку и очень умѣло говорившая дама, подавшая мнѣ, точно тюленью ласту, крѣпко налитую ручку, на гляцевитой подушечкѣ которой были видны зубчатые полоски, оставшіяся отъ швовъ перчатки. Она говорила ловко, поспѣшно, нѣсколько задыхаясь: она была совсѣмъ безъ шеи, довольно толста, особенно сзади, возлѣ подмышекъ, ка-

менно кругла и тверда въ талии, стянутой корсетомъ; на плечахъ у нея лежалъ дымчатый мѣхъ, запахъ котораго, смѣшанный съ запахомъ сладкихъ духовъ, шерстяного платья и теплаго тѣла, былъ очень душень.

Въ десять часовъ гости поднялись, налюбезничали и ушли.

Авилова засмѣялась:

— Охъ, наконецъ-то! — сказала она. — Пойдемъ, посидимъ у меня. Здѣсь надо открыть форточку... Но, дорогой мой, что вы какой-то такой? — съ ласковой укоризной сказала она, протягивая мнѣ обѣ руки.

Я сжалъ ихъ и отвѣтилъ:

— Я завтра уѣзжаю...

Она взглянула испуганно:

— Куда?

— Въ Смоленскъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ-то не могу больше такъ жить...

— А въ Смоленскѣ что? Но давайте сядемъ... Я ничего не понимаю...

Мы сѣли на диванъ, покрытый лѣтнимъ чехломъ изъ полосатаго тика.

— Вотъ видите этотъ тикъ? — сказалъ я. — Вагонный. Я даже этого тика не могу видѣть спокойно, тянетъ ѣхать.

Она усѣлась поглубже, ноги ея легли передо мною.

— Но почему въ Смоленскъ? — спросила она, глядя на меня недоумѣвающими глазами.

— Потомъ въ Витебскъ... въ Полоцкъ...

— Зачѣмъ?

— Не знаю. Прежде всего — очень нравятся слова: Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ...

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Я не шучу. Развѣ вы не знаете, какъ хороши нѣкоторыя слова? Смоленскъ вѣчно горѣлъ въ старину, вѣчно его осаждали... Я даже что-то родственное чувствую къ нему — тамъ когда-то, при какомъ-то страшномъ пожарѣ, погорѣли какія-то древнія грамоты нашего рода, отчего мы лишились какихъ-то большихъ наслѣдныхъ правъ и родовыхъ привилегій...

— Чась отъ часу не легче! Вы очень тоскуете? Она вамъ не пишетъ?

— Нѣтъ. Но не въ томъ дѣло. Вся эта орловская жизнь не по мнѣ. «Знаеть олень кочующій пастбища свои...» И литературныя дѣла совсѣмъ никуда. Сижу все утро и въ головѣ такой вздоръ, точно я сумасшедшій. Вотъ у насъ въ городѣ бѣгаетъ по улицамъ дурачекъ — все размахиваетъ руками, дирижируетъ воображаемымъ оркестромъ, дудитъ въ слюнявыя губы. Вотъ и я такъ-же. Потомъ есть у насъ въ Батуриинѣ дочь лавочника, — уже потеряла надежду выйти замужъ и потому живетъ только острой и злой наблюдательностью. Вотъ и я въ этомъ родѣ.

— Какой еще ребенокъ! — сказала она ласково и пригладила мнѣ волосы.

— Быстро развиваются только низшіе организмы, — отвѣтилъ я. — А потомъ, кто не ребенокъ? «До самой старости мы дѣти!» Вотъ я разъ ѣхалъ въ Орель, со мной сидѣлъ членъ елецкаго окружного суда, почтенный, серьезный человекъ, похожій на пиковаго ко-

роля... Долго сидѣлъ, читая «Новое Время», потомъ всталъ, вышелъ и пропалъ. Я даже обезпокоился, тоже вышелъ и отворилъ дверь въ сѣни. За грохотомъ поѣзда онъ не слыхалъ и не видалъ меня — и что-же мнѣ представилось? Онъ залихватски плясалъ, выдѣлывалъ ногами самыя отчаянныя штуки въ ладъ колесамъ.

— Мудрецъ мой глупенькій! — сказала она.

И, поднявъ глаза, вдругъ тихо, многозначительно спросила:

— Хотите, поѣдемъ въ Москву?

Что-то представилось мнѣ, что-то жутко и дико содрогнулось во мнѣ... Я покраснѣлъ, забормоталъ, отказываясь, благодарности... До сихъ поръ вспоминаю эту минуту съ болью большой потери.

XVI

Слѣдующую ночь я проводилъ уже въ вагонѣ, въ голомъ купѣ третьяго класса. Былъ совсѣмъ одинъ, даже немного боязно было. Слабый свѣтъ фонаря печально дрожалъ, качался по деревяннымъ лавкамъ. Я стоялъ возлѣ чернаго окна, изъ невидимыхъ отверстій котораго остро и свѣжо дуло, и, загородивъ лицо отъ свѣта руками, напряженно вглядывался въ ночь, въ лѣса. Тысячи красныхъ пчель неслись, развѣвались тамъ, иногда, вмѣстѣ съ зимней свѣжестью, пахло ладаномъ, горящими въ паровозѣ дровами.. О, какъ сказочно мрачна, строга, величава была эта лѣсная ночь, безконечная, узкая, глубокая просѣка лѣснаго пути, великіе, темные призраки вѣковыхъ сосенъ, тѣснымъ, дремучимъ строемъ шедшихъ вдоль него! Свѣтлые четырехугольники оконъ косо бѣжали по бѣлымъ сугробамъ у подножья лѣса, иногда мелькалъ телеграфный столбъ, — выше и дальше все тонуло во тьмѣ и тайнѣ.

Утромъ было внезапное, бодрое пробужденіе: все свѣтло, спокойно, поѣздъ стоитъ — уже Смоленскъ, большой вокзалъ. Я выскочилъ изъ вагона, жадно глот-

нуль чистаго воздуха... У дверей вокзала толпился возлѣ чего-то народъ: я подбѣжалъ — это лежалъ убитый на охотѣ дикій кабанъ, грубый, огромный, могучій, заоченѣвшій и промерзшій, страшно жесткій даже на видъ, весь торчащій сѣрыми длинными иглами густой щетины, пересыпанной сухимъ снѣгомъ, съ свиными глазками, съ двумя крѣпко закушенными бѣлыми клыками. Остаться? — подумалъ я. — Нѣтъ, дальше, въ Витебскъ!

Въ Витебскъ я пріѣхалъ къ вечеру. Вечеръ былъ морозный, свѣтло-желтый. Всюду было очень снѣжно, глухо и чисто, дѣвственно, городъ показался мнѣ древнимъ и не-русскимъ: высокіе, въ одно слитые дома съ крутыми крышами, съ небольшими окнами, съ глубокими и грубыми полукруглыми воротами въ нижнихъ этажахъ. То и дѣло встрѣчались старые евреи, въ лапсердакахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ, съ пейсами, похожими на трубчатые, вьющіеся бараньи рога, безкровные, съ печально - вопросительными сплошь темными глазами. На главной улицѣ было гулянье — медленно двигалась по тротуарамъ густая толпа полныхъ дѣвушекъ, наряженныхъ съ провинціальной еврейской пышностью въ бархатныя толстыя шубки, лиловыя, голубыя и гранатовыя. За ними, но скромно, отдѣльно, цѣлыми стадами шли молодые люди, всѣ въ котелкахъ, но тоже съ пейсами, съ дѣвичьей нѣжностью и округлостью восточно-конфетныхъ лицъ, съ шелковистой юношеской опушкой вдоль щекъ, съ томными антилопьиными взглядами... Я шелъ какъ очарованный въ этой толпѣ, въ этомъ столь древнемъ, какъ

мнѣ казалось, городѣ, во всей его чудной новизнѣ для меня.

Темнѣло, я пришелъ на какую-то площадь, на которой возвышался желтый костель съ двумя звонницами. Войдя въ него, я увидалъ полумракъ, ряды скамеекъ, впереди, на престолѣ, полукругъ огоньковъ. И тотчасъ медлительно, задумчиво запѣлъ гдѣ-то надо мной органъ, потекъ глухо и плавно, потомъ сталъ возвышаться, рости — рѣзко, металлически... сталъ кругло дрожать, скрежетать, какъ бы вырываясь изъ-подъ чего-то, глушившаго его, потомъ вдругъ вырвался и звонко разлился небесными пѣснопѣніями... Впереди, среди огоньковъ, то поднималось, то падало горловое бормотаніе, гнусаво раздавались латинскіе возгласы. Въ сумракѣ, по обѣимъ сторонамъ уходящихъ впередъ толстыхъ каменныхъ колоннъ, терявшихся вверху въ темнотѣ, черными привидѣніями стояли на цоколяхъ какіе-то желѣзные латники. Въ высотѣ надъ алтаремъ сумрачно умирало большое многоцвѣтное окно...

XVII

Въ ту же ночь я уѣхалъ въ Петербургъ. Выйдя изъ костела, пошелъ назадъ, на вокзалъ, къ поѣзду въ Полоцкъ: хотѣлъ поселиться тамъ въ какой-нибудь старой гостиницѣ, пожить зачѣмъ-то нѣкоторое время въ полномъ одиночествѣ. Поѣздъ на Полоцкъ отходилъ поздно. На вокзалѣ было пусто и темно. Буфетъ освѣщала только сонная лампа на стойкѣ, въ стѣнныхъ часахъ постукивало съ такими оттяжками, точно само время было на исходѣ. Я цѣлую вѣчность сидѣлъ одинъ, въ мертвой тишинѣ. Когда наконецъ откуда-то запахло самоваромъ и вокзалъ сталъ оживать, освѣщаться, я поспѣшно, самъ не понимая, что дѣлаю, взялъ билетъ до Петербурга.

Тамъ, на вокзалѣ въ Витебскѣ, въ этомъ безконечномъ ожиданіи поѣзда на Полоцкъ, я испыталъ чувство своей страшной отдѣленности отъ всего окружающаго, удивленіе, непониманіе, — что это такое все то, что передо мной, и зачѣмъ, почему я среди всего этого? Тихій, полутемный буфетъ со стойкой и сонно горящей на ней лампой, сумрачное пространство

станціонной залы, ея длина и высота, столь, занимающей всю ея средину, убранный съ обычной для всѣхъ станцій казенностью, дремотный старикъ лакей съ гнутой спиной и висящими, отстающими сзади фалдами, который, осѣдая на ноги, вытащилъ себя откуда-то изъ-за стойки, когдапряно запахло по буфету этимъ ночнымъ вокзальнымъ самоваромъ, и сталъ съ недовольной старческой неловкостью взлѣзть на стулья возлѣ стѣнъ и дрожащей рукой зажигать стѣнныя лампы въ матовыхъ шарахъ... потомъ рослый жандармъ, который, пренебрежительно гремя шпорами, прошелъ по буфету на платформу въ длинной до пять шинели, своимъ разрѣзомъ сзади напоминающей хвостъ дорогого жеребца, — что это такое? зачѣмъ? почему? И какъ непохожа была ни на что та свѣжесть зимней ночи, снѣговъ, которой пахнулъ жандармъ со двора, выходя на платформу! Вотъ тутъ-то и очнулся я отъ оцѣпенѣнія и вдругъ рѣшилъ почему-то ѣхать въ Петербургъ.

Въ Полоцкѣ шелъ зимній дождь, улицы были мокры, ничтожны. Я только заглянулъ въ него между поѣздами, и радъ былъ своему разочарованію. Въ дальнѣйшемъ пути записалъ: «Безконечный день. Безконечныя снѣжныя и лѣсныя пространства. За окнами все время вялая блѣдность неба и снѣговъ. Поѣздъ то вступаетъ въ лѣсъ, темнящій его своими чащами, то опять выходитъ на унылый просторъ снѣжныхъ равнинъ, по далекому горизонту которыхъ, надъ тушью лѣсовъ, грядой виситъ въ низкомъ небѣ что-то тускло-свинцовое. Станціи все деревянныя... Сѣверъ, сѣверъ!»

Петербургъ мнѣ показался уже крайнимъ сѣверомъ. Извозчикъ мчалъ меня въ сумрачной вьюгѣ по необыкновеннымъ для меня своей стройностью, высотой и одинаковостью улицамъ къ Лиговкѣ, къ Николаевскому вокзалу. Былъ всего третій часъ, но круглые часы на казенной громадѣ вокзала уже свѣтились сквозь вьюгу. Я остановился въ двухъ шагахъ отъ него, въ той сторонѣ Лиговки, что идетъ вдоль канала. Тутъ было ужасно, — дровяные склады, извозничьи постои, чайныя, трактиры, портерныя. Въ номерахъ, что посовѣтовалъ мнѣ извозчикъ, я долго сидѣлъ, не раздѣваясь, глядя съ высоты шестого этажа въ безконечно-грустное окно, въ предвечернюю снѣжную муть, весь пlying отъ усталости, вагонной качки... Петербургъ! Я чувствовалъ это сильно: я въ немъ, весь окруженъ его темнымъ и сложнымъ, зловѣщимъ величїемъ. Въ номерѣ было натоплено и душно отъ запаха старыхъ шерстяныхъ драпри и такой же тахты, отъ крѣпкой вони чего-то того красноватаго, чѣмъ натираютъ полы въ плохихъ номерахъ. Я вышелъ, сбѣжалъ внизъ по крутой лѣстницѣ. На улицѣ ударила въ меня снѣжнымъ холодомъ непроглядная вьюга, я поймалъ мелькнувшаго въ ней извозчика и полетѣлъ на Финляндскій вокзалъ — испытать чувство заграницы. Тамъ я быстро напился пьянъ — и вдругъ послалъ ей телеграмму:

— Буду послѣзавтра.

Огромная, людная, старая Москва встрѣтила меня блескомъ солнечной оттепели, тающихъ сугробовъ, ручьевъ и лужъ, громомъ и звономъ конокъ, шумной безтолочью идущихъ и ѣдущихъ, удивительнымъ ко-

личествомъ тяжело нагруженныхъ товарами ломовыхъ розвальней, грязной тѣснотой улицъ, лубочной картинностью кремлевскихъ стѣнъ, палатъ, дворцовъ, скученно сіяющихъ среди нихъ золотыхъ соборныхъ маковокъ. Я дивился на Василия Блаженнаго, ходилъ по соборамъ въ Кремль, завтракалъ въ знаменитомъ трактирѣ Егорова въ Охотномъ ряду. Тамъ было чудесно: внизу довольно сѣро и шумно отъ торговаго просто-народья, зато наверху, въ двухъ невысокихъ зальцахъ, чисто, тихо, пристойно, — даже курить не дозволялось, — и очень уютно отъ солнца, глядѣвшаго въ теплыя маленькія окна откуда-то съ надворья, отъ заливавшейся въ клѣткѣ канарейки; въ углу мерцала бѣлымъ огонькомъ лампада, на одной стѣнѣ, занимая всю ея верхнюю половину, блестѣла смуглымъ лакомъ темная картина: чешуйчатая, кверху загнутая крыша, длинная терраса и на ней несоотвѣтственно большія фигуры пьющихъ чай китайцевъ, желтолицыхъ, въ золотыхъ халатахъ, въ зеленыхъ колпакахъ, какъ на дешевыхъ лампахъ.

Въ ночномъ пути на Николаевской дорогѣ я впервые испыталъ то удовольствіе, которое она мнѣ давала впоследствии неизмѣнно: шестьсотъ верстъ колеи, прямой, какъ стрѣла, пятнадцать часовъ равномернаго, быстро бѣга, баюканья теплаго вагона, сладкій запахъ березовыхъ дровъ, которыми топили паровозъ и весь поѣздъ, и всю ночь за окномъ, въ бѣгущемъ свѣтѣ окна, чернота еловыхъ лѣсовъ, тонущихъ въ дѣвственно-бѣлыхъ подушкахъ высокихъ снѣговъ...

Въ нашемъ городѣ уже ѣздили на колесахъ, на

станціи бушевалъ вольный азовскій вѣтеръ. Она меня ждала на платформѣ, уже сухой, легкой. Вѣтеръ трепалъ ея весеннюю шляпку, не давалъ смотрѣть. Я увидалъ ее издали, — она растерянно, морщась отъ вѣтра, искала меня по идущимъ вагонамъ глазами. Въ ней было то трогательное, жалкое, что всегда такъ поражаетъ насъ въ близкомъ человѣкѣ послѣ разлуки съ нимъ. Она похудѣла, одѣта была скромно. Когда я выскочилъ изъ вагона, она хотѣла поднять съ губъ вуальку — и не могла, неловко поцѣловала меня черезъ нее, поблѣднѣвъ до мертвенности.

На извозчикѣ она молча клонила голову навстрѣчу вѣтру, — только нѣсколько разъ повторила горько и сухо:

— Что ты со мной дѣлалъ, что ты со мной дѣлалъ!
Потомъ сказала, все такъ-же серьезно:

— Ты въ Дворянскую? Я поѣду съ тобой.

Войдя въ номеръ, — онъ былъ во второмъ этажѣ, большой, съ прихожей, — она сѣла на диванъ, глядя, какъ коридорный глупо ставитъ мой чемоданъ на коверъ посреди комнаты. Поставивъ, онъ спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній.

— Ничего не надо, — сказала она за меня. — Идите...

И стала снимать шляпку.

— Что же ты все молчишь, ничего не скажешь мнѣ? — безразлично сказала она, сдерживая дрожавшія губы.

Я сталъ на колѣни, обнялъ ея ноги, цѣлуя ихъ сквозь юбку и плача. Она подняла мнѣ голову —

и я опять узналъ, почувствовалъ ея знакомыя, несказанно-сладостныя губы и смертельно-блаженное замираніе нашихъ сердець. Я вскочилъ, повернулъ ключъ въ дверяхъ, ледяными руками опустилъ на окнахъ бѣлыя пузырчатая занавѣски, — вѣтеръ качалъ за окнами черно-весеннее дерево, на которомъ, какъ пьяный, мотался и тревожно оралъ грачъ...

— Отецъ просить объ одномъ, — тихо сказала она потомъ, лежа въ оцѣпенѣніи отдыха: — подождать вѣнчаться хотя бы полгода. Подожди, все равно моя жизнь теперь только въ тебѣ одномъ, дѣлай со мной что хочешь.

Необожженныя свѣчи стояли на подзеркальникѣ, матово бѣлѣли неподвижно висящія занавѣски, разными странными фигурами глядѣло съ мѣлового потолка какое-то лѣпное украшеніе.

XVIII

Мы уѣхали въ тотъ малорусскій городъ, куда переселился изъ Харькова братъ Георгій, оба на работу по земской статистикѣ, которой онъ тамъ завѣдывалъ. Мы провели Страстную и Пасху въ Батуриинѣ. Мать и сестра уже души не чаяли въ ней, отецъ любовно говорилъ ей ты, самъ давалъ по утрамъ цѣловать свою руку, — только братъ Николай былъ сдержанъ, вѣжливо любезенъ. Она была тихо и растерянно счастлива, — новизной своей причастности къ моей семьѣ, къ дому, къ усадьбѣ, къ моей комнатѣ, гдѣ протекала моя юность, казавшаяся ей теперь прекрасной, трогательной, къ моимъ книгамъ, которыя она тамъ разсматривала съ несмѣлой радостью... Потомъ мы уѣхали.

Ночь до Орла, въ пять часовъ пересадка въ харьковскій поѣздъ.

Въ солнечное утро мы стоимъ въ коридорѣ вагона возлѣ жаркаго окна.

— Какъ странно, я никогда не была нигдѣ, кромѣ

Орла и Липецка! — говоритъ она. — Сейчасъ Курскъ? Это для меня уже югъ.

— Да. И для меня.

— Мы будемъ въ Курскѣ завтракать? Знаешь, я еще никогда въ жизни не завтракала на вокзалѣ...

За Курскомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все теплѣй, радостнѣй. На откосѣ вдоль шпаль уже густая трава, цвѣты, бѣлыя бабочки, въ бабочкахъ уже лѣто.

— Жарко будетъ тамъ лѣтомъ! — съ улыбкой говоритъ она.

— Братъ пишетъ, городъ весь въ садахъ.

— Да, Малороссія. Вотъ ужъ никогда не думала... Смотри, смотри, какіе громадныя тополя! И ужъ совсѣмъ зеленые! Зачѣмъ столько мельницъ?

— Вѣтряковъ, а не мельницъ. Сейчасъ будутъ видны мѣловыя горы, потомъ Бѣлгородъ.

— Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на сѣверѣ, безъ этого обилія свѣта.

Я опускаю окно. Тепло дуетъ солнечный вѣтеръ, паровозный дымъ южно пахнетъ каменнымъ углемъ. Она прикрываетъ глаза, солнце горячими полосами ходитъ по ея лицу, по играющимъ возлѣ лба темнымъ молодымъ волосамъ, по простенькому ситцевому платью, ослѣпительно озаряя и нагрѣвая его.

Въ долинахъ подъ Бѣлгородомъ милая скромность празднично-цвѣтущихъ вишневыхъ садовъ, мѣломъ бѣлѣющихъ хатъ. На вокзалѣ въ Бѣлгородѣ ласковая скороговорка хохлушекъ, продающихъ бублики.

Она покупаетъ и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употребленіемъ малорусскихъ словъ.

Вечеромъ, въ Харьковѣ, мы опять мѣняемъ дорогу.
На разсвѣтъ подъѣзжаемъ.

Она спитъ. Свѣчи въ вагонѣ догораютъ, въ степи еще ночь, темный сумракъ, но за нимъ далекій, низко и сокровенно зеленѣющій востокъ. Какъ не похожа тутъ земля на нашу, — эта нагая, безграничная гладь съ тугими сѣро-зелеными курганами! Мелькнулъ спящій полустанокъ, — ни куста ни деревца возлѣ него, и самъ онъ — каменный, голый, бѣло-синеватый въ этомъ тайномъ рожденіи зари... Какъ одиноки тутъ станціи!

Вотъ и въ вагонѣ брезжить день. Сумракъ внизу, по полу, но надъ нимъ уже полусвѣтъ. Она, во снѣ, спрятала голову въ подушку, поджала ноги. Я осторожно прикрываю ее старинной шелковой шалью, подаренной ей моей матерью.

XIX

Станція была отъ города далеко, въ широкихъ долинахъ. Вокзалъ — небольшой, пріятный. На вокзалѣ — привѣтливые лакеи, ласковые носильщики, благосклонные извозчики на козлахъ домовитыхъ тарантасовъ, запряженныхъ парой въ дышло.

Городъ, весь въ густыхъ садахъ, съ гетманскимъ соборомъ на обрывѣ горы, глядѣлъ съ нея на востокъ и на югъ. Въ восточной долиніѣ отдѣльно стоялъ крутой холмъ съ древнимъ монастыремъ на вершинѣ, дальше было зелено и пусто, долина переходила въ степные скаты. Въ южной, за рѣкой, за ея веселыми лугами, взглядъ терялся въ солнечномъ блескѣ.

Въ городѣ многія улицы казались тѣсны отъ садовъ и тополей, рядами тянувшихся вдоль дощатыхъ «пѣшеходовъ», на которыхъ часто можно было встрѣтить гордо-грудастую дѣвку въ обтянутой по бедрамъ плахтѣ, съ тяжелымъ водоносомъ на сильномъ плечѣ. Тополи были необыкновенны своей высотой и мощью, восхищали насъ; стоялъ май, много было грозъ и ливней, и какъ блестяще зеленѣли они своей крѣпкой лист-

вой, какъ свѣжо и смолисто благоухали! — Весна тутъ была всегда яркая, веселая, лѣто знойное, осень ясная, долгая, зима мягкая, съ влажными вѣтрами, санные извозчики ѣздили съ бубенчиками, съ ихъ прелестнымъ глухимъ бормотаньемъ.

Крупный, загорѣлый, съ кругло стриженной сѣдой головой старикъ Кованько, у котораго мы поселились въ одной изъ такихъ улицъ, имѣлъ цѣлое помѣстье: дворъ, флигель, домъ и садъ за домомъ. Самъ онъ занималъ флигель, а домъ, бѣленый мѣломъ и тѣнистый отъ сада сзади и большой стеклянной галлерей по фасаду, сдавалъ намъ. Онъ гдѣ-то служилъ, придя со службы, сытно обѣдалъ, отдыхалъ, а потомъ, полураздѣтый, сидѣлъ подъ раскрытымъ окномъ и все пѣлъ, покуривая «люльку»: «Ой, на горі та женці жнуть...»

Комнаты въ домѣ были невысокія, простыя; какой-то древній сундукъ подъ суровымъ рядомъ съ цвѣтной мережкой стоялъ въ прихожей. Служила намъ молоденькая казачка, въ красотѣ которой было что-то ногайское.

Братъ сталъ еще милѣй и добрѣй. Надежды мои оправдались — между нимъ и ею вскорѣ образовалась родственная и дружеская близость; во всѣхъ моихъ раз-молвкахъ съ ней или съ нимъ они всегда были на сторонѣ другъ друга.

Кругъ нашихъ сослуживцевъ и знакомыхъ (врачей, адвокатовъ, земцевъ) былъ подобенъ харьковскому кругу брата, — я вошелъ въ него легко, съ удовольствіемъ встрѣтилъ въ немъ Леонтовича и Вагина, тоже переселившихся изъ Харькова. Отъ харьковскаго этотъ кругъ отличался только тѣмъ, что состоялъ изъ людей

болѣе умѣренныхъ, жившихъ почти совсѣмъ подстать городу, его миргородскому благополучію, дружелюбно встрѣчавшихся не только съ людьми изъ всякаго другого городского общества, но даже съ полицмейстеромъ.

Чаще всего мы собирались въ домъ одного изъ членовъ управы: онъ былъ владѣлецъ пяти тысячъ десятинъ земли и отары въ десять тысячъ головъ, домъ держалъ — для семьи — богатый, свѣтскій, самъ-же, маленькій, скромный, бѣдно одѣтый, побывавшій въ свое время въ Якутскѣ, казался въ немъ жалкимъ гостемъ.

XX

Во дворѣ былъ старый каменный колодець, передъ флигелемъ росли двѣ бѣлыя акаціи, возлѣ крыльца дома, затѣняя правую сторону стеклянной галлерей, поднималась темная вершина каштана. Все это лѣтнимъ утромъ было часамъ къ семи уже горячо, ярко, солнечно-однообразно оглашалось вопросительно-растерянными восклицаніями куръ изъ курятника, но въ домѣ, особенно въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ садъ, было еще прохладно, въ спальнѣ, гдѣ она плескалась стоя въ однѣхъ маленькихъ татарскихъ туфляхъ, съ зябко напрягшейся грудью, свѣжо пахло водой и туалетнымъ мыломъ; она, стыдясь, повертывалась ко мнѣ мокрымъ лицомъ, съ намыленной сзади подъ волосами шеей, и топала каблучкомъ: «Уходи вонъ!» Потомъ изъ той комнаты, гдѣ окна выходили на галлерей, пахло завареннымъ чаемъ, — тамъ ходила, стучала подкованными башимаками казачка; она обувалась на босу ногу, ея голыя щиколки, тонкія, какъ у породистой кобылки, восточно блестѣли изъ-подъ юбки; блестѣла и круглая шейка въ янтарномъ

ожерельи, черная головка была жива, чутка, такъ и сверкала раскосыми глазами, задъ вилялся при каждомъ движеніи.

Братъ выходилъ къ чаю съ папиросой въ рукѣ, съ улыбкой и повадками отца; небольшой, полнѣющій, онъ не былъ похожъ на него, но что-то отъ его барственныхъ манеръ въ немъ сказывалось; онъ сталъ хорошо одѣваться, какъ-то свѣтски-вольно клалъ, садясь, ногу на ногу и такъ же держалъ папиросу; всѣ когда-то были убѣждены въ его блестящей будущности, онъ и самъ былъ въ ней убѣжденъ, — теперь вполнѣ довольствовался той ролью, которую игралъ въ этомъ малорусскомъ захолустьи, и къ чаю выходилъ съ игрой въ глазахъ: онъ чувствовалъ себя полнымъ силъ, здоровья, мы составляли его семью, очень ему милую, идти вмѣстѣ съ нами на службу, состоявшую, какъ и въ Харьковѣ, наполовину изъ куренья и разговоровъ, было для него ежедневнымъ удовольствіемъ. Когда выходила наконецъ и она, уже совсѣмъ готовая, одѣтая съ лѣтней веселостью, онъ весь сіялъ, цѣлуя ея руку.

Мы шли вдоль дивныхъ тополей, маслянисто блестящихъ подъ солнцемъ, по горячимъ доскамъ пѣшеходовъ, подъ жаркими стѣнами домовъ и нагрѣтыми садами; ея раскрытый зонтикъ выпукло круглился свѣтлымъ шелкомъ въ густой синевѣ. Потомъ мы переходили знойную площадь, входили въ желтое зданіе управы. Тамъ внизу пахло сапогами сторожей и всѣмъ тѣмъ, что всегда было свойственно русскимъ общественнымъ мѣстамъ. По лѣстницѣ во второй этажъ

озабоченно ходили съ бумагами въ рукахъ, по-хохлацки гнули головы всякіе письмоводители и дѣлопроизводители въ черныхъ люстриновыхъ пиджачкахъ, племя хитрое и многоопытное при всей своей видимой простоватости. Мы проходили подъ лѣстницу въ глубину перваго этажа, въ низкія комнаты нашего отдѣленія, очень пріятныя отъ тѣхъ оживленныхъ интеллигентски-неряшливыхъ лицъ, что наполняли ихъ... Странно было мнѣ видѣть ее въ этихъ комнатахъ, за всякими опросными листами, которые она вкладывала въ конверты для разсылки по уѣздамъ.

Въ полдень сторожа подавали намъ чай въ дешевыхъ стаканахъ, дешевыя блюдечки съ ломтиками лимона, и казенность всего этого доставляла мнѣ первое время тоже какую-то пріятность. Тогда къ намъ сходились поболтать, покурить всѣ наши друзья изъ другихъ отдѣленій. Приходилъ Сулима, секретарь управы. Это былъ красивый, нѣсколько сутулый человекъ въ золотыхъ очкахъ, съ великолѣпной бархатно-блестящей чернотой волосъ и бороды; у него была мягкая, вкрадчивая поступь, вкрадчивая улыбка и такая-же манера говорить; онъ улыбался постоянно и постоянно игралъ этой своей мягкостью, изяществомъ; онъ былъ большой эстетъ, монастырь, что стоялъ на холмѣ въ долину, называлъ застывшимъ аккордомъ. Онъ приходилъ нерѣдко и поглядывалъ на нее все блаженнѣй и таинственнѣй; подходя къ ея столу, низко наклонялся къ ея рукамъ, приподнималъ очки и сладостно, тихо улыбался: «А теперъ что вы разсылаете?» Она отъ этого вся подтягивалась и старалась отвѣтить

какъ можно любезнѣе, но и какъ можно проще. Я былъ вполнѣ спокоенъ, я теперь ни къ кому ее не ревновалъ.

На службѣ я невольно занялъ, какъ въ редакціи орловскаго «Голоса», какое-то особое положеніе, на меня, какъ на работника, смотрѣли ласково-насмѣшливо. Я сидѣлъ и не спѣша подсчитывалъ, составлялъ сводки, сколько въ такой-то волости такого-то уѣзда засѣяно табаку, свекловицы, какія предпринимались тамъ мѣры «по борьбѣ» съ жучками и кобылками, вредящими этой свекловицѣ, иногда просто читалъ что-нибудь, не обращая вниманія на разговоры вокругъ. Меня радовало, что у меня есть свой столъ и то, что я могъ въ любомъ количествѣ требовать изъ канцеляріи новенькія перья, карандаши, отличную писчую бумагу.

Въ два часа служба кончалась; братъ, улыбаясь, поднимался — «до дому, громада!» — всѣ оживленно разбирали лѣтніе картузы и шляпы, толпой выходили на свѣтлую площадь, трясли другъ другу руки и, блестя чесучой и палками, расходились.

XXI

Часовъ до пяти въ городѣ было пусто, сады пеклись подь солнцемъ. Братъ спалъ, мы лежали, стараясь что-нибудь читать. Солнце, обходя домъ, уже блистало въ окна спальни, заглядывало въ нихъ изъ сада, садъ отражался своей свѣтлозеленой листвою въ зеркалъ надъ умывальникомъ. Въ этомъ городѣ учился Гоголь, весь окрестный край былъ его, — Миргородъ, Яновщина, Шишаки, Яреськи, — мы часто, смѣясь, вспоминали: «Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи!».

— Все-таки жарко! — говорила она, весело вздыхая и ложась навзничь. — И сколько у насъ мухъ! А какъ это дальше, про огороды?

— «Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами...»

— Это какъ-то волшебно хорошо. Я ужасно хотѣла бы побывать въ Миргородѣ. Непремѣнно надо какъ-нибудь поѣхать. Правда? Пожалуйста, какъ-нибудь поѣдемъ! Только какой онъ былъ странный, не-

пріятный въ жизни. Никогда ни въ кого не былъ влюбленъ, даже въ молодости...

— Да, за всю молодость единственный безсмысленный поступокъ — поѣздка въ Любекъ.

— Вродѣ твоей въ Петербургъ... Отчего ты такъ любишь ѣздить?

— А отчего ты любишь получать письма?

— Отъ кого-жъ я ихъ теперь получаю!

— Все равно любишь. Люди постоянно ждутъ чего-нибудь счастливаго, интереснаго, мечтаютъ о какой-нибудь радости, о какомъ-нибудь событіи. Этимъ влечетъ и дорога. Потомъ воля, просторъ... новизна, которая всегда празднична, повышаетъ чувство жизни, а вѣдь всѣ мы только этого и хотимъ, ищемъ во всякомъ сильномъ чувствѣ.

— Да, да, это правда.

— Ты говоришь — Петербургъ. Если бы ты знала, какой это ужасъ и какъ я тамъ сразу и навѣки понялъ, что я человѣкъ до глубины души южный. Гоголь писалъ изъ Италіи: «Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ — все это мнѣ снилось: я проснулся опять на родинѣ». Вотъ и я такъ же проснулся тутъ. Не могу спокойно слышать словъ: Чигиринъ, Черкасы, Хороль, Лубны, Чертомлыкъ, Дикое Поле, не могу безъ волненія видѣть очеретяныхъ крышъ, стриженныхъ мужицкихъ головъ, бабъ въ желтыхъ и красныхъ сапогахъ, даже лыковыхъ кошелокъ, въ которыхъ онѣ носятъ на коромыслахъ вишни и сливы. «Чайка скиглить, летаючи, мовъ за дитьми плаче, солнце гріе, витерь віе на степу козачемъ...» Это Шевченко, — совершенно геніальный поэтъ! Прекраснѣе Малороссіи нѣтъ страны въ мірѣ. И

главное то, что у нея теперь уже нѣтъ исторіи, — ея историческая жизнь давно и навсегда кончена. Есть только прошлое, пѣсни, легенды о немъ, — какая-то внѣвременность. Это меня восхищаетъ больше всего.

— Ты это часто говоришь — восхищаетъ, восхищеніе.

— Жизнь и должна быть восхищеніемъ...

Солнце склонялось, густо лилось въ открытыя окна по крашеному полу, зеркальный отблескъ игралъ на потолкѣ. Подоконники горѣли все ярче, на нихъ радостными кучками кипѣли мухи. Мухи кусали ея голыя прохладныя плечи. На подоконникъ вдругъ сѣлся воробей, зорко и бойко оглядывался и, вспорхнувъ, опять исчезалъ въ свѣтлой зелени сада, уже прозрачно сквозившей на предвечернемъ солнцѣ.

— Ну, скажи еще что-нибудь, — говорила она. — Скажи, а въ Крымъ мы когда-нибудь поѣдемъ? Если бы ты зналъ, какъ я мечтаю! Ты-бъ могъ написать какую-нибудь повѣсть, — мнѣ кажется, ты написалъ бы замѣчательно, — и вотъ у насъ были бы деньги, мы бы взяли отпускъ... Отчего ты бросилъ писать? Ты какой-то мотъ, расточитель своихъ способностей!

— Были такіе козаки, которые назывались «бродники», — отъ слова бродить. Вотъ, вѣрно, и я бродникъ. «Одному Богъ даетъ палаты, другому мосты да гати». Лучше всего у Гоголя его записная книжка: «Степная чайка съ хохломъ въ видѣ скобки поднимается съ дороги... Рубежъ во всю дорогу, зеленый, съ растущими на немъ бодяками, и ничего за нимъ, кромѣ безграничной равнины... Подсолнечники надъ плетнями и рвами, и соломенный навѣсъ чисто вымазан-

ной хаты, и миловидное, краснымъ ободкомъ окруженное окошко... Ты, древній корень Руси, гдѣ сердечнѣй чувство и нѣжнѣй славянская природа!»

Она внимательно слушала. Потомъ вдругъ спрашивала:

— А скажи, зачѣмъ ты прочелъ мнѣ это мѣсто изъ Гете? Вотъ, какъ онъ уѣзжалъ отъ Фредерики и вдругъ мысленно увидалъ какого-то всадника, ѣхавшаго куда-то въ сѣромъ камзолѣ, обшитомъ золотыми галунами. Какъ это тамъ сказано?

— «Этотъ всадникъ былъ я самъ. На мнѣ былъ сѣрый камзолъ, обшитый золотыми галунами, какого я никогда не носилъ».

— Ну, да, и это какъ-то чудесно и страшно. И потомъ ты сказалъ, что у всякаго въ молодости есть въ мечтахъ свой желанный камзолъ... Почему онъ ее бросилъ?

— Онъ говорилъ, что имъ всегда руководилъ его «демонъ».

— Да, и ты меня скоро разлюбишь. Ну, скажи правду — о чемъ ты больше всего мечтаешь?

— О чемъ я мечтаю? Быть какимъ-нибудь древнимъ крымскимъ ханомъ, жить съ тобой въ Бахчисарайскомъ дворцѣ... Бахчисарай весь въ каменистомъ, страшно жаркомъ ущельѣ, а во дворцѣ вѣчная тѣнь, прохлада, фонтаны, за окнами шелковичныя деревья...

— Нѣтъ, серьезно?

— Я серьезно. Я вѣдь всегда живу какимъ-то страшнымъ вздоромъ. Вотъ хоть эта степная чайка, это соединеніе въ ней степи и моря... Братъ Николай,

бывало, смѣясь, говорилъ мнѣ, что я отъ природы дурачекъ, и я очень страдалъ, пока однажды случайно не прочелъ, что самъ Декартъ говорилъ, что въ его душевной жизни ясныя и разумныя мысли занимали всегда самое ничтожное мѣсто.

— И что-жъ, во дворцѣ гаремъ? Я это тоже серьезно. Ты же самъ доказывалъ мнѣ, — помнишь, — что въ мужской любви много смѣшенія разныхъ любовныхъ чувствъ, что ты это испытывалъ къ Никулиной, потомъ къ Надѣ... Ты вѣдь иногда очень безжалостно откровененъ со мной! Ты что-то въ этомъ родѣ недавно говорилъ даже про нашу казачку.

— Я говорилъ только то, что когда я смотрю на нее, я ужасно хочу куда-то въ солончаковыя степи, жить въ кибиткѣ.

— Ну, вотъ, самъ же говоришь, что тебѣ хочется жить съ ней въ кибиткѣ.

— Я не сказалъ, что съ ней.

— А съ кѣмъ же? — Ой, опять воробей! Ужасно боюсь, когда они залетаютъ и бьются по зеркалу!

И, вскочивъ, она быстро и неловко хлопала въ ладоши. Я хваталъ и цѣловалъ ея голыя плечи, ноги... Разность горячихъ и прохладныхъ мѣстъ ея тѣла потрясала больше всего.

XXII

Къ вечеру зной спадалъ. Солнце стояло за домомъ, мы пили чай въ стеклянной галлерей, возлѣ открытыхъ во дворъ оконъ. Она теперь много читала и въ эти часы все о чемъ-нибудь спрашивала брата, а онъ съ удовольствіемъ наставлялъ ее. Вечеръ былъ безконечно тихъ, неподвиженъ, — однѣ ласточки мелькали во дворѣ и, извиваясь, тонули въ глубокомъ небѣ. Они говорили, а я слушала: «Ой, на горі та женці жнуть...» Пѣсня рассказывала, что на горѣ жнутъ хлѣборобы, текла ровно, долго, грустью разлуки, потомъ крѣпла и звучала твердо — волей, далью, отвагой, воинскимъ ладомъ:

А по-під горою,
По-під високою
Козаки йдуть!

Она протяжно и грустно любовалась, какъ течетъ по долині казацкое войско, какъ ведетъ его славный Дорошенко, ѣдетъ впереди всѣхъ. А за нимъ, говорила она, за нимъ Сагайдачный. —

Що проміняв жінку
На тютюн та люльку,
Необачний...

Она медлила, гордо дивилась столь странному человеку. Но вслѣдъ за тѣмъ была въ литавры съ особенно радостной волей:

Мені з жінкою
Не возиться!
А тютюн та люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться!

Я слушаль, грустно и сладко чему-то завидуя.

На закатѣ мы гуляли, шли иногда въ городъ, иногда въ скверъ на обрывѣ за соборомъ, иногда за городъ, въ поле. Въ городѣ было нѣсколько мощеныхъ улицъ со всякой еврейской торговлей, съ непонятнымъ количествомъ часовыхъ, аптекарскихъ и табачныхъ магазиновъ; эти улицы были каменны, бѣлы, дышали тепломъ послѣ дневного жара, на ихъ перекресткахъ стояли кіоски, гдѣ прохожіе пили разноцвѣтные сиропы съ шипучей водой, и все это говорило о югѣ и тянуло куда-то еще дальше на югъ, — помню, я часто думаль тогда почему-то о Керчи. Глядя отъ собора въ долину, я мысленно ѣхаль въ Кременчугъ, въ Николаевъ. Въ поле, за городъ мы шли западнымъ предмѣстьемъ, совсѣмъ деревенскимъ. Его хаты, вишневые сады и баштаны выходили въ равнину, на прямую, какъ стрѣла, миргородскую дорогу. Въ далекой дали доро-

ги, вдоль телеграфныхъ столбовъ, медленно тянулась хохлацкая телѣга, влекомая двумя качающимися въ ярмѣ, клонящими головы волами, она тянулась и исчезала, какъ въ морѣ, вмѣстѣ съ этими столбами, — послѣдніе столбы уже чуть маячили въ равнинѣ, были какъ палочки малы. Это была дорога на Яновщину, Яреськи, Шишаки...

Вечеръ мы нерѣдко проводили въ городскомъ саду. Тамъ играла музыка, освѣщенная терраса ресторана издали выдѣлялась среди темноты, какъ театральная сцена. Братъ шелъ прямо въ ресторанъ, мы иногда уходили въ ту сторону сада, гдѣ онъ кончался тоже обрывомъ. Ночь была густо темна, тепла. Въ темнотѣ внизу кое-гдѣ стояли огоньки и церковно, стройно подымались и замирали пѣсни — это пѣли парубки предмѣстій. Пѣсни сливались съ темнотой и тишиной. Гремя, бѣжалъ тамъ свѣтящимися звеньями поѣздъ, — тогда особенно чувствовалось, какъ глубока и черна долина, — и постепенно смолкалъ, погасалъ, точно уходилъ подъ землю. И опять были слышны пѣсни, и весь кругъ горизонта за долиной дрожалъ немолчной дрожью жабъ, ворожившей эту тишину и темноту, повергавшей ее въ оцѣпенѣніе, которому, казалось, не будетъ конца.

Когда мы всходили на людную террасу ресторана, она, послѣ темноты, пріятно стѣсняла, слѣпила. Братъ, уже хмельной и умиленный, тотчасъ махалъ намъ изъ-за стола, гдѣ съ нимъ сидѣли Вагинъ, Леонтовичъ, Сулима. Насъ шумно усаживали, требовали еще бѣлаго вина, бокаловъ и льду. Потомъ музыка уже не играла,

садъ за террасой былъ темень, пусть, откуда-то до-
ходило порой дуновеніе до свѣчей въ стеклянныхъ
колпачкахъ, осыпаемыхъ ночными насѣкомыми, но всѣ
говорили, что время еще дѣтское. Наконецъ соглаша-
лись: пора. И все-таки не сразу разставались — шли
домой ватагой, громко говоря, стуча по пѣшеходамъ.
Сады спали, таинственно чернѣли, тепло освѣщаясь низ-
кимъ свѣтомъ поздней луны. Когда мы, уже одни, вхо-
дили въ свой дворъ, луна глядѣла въ него, блестя въ
черныхъ стеклахъ галлерей; тихо трюкалъ сверчокъ;
каждый листикъ акаціи возлѣ флигеля, каждая вѣточ-
ка съ удивительной четкостью и изяществомъ рисова-
ли свою неподвижную тѣнь на бѣлой стѣнѣ.

Всего милѣй были минуты передъ сномъ. Скромно
горѣла свѣча на ночномъ столикѣ. Счастьемъ свѣже-
сти, молодости, здоровья входила прохлада въ откры-
тые окна. Сидя въ халатикѣ на краю постели, она тем-
ными глазами смотрѣла на свѣчу и заплетала мягко
блестѣвшую косу.

— Вотъ ты все удивляешься, какъ я измѣнилась,
— говорила она. — А если бы зналъ, какъ измѣнил-
ся ты. Только ты сталъ какъ-то все меньше замѣчать
меня! Особенно когда мы не одни. Я боюсь, что я для
тебя становлюсь какъ воздухъ: жить безъ него нель-
зя, а его не замѣчаешь. Развѣ не правда? Ты гово-
ришь, что это-то и есть самая большая любовь. А
мнѣ кажется, что это значитъ, что тебѣ теперь одной
меня мало.

— Мало, мало, — отвѣчалъ я смѣясь. — Мнѣ те-
перь всего мало.

— Я и говорю: тебя куда-то тянетъ. Георгій Александровичъ уже говорилъ мнѣ, что ты просишься въ командировки съ разъѣздными статистиками. Зачѣмъ? Трястись по жарѣ и въ пыли на бричкѣ, потомъ сидѣть въ жаркомъ волостномъ правленіи и безъ конца опрашивать хохловъ вотъ по тѣмъ самымъ бланкамъ, что я разсылаю...

Она поднимала глаза, закинувъ косу за плечо:

— Что тебя тянетъ?

— Только то, что я счастливъ, что мнѣ дѣйствительно теперь какъ будто всего мало.

Она брала мою руку:

— Правда счастливъ?

XXIII

Въ первый разъ я поѣхалъ именно туда, куда ей такъ хотѣлось поѣхать со мной, — по миргородской дорогѣ. Меня взялъ съ собой Вагинъ, посланный за чѣмъ-то въ Шишаки.

Помню, какъ мы съ ней боялись проспять назначенное время, — выѣхать нужно было до жары, пораньше, — какъ она ласково меня разбудила, сама вставши до солнца, уже приготовивъ мнѣ чай, подавляя въ себѣ грусть, что я ѣду одинъ. Было сѣро и прохладно, она все поглядывала въ окна: неужели дождь испортитъ мнѣ поѣздку? Я до сихъ поръ чувствую то нѣжное и тревожное волненіе, съ которымъ мы вскочили, заслышавъ у воротъ почтовый колокольчикъ, порывисто простились и выбѣжали за калитку, къ перекладной телѣжкѣ, на которой въ длинномъ парусиновомъ балахонѣ и въ лѣтнемъ сѣромъ картузѣ сидѣлъ Вагинъ.

Потомъ гложъ колокольчикъ въ огромномъ воздушномъ пространствѣ, разгулявшійся день былъ сухъ, жарокъ, ровно бѣжала телѣжка въ глубокой дорожной

пыли, и все вокругъ было такъ однообразно, что вскорѣ уже не стало силы глядѣть въ даль сонно-свѣтлаго горизонта и напряженно ждать отъ него чего-то. Въ полдень прошло мимо насъ въ этой горячей пустынѣ хлѣбовъ нѣчто совсѣмъ кочевое: безконечныя овчарни Кочубея. «Полдень, овчарни, записалъ я среди толчковъ телѣжки. Сѣрое отъ зноя небо, ястреба и сивоворонки... Я совершенно счастливъ!» Въ Яновщинѣ записалъ о корчмѣ: «Яновщина, старая корчма, ея черная внутренность и прохладная полутьма; еврей сказалъ, что пива у него нѣту, «есть только напитокъ». — «Какой напитокъ?» — «Но напитокъ! Напитокъ Фіалка». Еврей — тощій, въ лапсердакѣ, но напитокъ вынесъ изъ задней комнаты гимназистъ, необыкновенно полный подростокъ, высоко подпоясанный новенькимъ ремнемъ по свѣтло-сѣрой курткѣ, очень красивый какъ-то по-персидски: его сынъ. Послѣ Шишакъ я тотчасъ вспомнилъ гоголевскую записную книжку: «И вдругъ ярь среди ровной дороги — обрывъ въ глубину и внизъ; и въ глубинѣ лѣса, и за лѣсами — лѣса, за близкими, зелеными — отдаленные, синіе, за ними полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта... Надъ стремниной и кручей махала крыльями скрипучая вѣтряная мельница...» Подъ этимъ обрывомъ, въ глубинѣ долины, лукой выгибался Псѣль и зеленѣло садами большое село. Мы долго искали въ немъ какого-то Василенко, къ которому и было у Вагина дѣло, а найдя, не застали дома и долго сидѣли подъ липой возлѣ его хаты, окруженные сыростью луговой верболозы и кваканьемъ лягушекъ. Тутъ-же мы просидѣли съ Ва-

силенко и весь вечеръ, ужинали, пили наливку, и лампа освѣщала снизу зелень листьевъ, межъ тѣмъ какъ кругомъ замыкалась непроницаемая тьма лѣтней ночи. Потомъ въ этой тѣмѣ вдругъ стукнула калитка и возлѣ стола нарядно появилась до свинцовой блѣдности набѣленная дѣвица, пріятельница Василенко, мѣстная земская фельдшерица: точасъ, конечно, узнала, что у него какіе-то губернскіе гости. Первую минуту она отъ смущенія не знала, что съ собой дѣлать, говорила, что попало, потомъ стала пить съ нами рюмка въ рюмку и все больше вскрикивать на всякія мои остро-ты. Она была ужасно нервна, широкоскула, остро черноглаза, у нея были жилистыя руки, крѣпко пахнуція шипромъ, и костлявыя ключицы, подъ легонькой голубой кофточкой лежали тяжелыя груди, станъ былъ тонокъ, а бедра широки. Ночью я пошелъ ее провожать. Мы шли въ черной темнотѣ, по засохшимъ колеямъ какого-то переулка. Гдѣ-то возлѣ плетня она остановилась, уронила мнѣ на грудь голову. Я съ трудомъ не далъ себѣ воли.

Домой мы съ Вагинымъ пріѣхали на другой день поздно. Она уже лежала въ постели, читала; увидавъ меня, вскочила въ радости и удивленьи — «какъ, уже пріѣхалъ?» Когда я, поспѣшно рассказывая всю свою поѣздку, сталъ со смѣхомъ рассказывать про фельдшерицу, она перебила:

— Зачѣмъ ты рассказываешь мнѣ это?

И глаза у нея наполнились слезами:

— Какъ ты жестокъ со мною! — сказала она, то-

ропливо ища подъ подушкой платочекъ. — Мало того что ты бросаешь меня одну...

Сколько разъ въ жизни вспоминалъ я эти слезы! Вотъ вспоминаю, какъ вспомнилъ однажды лѣтъ черезъ двадцать послѣ той ночи. Это было на приморской бес-сарабской дачѣ. Я пришелъ съ купанья и легъ въ кабинетъ. Былъ жаркій и вѣтренный полдень: сильный, шелковисто-горячій, то затихающій, то буйно-растущій шумъ сада вокругъ дома, тѣнь и блескъ въ деревьяхъ, мотанье туда и сюда мягко гнущихся вѣтвей... Когда вѣтеръ, густо шумя, росъ, приближался, онъ вдругъ раскрывалъ всю эту древесную зелень, окружающую окна тѣнистаго кабинета, показывалъ въ ней знойно-эмалевое небо, и тотчасъ раскрывалась и тѣнь на бѣломъ потолкѣ — потолокъ, свѣтлѣя, становился фіолетовымъ. Потомъ опять затихало, вѣтеръ, убѣгая, терялся гдѣ-то въ дали сада, надъ обрывомъ къ прибрежью. Я глядѣлъ на все это, слушалъ и вдругъ подумалъ: гдѣ-то, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ томъ давно забытомъ малорусскомъ захолустьи, гдѣ мы съ ней только что начинали нашу общую жизнь, тоже былъ подобный полдень; я проснулся поздно, — она уже ушла на службу, — окна въ садъ тоже были открыты и за ними вотъ такъ-же шумѣло, качалось, пестро блестѣло, а по комнатѣ вольно ходилъ тотъ счастливейшій вѣтеръ, что сулитъ близкій завтракъ, доносить запахъ жаренаго лука; я, открывши глаза, вздохнулъ этимъ вѣтромъ и, облокотившись на свою подушку, сталъ глядѣть на другую, лежавшую рядомъ, въ которой еще оставался чуть слышный фіалковый за-

пахъ ея темныхъ прекрасныхъ волосъ и платочка, который она, помирившись со мной, еще долго держала въ рукѣ; и, вспомнивъ все это, вспомнивъ, что съ тѣхъ поръ я прожилъ безъ нея полжизни, видѣлъ весь міръ и вотъ все еще живу и вижу, межъ тѣмъ какъ ея въ этомъ мірѣ нѣтъ уже цѣлую вѣчность, я, съ похолодѣвшей головою, сбросилъ ноги съ дивана, вышелъ и точно по воздуху пошелъ по аллеѣ уксусныхъ деревьевъ къ обрыву, глядя въ ея пролетъ на купоросно-зеленый кусокъ моря, вдругъ представшій мнѣ страшнымъ и дивнымъ, первозданно новымъ...

Въ ту ночь я поклялся ей, что больше никуда не поѣду. Черезъ нѣсколько дней опять уѣхалъ.

XXIV

Когда мы были въ Батуринѣ, братъ Николай говорилъ:

— Жаль мнѣ тебя отъ души! Рано ты поставилъ крестъ на себѣ!

Но никакого креста я на себѣ не чувствовалъ.

Службу свою я опять считалъ случайностью, смотрѣть на себя какъ на женатаго не могъ. Одна мысль о жизни безъ нея привела бы меня теперь въ ужасъ, но и возможность нашей вѣчной неразлучности вызывала недоумѣніе: неужели и впрямь мы сошлись навсегда и такъ вотъ и будемъ жить до самой старости, будемъ, какъ всѣ, имѣть домъ, дѣтей? Послѣднее — дѣти, домъ — представлялось мнѣ особенно нестерпимымъ.

— Вотъ мы съ тобой повѣнчаемся, — говорила она, мечтая о будущемъ. — Все-таки я этого очень хочу и, потомъ, что можетъ быть прекраснѣе вѣнчанія! У насъ, можетъ быть, будетъ ребенокъ... Развѣ ты не хотѣлъ бы?

Что-то сладко и таинственно сжимало мнѣ сердце. Но я отшучивался:

— «Безсмертные творятъ, смертные производятъ себѣ подобныхъ».

— А я? — спрашивала она. — Чѣмъ же я буду жить, когда пройдетъ наша любовь, молодость, и я стану больше не нужна тебѣ?

Это было очень грустно слушать, и я горячо говорилъ:

— Никогда ничего не пройдетъ, никогда ты не перестанешь быть мнѣ нужна!

Теперь уже я (какъ прежде, въ Орлѣ, она) хотѣлъ быть любимымъ и любить, оставаясь свободнымъ и во всемъ первенствующимъ.

Да, больше всего трогала она меня въ тотъ часъ, когда, заплетя на ночь косу, подходила ко мнѣ поцѣловать меня на прощанье, и я видѣлъ, насколько она, безъ каблуковъ, меньше меня, какъ она смотритъ мнѣ въ глаза снизу вверхъ.

Сильнѣе всего я чувствовалъ къ ней любовь въ минуты выраженія наибольшей преданности мнѣ, отказа отъ себя, вѣры въ мои права на какую-то особенность чувствъ и поступковъ.

Мы часто вспоминали нашу зиму въ Орлѣ, то, какъ мы расстались тамъ, какъ я уѣхалъ въ Витебскъ, и я говорилъ:

— Да, вотъ, Полоцкъ, что меня тянуло туда? Съ этимъ словомъ — Полоцкъ или, по-древнему, Полотъскъ — у меня давно соединилось преданіе о древнемъ кievскомъ князѣ Всеславѣ, которое я гдѣ-то про-

чель еще въ отрочествѣ: онъ былъ свергнутъ братомъ съ престола, бѣжалъ «въ темный край полочанъ» и доживалъ свой вѣкъ «въ скудной бѣдности», въ схимѣ, въ молитвахъ, въ трудахъ и въ «прельщеніяхъ памяти»: будто бы неизмѣнно просыпался въ предутренній часъ съ «горькими и сладкими слезьми», съ обманчивой мечтой, что онъ опять въ Кіевѣ, «на своемъ благовѣрномъ княженіи» и что это не въ Полоцкѣ, а у Кіевской Софіи звонятъ къ полунощницѣ. Съ тѣхъ поръ Полоцкъ тѣхъ временъ всегда представлялся мнѣ совершенно чудеснымъ въ своей древности и грубости: какой-то темный, дикій зимній день, какой-то бревенчатый Кремль съ деревянными церквами и черными избами, снѣжные сугробы, истоптанные конными и пѣшими въ овчинахъ и лаптяхъ... Когда я наконецъ попалъ въ дѣйствительный Полоцкъ, я, разумѣется, не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго подобія выдуманному. И все-таки во мнѣ и до сихъ поръ два Полоцка — тотъ, выдуманный, и дѣйствительный. И этотъ дѣйствительный я тоже вижу теперь уже поэтически: въ городѣ скучно, мокро, холодно, сумрачно, а на вокзалѣ теплый большой залъ съ огромными полукруглыми окнами, уже горятъ люстры, хотя на дворѣ еще только смеркается, въ залѣ все полно, множество народу, и штатскаго, и военнаго, поспѣшно наѣдающагося передъ приходомъ поѣзда на Петербургъ, всюду говоръ, стукъ ножей по тарелкамъ, запахъ соусовъ, щей, которымъ дуютъ туда и сюда летающіе лакеи...

Она, какъ всегда въ такія минуты, слушала меня съ особеннымъ, напряженнымъ вниманіемъ и, выслу-

шавъ, убѣжденно соглашалась: «Да, да, я понимаю тебя!» И я пользовался этимъ — внушалъ ей:

— Гете говорилъ: «Мы сами зависимъ отъ созданныхъ нами креатуръ». Есть чувства, которымъ я совершенно не могу противиться: иногда какое-нибудь мое представленіе о чемъ-нибудь вызываетъ во мнѣ такое мучительное стремленіе туда, гдѣ мнѣ что-нибудь представилось, то есть, къ чему-то тому, что за этимъ представленіемъ, — понимаешь: за! — что не могу тебѣ выразить!

Однажды мы съ Вагинымъ ѣздили въ Казачьи Броды, старинное село въ Поднѣпровьи, были на проводахъ переселенцевъ, отправлявшихся въ Уссурійскую область. Возвратились утромъ, по желѣзной дорогѣ. Когда я пріѣхалъ съ вокзала, она съ братомъ была уже въ управѣ. Мужественно загорѣлый и бодрый, очень довольный собой, возбужденный желаніемъ поскорѣе рассказать ей и брату, какую рѣдкую картину мнѣ удалось видѣть, — цѣлая орда тронулась на моихъ глазахъ въ эту сказочную область, десятью тысячами верстъ отдѣленную отъ Казачьихъ Бродовъ, — я быстро прошелъ по всему пустому и прибранному дому, вошелъ въ спальню, чтобы переодѣться и умыться, съ какой-то радостной болью взглянулъ на всякія вещицы ея туалета, на думку въ прошивкахъ на постельной подушкѣ, — все это показалось мнѣ безконечно дорого и одиноко, остро отозвалось въ сердцѣ счастьемъ вины передъ нею, — но увидалъ на ночномъ столикѣ раскрытую книгу и на минуту пріостановился: это было «Семейное счастье» Толстого, и на

раскрытой страницѣ были отмѣчены строки: «Всѣ мои тогдашнія мысли, всѣ тогдашнія чувства были не мои, а его мысли и чувства, которыя вдругъ сдѣлались моими...» Я перевернулъ нѣсколько страницъ дальше и увидалъ еще отмѣтки: «Часто въ это лѣто я приходила въ свою спальню и, вмѣсто прежней тоски желаній и надеждъ въ будущемъ, меня схватывала тревога счастья въ настоящемъ... Такъ прошло лѣто, и я стала чувствовать себя одинокой. Онъ всегда былъ въ разъѣздахъ и не жалѣлъ и не боялся оставлять меня одну...»

Я нѣсколько минутъ стоялъ безъ движенія. Мнѣ, оказывается, совсѣмъ не приходило въ голову, что у нея могли быть (и есть) тайныя, неизвѣстныя мнѣ и, главное, печальныя чувства и мысли и уже въ формѣ прошедшаго времени! «Всѣ мои тогдашнія мысли, тогдашнія чувства... Часто въ это лѣто я приходила...» Неожиданнѣй всего было это послѣднее: «Такъ прошло лѣто, и я стала чувствовать себя одинокой...» Значить, ея слезы въ ту ночь, когда я пріѣхалъ изъ Шишакъ, были не случайными?

Въ управу я вошелъ особенно бодро, поцѣловался съ ней и братомъ весело, говорилъ и шутилъ, не умолкая. Съ тайнымъ мученіемъ дождавшись наконецъ, когда мы остались одни, я тотчасъ же рѣзко сказалъ:

— Ты, оказывается, читала безъ меня «Семейное счастье»?

Она покраснѣла:

— Да, а что?

— Пораженъ твоими отмѣтками въ немъ!

— Почему?

— Потому что изъ нихъ совершенно ясно, что тебѣ уже горько жить со мной, что ты уже одинока, разочарована.

— Какъ ты все всегда преувеличиваешь! — сказала она. — Какое разочарованіе? Просто мнѣ было немного грустно, и я, правда, нашла нѣкоторое сходство... Увѣряю тебя, что нѣтъ ничего подобнаго тому, что тебѣ вообразилось.

Кого она увѣряла? Меня или себя? Я, однако, очень радъ былъ слышать все это — мнѣ очень хотѣлось, очень выгодно было вѣрить ей. «Степная чайка съ хохломъ поднимается съ дороги... Бѣжить, обтянутая синей запаской у пояса и трясутся подъ полотномъ трепещущія груди, а лишенные обуви ноги, обнаженные до колѣнъ, кровью и здоровьемъ играютъ...» Какихъ только «за» не было тутъ! И могъ ли я отказаться отъ нихъ! Я думалъ, кромѣ того, что они вполнѣ соединимы съ ней. Я подъ всякими предлогами внушалъ ей одно: живи только для меня и мной, не лишай меня моей свободы, своеволия, — я тебя люблю и за это буду еще больше любить. Мнѣ казалось, что я такъ люблю ее, что мнѣ все можно, все простительно.

XXV

— Ты очень измѣнился, — говорила она. — Ты сталъ мужественнѣй, добрѣй, милѣй. Ты сталъ жизнерадостный.

— Да, вотъ братъ Николай да и твой отецъ все пророчили, что мы будемъ очень несчастны.

— Это потому, что Николай такъ не влюбилъ меня. Что я испытывала въ Батуринѣ отъ его холодной любви, ты и представить себѣ не можешь.

— Напротивъ, онъ говорилъ о тебѣ съ большой нѣжностью. Мнѣ и ее ужасно жаль, говорилъ онъ, тоже совсѣмъ еще дѣвочка, и подумай, что ждетъ васъ впереди: чѣмъ твое существованіе будетъ отличаться черезъ нѣсколько лѣтъ отъ существованія какого-нибудь уѣзднаго акцизнаго чиновника? Помнишь, какъ я, бывало, шутя рисовалъ свою будущность? Квартирка въ три комнаты, пятьдесятъ рублей жалованья...

— Онъ жалѣлъ только тебя.

— Плохо жалѣлъ — говорилъ, что у него вся надежда только на то, что насъ съ тобой спасетъ мое «безпутство», что я и на такую карьеру окажусь не

способенъ, и что мы съ тобой скоро разстанемся: или ты ее безжалостно бросишь, говорилъ онъ, или она тебя, посидѣвши нѣкоторое время въ этой милой статистикѣ и понявши, какую ты приготовилъ ей участь.

— На меня онъ напрасно надѣялся — я тебя не брошу никогда. Я тебя брошу только въ томъ случаѣ, если увижу, что я тебѣ больше не нужна, что я мѣшаю тебѣ, твоей свободѣ, твоему призванію...

Когда съ человѣкомъ случится несчастье, онъ непрестанно возвращается къ одной и той же мучительной и бесполезной мысли: какъ и когда это началось? изъ чего все это слагалось и какъ я могъ не придавать тогда значенія тому, что должно было предостеречь меня? «Я тебя брошу только въ томъ случаѣ...» Какъ же я не обращалъ вниманія на такія слова, — на то, что все-таки нѣкоторый «случай» она не исключала?

Я слишкомъ цѣнилъ свое «призваніе», пользовался своей свободой все безпутнѣе — братъ Николай былъ правъ. И все больше не сидѣлось мнѣ дома: какъ свободный день, я тотчасъ уѣзжалъ, уходилъ куда-нибудь.

— Гдѣ это тебя такъ обожгло солнцемъ? — спрашиваетъ за обѣдомъ братъ. — Гдѣ ты опять пропадалъ?

— Былъ въ монастырѣ, на рѣкѣ, на станціи...

— И всегда одинъ — съ укоризной говоритъ она. — Сколько разъ обѣщаль вмѣстѣ пойти въ монастырь, я тамъ за все время только одинъ разъ была, а тамъ такъ прекрасно, такія толстыя стѣны, ласточки, монахи...

Мнѣ было стыдно и больно поднять на нее глаза. Но, боясь за свою свободу, я только пожималъ плечомъ:

— На что тебѣ эти монахи?

— А тебѣ на что?

Я старался переменить разговоръ:

— Я тамъ видѣлъ нынче на кладбищѣ нѣчто очень странное: пустую, но ужъ совсѣмъ готовую могилу — загодя приказалъ вырыть себѣ одинъ изъ братіи и даже съ крестомъ въ возглавіи: на крестѣ уже написано, кто здѣсь погребенъ, когда онъ родился, написано даже «скончался» — только оставлено пустое мѣсто для даты будущей кончины. Вездѣ чистота, порядокъ, дорожки, цвѣты — и вдругъ эта ждущая могила.

— Ну, вотъ, видишь.

— Что-жъ тутъ видѣть?

— Ты нарочно не хочешь меня понимать. Но Богъ съ тобой. Вѣрно сказано у Тургенева....

Я перебивалъ:

— Ты, кажется, читаешь теперь только затѣмъ, чтобы находить что-нибудь насчетъ себя и меня. Впрочемъ, всѣ женщины такъ читаютъ.

— Ну, что-жъ, пусть я женщина, зато я не такъ эгоистична...

Братъ ласково вмѣшивался:

— Да будетъ вамъ, господа!

И дѣлалъ мнѣ знаки глазами, незамѣтно качалъ на меня головой.

XXVI

Къ концѣ лѣта положеніе мое въ управѣ еще болѣе устроилось: прежде я только «состоялъ» при ней, теперь былъ зачисленъ въ штатъ и получилъ новую должность, какъ нельзя болѣе мнѣ подходящую: сталъ «хранителемъ» управской библіотеки — накопившихся въ подвалахъ управы разныхъ земскихъ изданій. Должность эта, выдуманная для меня Сулимой, предписывала мнѣ: разборъ и приведеніе въ порядокъ этихъ изданій, водвореніе ихъ въ помѣщеніе, на сей предметъ особливо предоставленное, — въ длинную сводчатую комнату въ полуподвальномъ этажѣ, — и оборудованное потребнымъ количествомъ полокъ и шкафовъ, а затѣмъ надзоръ за ними и выдачу по управѣ во временное пользованіе тѣхъ изъ нихъ, кои окажутся нужными для того или иного отдѣленія въ тотъ или иной моментъ. Я разобралъ, водворилъ — и приступилъ къ надзору и ожиданію выдачъ. Но такъ какъ выдавать ничего не приходилось, — кое-что требовалось для отдѣленій только осенью, передъ земскимъ собраніемъ, — то остался мнѣ одинъ надзоръ, просто сидѣніе въ этой

полуподвальной комнатѣ, полюбившейся мнѣ необыкновенно крѣпостной толщью своихъ стѣнъ и свода, своей глубокой тишиною, — ни единый звукъ не достигалъ въ нее ни откуда, — и своимъ небольшимъ, высоко отъ пола отстоящимъ окномъ, въ которое сверху свѣтило солнце и видны были основанія всякихъ дикихъ кустовъ и травъ, росшихъ на пустырь за управой. Жизнь моя стала съ тѣхъ поръ еще свободнѣй: я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ этомъ склепѣ въ полномъ одиночествѣ, писалъ, читалъ, а когда хотѣлъ, могъ хоть недѣлю не заглядывать сюда, запираетъ низкую дубовую дверь на замокъ и уходитъ, уѣзжать, куда вздумается.

Я зачѣмъ-то съѣздилъ въ Николаевъ, часто ходилъ на одинъ пригородный хуторъ, гдѣ поселились ради праведной жизни два брата толстовца, одно время каждый воскресный вечеръ проводилъ въ большомъ хохлацкомъ селѣ за первой отъ города станціей, возвращаясь домой съ позднимъ ночнымъ поѣздомъ... Зачѣмъ ѣздилъ, ходилъ? Она чувствовала то тайное, что, помимо всего прочаго, было цѣлью моего бродяжничества. Мой рассказъ о фельдшерицѣ въ Шишакахъ поразилъ ее гораздо больше, чѣмъ я думалъ. Съ тѣхъ поръ въ ней стала развиваться ревность, которую она старалась и не всегда могла скрывать. Такъ, недѣли черезъ двѣ послѣ этого рассказа о Шишакахъ, она, въ полную противоположность своему добродушному, еще дѣвичьему характеру, вдругъ поступила какъ самая обыкновенная «хозяйка дома» — нашла

какой-то предлогъ и имѣла рѣзкую твердость расчитать казачку, служившую намъ:

— Я хорошо знаю, — неприятно сказала она мнѣ, что тебя это огорчило: еще бы, такъ отлично «постукиваетъ» башмаками по комнатамъ эта, какъ ты говоришь, «кобылка», такія у нея точенія щиколки, такіе раскосые сверкающіе глаза! Но ты забываешь, какъ эта кобылка дерзка, своенравна и что моему терпѣнію все-таки есть мѣра...

Я отвѣтилъ отъ всей души, съ полной искренностью:

— Какъ ты можешь меня ревновать? Я вотъ смотрю на твою несравненную руку и думаю: за одну эту руку я не возьму всѣхъ красавицъ на свѣтѣ! Но я поэтъ, художникъ, а всякое искусство, по словамъ Гете, чувственно.

XXVII

Однажды въ августѣ я пошелъ на хуторъ къ толстовцамъ передъ вечеромъ. Въ городѣ было безлюдно въ этотъ еще знойный часъ, къ тому же была суббота. Я шелъ мимо еврейскихъ закрытыхъ магазиновъ и старыхъ торговыхъ рядовъ. Медленно звонили къ вечернѣ, въ улицахъ уже лежали длинныя тѣни отъ садовъ и домовъ, но все еще стоялъ тотъ особый предвечерній зной, что бываетъ въ южныхъ городахъ въ концѣ лѣта, когда все сожжено даже въ садахъ и палисадникахъ, которые изо дня въ день пеклись на солнцѣ, когда все и всюду — и въ городѣ, и въ степи, и на баштанахъ — сладко утомлено долгимъ лѣтомъ.

На площади, у городского колодца, богиней стояла рослая хохлушка въ подкованныхъ башмакахъ на босу ногу; у нея были каріе глаза и та ясность широкаго чела, которая присуща хохлушкамъ и полькамъ. Въ улицу, которая шла съ площади подъ гору, въ долину, глядѣла предвечерняя даль южнаго горизонта, чуть видныхъ степныхъ холмовъ. Спустясь по этой улицѣ, я свернулъ въ тѣсный переулокъ между мѣ-

щанскими помѣстьями городской окраины и вышелъ на леваду, чтобы подняться на гору за ней, въ степь. На левадѣ, на гумнахъ среди голубыхъ и бѣлыхъ мазанокъ, мелькали въ воздухѣ цѣпы: это молотили тѣ самые парубки, которые такъ дико и чудесно гукали или пѣли на церковный ладъ въ лѣтнія ночи. На горѣ вся степь, насколько хваталъ глазъ, была золотая отъ густого жнивья. На широкомъ шляхѣ лежала такая глубокая и мягкая пыль, что казалось, будто идешь въ бархатныхъ сапогахъ. И все вокругъ — вся степь и весь воздухъ — нестерпимо блестѣло отъ низкаго солнца. Влѣво отъ шляха, на обрывѣ надъ долиной, стояла хата съ облупившимся мѣломъ стѣнъ — это и былъ хуторъ толстовцевъ. Я со шляха пошелъ къ нему цѣликомъ, по жнивью. Но на хуторѣ все оказалось пусто — и въ хатѣ, и вокругъ хаты. Я заглянулъ въ ея открытое окошечко — тамъ густо зашумѣла по стѣнамъ, по потолку и въ горшкахъ на полкахъ чернота не смѣтныхъ мухъ. Я заглянулъ въ открытыя ворота скотника — одно вечернее солнце краснѣетъ на сухомъ навозѣ. Я пошелъ на баштанъ и увидѣлъ жену младшаго толстовца — она сидѣла на крайней межѣ баштана. Я подходилъ — она не замѣчала или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ меня: неподвижно сидитъ бокомъ, маленькая, одинокая, откинула въ сторону босыя ноги, одной рукой упирается въ землю, другой держитъ во рту соломинку.

— Добрый вечеръ, — сказалъ я, подойдя. — Что это вы такъ грустны?

— Бувайте и сидайте, — отвѣтила она съ усмѣш-

кой и, бросивъ соломинку, протянула мнѣ загорѣлую руку.

Я сѣлъ и посмотрѣлъ: совсѣмъ дѣвчонка, стерегущая баштаны! Выгорѣвшіе отъ солнца волосы, деревенская рубашка съ большимъ вырѣзомъ на шеѣ, старенькая черная плахта, обтягивающая по-женски развитыя бедра. Маленькія босыя ноги ея были пыльны и тоже темны и сухи отъ загара, — какъ это, подумалъ я, ходитъ она босикомъ по навозу и всякимъ колкимъ травамъ! Отъ того, что она была изъ нашего круга, гдѣ не показываютъ босыхъ ногъ, мнѣ всегда было и неловко и очень тянуло смотрѣть на ея ноги. Почувствовавъ мой взглядъ, она поджала ихъ.

— А гдѣ же ваши?

Она опять усмѣхнулась:

— Наши ушли кто куда. Одинъ святой братецъ ушелъ на леваду, молотить, помогаетъ какой-то бѣдной вдовѣ, другой понесъ въ городъ письма къ великому учителю: очередной отчетъ за недѣлю во всѣхъ нашихъ прегрѣшеніяхъ, искушеніяхъ и плотскихъ одолѣніяхъ. Кромѣ того — очередное «испытаніе», о которомъ тоже надо сообщить: въ Харьковѣ арестовали «брата» Павловскаго за распространеніе листовокъ — противъ военной службы, конечно.

— Вы что-то очень не въ духѣ.

— Надоѣло, — сказала она, тряхнувъ головой, откидывая ее назадъ. — Не могу больше, — прибавила она тихо.

— Что не могу?

— Ничего не могу. Дайте мнѣ папиросу.

— Папиросу?

— Да, да, папиросу!

Я даль, зажегъ спичку, она быстро и неумѣло закурила и, отрывисто затягиваясь и по-женски выдувая изъ губъ дымъ, замолчала, глядя въ даль за долину. Низкое солнце еще грѣло намъ плечи и тяжелые длинные арбузы, которые лежали возлѣ насъ, вдавившись боками въ сухую землю среди сожженныхъ плетей, перепутанныхъ, какъ змѣи... Вдругъ она швырнула папиросу и, упавъ головой на мои колѣни, жадно зарыдала. И по тому, какъ я утѣшалъ ее, цѣловалъ въ пахнущіе солнцемъ волосы, какъ сжималъ ея плечи и глядѣлъ на ея ноги, очень хорошо понялъ, зачѣмъ я хожу къ толстовцамъ.

А Николаевъ? Зачѣмъ нуженъ былъ Николаевъ? Ъдучи, я кое-что записывалъ:

— Только что выѣхали изъ Кременчуга, вечеръ. На вокзалѣ въ Кременчугѣ, на платформѣ, въ буфетѣ, множество народу, южная духота, южная толкотня. Въ вагонахъ тоже. Больше всего хохлушекъ, все молодыхъ, загорѣлыхъ, бойкихъ, возбужденныхъ дорогой и жарой, — ѣдутъ куда-то «на низы», на работы. Такъ волнуютъ горячимъ запахомъ тѣла и деревенской одежды, такъ стрекочутъ, пьютъ, ѣдятъ и играютъ скороговоркой и орѣховыми глазами, что даже тяжело...

— Длинный, длинный мостъ черезъ Днѣпръ, красное слѣпящее солнце въ окна справа, внизу и вдали полнота мутно-желтой воды. На бѣло-песчаной отмели множество совершенно свободно раздѣвающихся до гола и купающихся женщинъ. Вонъ одна скинула ру-

башку, побѣжала и неловко упала грудью въ воду, буйно забила въ ней ногами...

— Уже далеко за Днѣпромъ. Вечерняя тѣнь въ пустынныхъ горахъ, покрытыхъ скошеной травой и жнивьемъ. Почему-то думалъ о Святополкѣ Окаянномъ: вотъ въ такой же вечеръ онъ ѣдетъ верхомъ по этой долинкѣ впереди небольшой дружины — куда, что думаетъ? И это было тысячу лѣтъ тому назадъ, и все такъ же прекрасно на землѣ и теперь. Нѣтъ, это не Святополкъ, это какой-то дикій мужикъ, шагомъ ѣдетъ на потной лошади въ тѣни межъ горами, и сзади него сидитъ женщина со связанными за спиной руками, въ растрепанныхъ волосахъ, съ заголенными молодыми колѣнками, стиснувъ зубы, смотритъ ему въ затылокъ, онъ зорко глядитъ впередъ...

— Лунная мокрая ночь. За окнами ровная степь, черная грязь дорогъ. Весь вагонъ спитъ, сумракъ, огарокъ толстой свѣчи въ пыльномъ фонарѣ. Въ опущенное окно дуетъ полевой сыростью, которая странно мѣшается съ густымъ, вонючимъ воздухомъ вагона. Нѣкоторыя хохлушки спятъ навзничъ, раскинувшись. Раскрытыя губы, груди подъ сорочками, тяжелыя бедра въ плахтахъ и юбкахъ... Одна сейчасъ проснулась и долго смотрѣла прямо на меня. Всѣ спятъ — такъ и кажется, что вотъ-вотъ позоветъ таинственнымъ шопотомъ...

Село, гдѣ я бывалъ по воскресеньямъ, лежало недалеко отъ станціи, въ просторной и ровной долинкѣ. Я безцѣльно доѣхалъ однажды до этой станціи, слѣзъ и пошелъ. Были сумерки, впереди бѣлѣли хаты въ са-

дахъ, ближе, на выгонѣ, темнѣль дряхлый вѣтрякъ. Подъ нимъ стояла толпа и за толпой подмывающе взвизгивала скрипка и топали танцующія ноги... Я простоялъ потомъ нѣсколько воскресныхъ вечеровъ въ этой толпѣ, до полуночи слушалъ то скрипку и топотъ, то протяжныя хоровыя пѣсни; становился, подойдя, возлѣ высокогрудой рыжей дѣвки съ крупными губами и странно яркимъ взглядомъ желтыхъ глазъ, и мы тотчасъ, пользуясь тѣснотой, тайкомъ брали другъ друга за руку. Мы стояли спокойно, старались не смотрѣть другъ на друга — понимали, что плохо мнѣ будетъ, если парубки замѣтятъ, ради чего сталъ появляться подъ вѣтрякомъ какой-то городской панычъ. Въ первый разъ мы оказались рядомъ случайно, потомъ, какъ только я подходилъ, она тотчасъ на мгновение обертывалась и, почувствовавъ меня возлѣ себя, брала мои пальцы уже на весь вечеръ. И чѣмъ больше темнѣло, тѣмъ все крѣпче стискивала она ихъ и все ближе прижимала ко мнѣ плечо. Ночью, когда толпа начинала рѣдѣть, она незамѣтно отходила за вѣтрякъ, быстро пряталась за него, а я тихо шелъ по дорогѣ на станцію, ждалъ, пока подъ вѣтрякомъ не останется никого, и, согнувшись, бѣжалъ назадъ. Мы безъ словъ сговорились дѣлать такъ, молча стояли и подъ вѣтрякомъ, — и молча, блаженно истязались. Разъ она пошла провожать меня. До поѣзда оставалось еще полчаса, на станціи была темнота и тишина — только успокоительно трюкають кругомъ сверчки и вдали, гдѣ село, багрово краснѣетъ надъ черными садами поднимающаяся луна. На запасныхъ путяхъ стоялъ товар-

ный вагонъ съ раздвинутыми дверцами. Я невольно, самъ ужасаясь тому, что дѣлаю, потянулъ ее къ вагону, влѣзъ въ него, она вскочила за мной и крѣпко обняла меня за шею. Но я чиркнулъ спичкой, чтобы осмотрѣться, — и въ ужасѣ отшатнулся: спичка освѣтила посреди вагона длинный дешевый гробъ. Она козой шаркнула вонъ, я за ней... Подъ вагономъ она безъ конца падала, давилась смѣхомъ, цѣловала меня съ дикимъ весельемъ, я же не чаялъ, какъ уѣхать, и послѣ того въ село уже не показывался.

XXVIII

Осенью мы пережили ту праздничную пору, что бывала въ городѣ въ концѣ cadaго года, — съѣздъ со всей губерніи земскихъ гласныхъ на губернское собраніе. Празднично прошла для насъ и зима: были гастроли малорусскаго театра съ Заньковецкой и Саксаганскимъ, концерты столичныхъ знаменитостей — Чернова, Яковлева, Мравиной, — было не мало баловъ, маскарадовъ, званыхъ вечеровъ. Послѣ земскаго собранія я ѣздилъ въ Москву, къ Толстому, и, возвратившись, съ особеннымъ удовольствіемъ предался мірскимъ соблазнамъ. И они, эти соблазны, очень измѣнили нашу жизнь внѣшне — кажется, ни одного вечера не проводили мы дома. Незамѣтно измѣняли, ухудшали и наши отношенія.

— Ты опять дѣлаешься какой-то другой, — сказала она однажды. — Совсѣмъ мужчина. Сталъ зачѣмъ-то эту французскую бородку носить.

— Тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, почему-же? Только какъ все проходитъ!

— Да. Вотъ и ты становишься похожа уже на молодую женщину. Похудѣла и стала еще красивѣе.

— И ты опять сталъ меня ревновать. И вотъ я уже боюсь тебѣ признаться.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что мнѣ хочется быть на слѣдующемъ маскарадѣ въ костюмѣ. Что-нибудь недорогое и совсѣмъ простое. Черная маска и что-нибудь черное, легкое, длинное...

— Что же это будетъ обозначать?

— Ночь.

— Значить, опять начинается нѣчто орловское? Ночь! Это довольно пошло.

— Ничего не вижу тутъ орловскаго и пошлаго, — отвѣтила она сухо и независимо, и я со страхомъ почувствовалъ въ этой сухости и независимости дѣйствительно нѣчто прежнее. — Просто ты опять сталъ ревновать меня.

— Почему-же сталъ опять ревновать?

— Не знаю.

— Нѣтъ, знаешь. Потому что ты опять стала отдаляться отъ меня, опять желаешь нравиться, принимать мужскіе восторги.

Она непріязненно улыбнулась:

— Не тебѣ-бы говорить объ этомъ. Ты вотъ всю зиму не расстаешься съ Черкасовой.

Я покраснѣлъ.

— Ужъ и не расстаешься! Точно я виноватъ, что она бываетъ тамъ-же, гдѣ и мы съ тобой. Мнѣ больнѣй всего то, что ты стала какъ-то менѣе свободна со мной,

точно у тебя образовалась какая-то тайна отъ меня. Скажи прямо: какая? Что ты таишь въ себѣ?

— Что таю? — отвѣчала она. — Грусть, что ужъ нѣтъ нашей прежней любви. Но что-жъ объ этомъ говорить...

И, помолчавъ, прибавила:

— А что до маскарада, то я готова и совсѣмъ отказаться быть на немъ, разъ это тебѣ непріятно. Только ужъ очень ты строгъ ко мнѣ, каждую мою мечту называешь пошлостью, всего лишаешь меня, а самъ себѣ ни въ чемъ не отказываешь...

Весной и лѣтомъ я опять странствовалъ: былъ въ Крыму (куда съ великой радостью поѣхалъ-бы съ ней, будь на то деньги), проплылъ внизъ по Днѣпру до самага Херсона, лѣтомъ недѣли двѣ гостилъ въ Каменецъ-Подольскѣ у одного молодого польскаго поэта, который кончалъ университетскій курсъ въ Петербургѣ и послѣ появленія моихъ первыхъ стиховъ въ «Вѣстникѣ Европы» вступилъ со мной въ переписку; ѣздилъ на тѣ приднѣпровскія горы, гдѣ похороненъ Шевченко... Въ началѣ осени снова встрѣтился съ Черкасовой (съ которой до той поры у меня дѣйствительно ничего не было) и узналъ, что она переселяется въ Кіевъ.

— Навсегда покидаю васъ, милый другъ, — сказала она, глядя на меня своими ястребиными глазами. — Мужъ заждался меня тамъ. Хотите проводить меня до Кременчуга? Только совершенно тайно, разумѣется. Я тамъ должна провести цѣлую ночь въ ожиданіи парохода...

XXIX

Это было въ ноябрѣ, я до сихъ поръ вижу и чувствую эти неподвижные, темные будни въ глухомъ малорусскомъ городѣ, его безлюдныя улицы съ деревянными настилками по узкимъ тротуарамъ и съ черными садами за заборами, голую высоту тополей на бульварахъ, пустой городской садъ съ забитыми окнами лѣтняго ресторана, влажный воздухъ этихъ дней, кладбищенскій запахъ лиственнаго тлѣнія — и мои тупыя, безцѣльныя блужданія по этимъ улицамъ, по этому саду, мои все однѣ и тѣ же мысли и воспоминанія... Воспоминанія — нѣчто столь тяжкое, страшное, что существуетъ даже особая молитва о спасеніи отъ нихъ.

Въ какой-то роковой часъ ея тайныя муки, о которыхъ она только временами проговаривалась, охватили ее безуміемъ. Братъ Георгій вернулся въ тотъ день со службы поздно, я еще позднѣй, — и она знала, что мы поздно придемъ, управа готовилась къ годовому земскому собранію, — она одна оставалась дома, нѣсколько дней не выходила, какъ всегда каждый мѣсяць, и, какъ всегда въ эту пору, была не совсѣмъ та-

кая, какъ обычно. Она, вѣрно, долго полулежала на тахтѣ въ нашей спальнѣ, поджавъ подъ себя, по своей привычкѣ, ноги, много курила, — она стала съ нѣкотораго времени курить, не слушая моихъ просьбъ и требованій бросить это столь не шедшее къ ней занятіе, — все смотрѣла, должно быть, передъ собою, потомъ вдругъ встала, безъ помарокъ написала мнѣ на клочкѣ нѣсколько строкъ, которыя братъ, воротясь, нашель на туалетѣ въ этой опустѣвшей спальнѣ, и кинулась собирать кое-что изъ своихъ вещей — прочее просто бросила — и это прочее, какъ попало раскиданное, я долго не имѣлъ потомъ рѣшимости собрать и спрятать куда-нибудь. Ночью она была уже далеко, въ пути домой, къ отцу... Отчего я тотчасъ-же не погнался за ней? Можетъ быть, отъ стыда и оттого, что уже хорошо зналъ теперь ея непреклонность въ инныя минуты жизни. А въ отвѣтъ на мои телеграммы и письма пришло въ концѣ концовъ только два слова: «Дочь моя уѣхала и мѣстопробываніе свое запретила сообщать кому бы то ни было».

Неизвѣстно, что было бы со мной въ первое время, не будь возлѣ меня брата (при всей его безпомощности, растерянности). Тѣ нѣсколько строкъ, что она написала въ объясненіе своего бѣгства, онъ не сразу передалъ мнѣ, все сперва подготавливалъ меня, — и съ большой неловкостью, — наконецъ рѣшился, скупно заплакалъ и подалъ. На клочкѣ было написано твердымъ почеркомъ: «Не могу больше видѣть, какъ ты все дальше и дальше уходишь отъ меня, не въ состояніи продолжать переносить оскорбленія, которыя ты безъ кон-

ца и все чаще наносишь моей любви, не могу убить ее въ себѣ, но не могу и не понимать, что я дошла до послѣдняго предѣла униженія, разочарованія во всѣхъ своихъ глупыхъ надеждахъ и мечтахъ, молю Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ силъ пережить нашъ разрывъ, забыть меня и быть счастливымъ въ своей новой, ужъ совсѣмъ свободной жизни...» Я прочелъ все это однимъ взглядомъ и довольно нагло сказалъ, чувствуя, что земля проваливается у меня подъ ногами и кожа на лицѣ и головѣ леденѣетъ, стягивается:

— Что-жъ, этого надо было ожидать, обычная исторія, эти «разочарованія»!

Послѣ этого я имѣлъ мужество пройти въ спальню и съ равнодушнымъ видомъ лечь на тахту. Въ сумерки братъ осторожно заглянулъ ко мнѣ — я притворился, что сплю. Терявшійся во всякихъ несчастіяхъ и, подобно нашему отцу, не выносившій ихъ, онъ поспѣшилъ повѣрить, что я дѣйствительно сплю, и воспользовался необходимостью опять быть въ этотъ вечеръ на засѣданіи въ управѣ, тихо одѣлся и ушелъ... Думаю, что я не застрѣлился въ эту ночь только потому, что твердо рѣшилъ, что все равно застрѣлюсь не нынче, такъ завтра. Когда въ комнатѣ посвѣтлѣло отъ лунной млечности за окномъ въ саду, я вышелъ въ столовую, зажегъ тамъ лампу, выпилъ у буфета одинъ чайный стаканъ водки, другой.. Выйдя изъ дому, я пошелъ по улицамъ, — онѣ были страшны: нѣмо, тепло, сыро, всюду вокругъ, въ голыхъ садахъ и среди тополей бульвара, густо стоитъ бѣлый туманъ, смѣшанный съ луннымъ свѣтомъ... Но вернуться домой, зажечь въ

спальнѣ свѣчу и увидать при ея темномъ свѣтѣ всѣ эти разбросанные чулки, туфли, лѣтнія платя и тотъ пестрый халатикъ, подъ которымъ я, бывало, обнималъ ее передъ сномъ, цѣлуя ея поднятое, отдающееся лицо, чувствуя ея теплое дыханіе, было еще страшнѣе. Спас- тись отъ этого ужаса изступленными слезами можно было только съ ней, передъ ней, а ея-то и не было.

Потомъ была другая ночь. Тотъ-же скудный свѣтъ свѣчи въ неподвижномъ молчаніи спальни. За черны- ми окнами ровно кипитъ въ темнотѣ ночной дождь глу- хой осени. Я лежу и смотрю въ передній уголъ — въ его треугольникѣ виситъ старая икона, на которую она молилась передъ сномъ: старая, точно литая дос- ка, съ лицевой стороны крашеная киноварью, и на этомъ лаково-красномъ полѣ образъ Богоматери въ золотомъ одѣяніи, строгой и скорбной, — большіе, черные, запредѣльные глаза въ темномъ ободкѣ. Страшный ободокъ! И страшное, кощунственное со- единеніе въ мысляхъ: Богоматерь — и она, этотъ об- разъ — и все то женское, что разбросала она тутъ въ безумной торопливости бѣгства.

Потомъ прошла недѣля, другая, мѣсяць. Я давно отказался отъ службы, никуда не показывался на люди. Я одолѣвалъ воспоминаніе за воспоминаніемъ, день за днемъ, ночь за ночью — и мнѣ все почему-то думалось: вотъ такъ когда-то, гдѣ-то, какіе-то славян- скіе мужики «волокомъ» переволакивали съ ухаба на ухабъ по лѣснымъ дорогамъ свои обремененныя тяжелой кладью ладьи.

XXX

Я еще съ мѣсяцъ мучился ея вездѣсущимъ присутствіемъ въ домѣ и въ городѣ. Наконецъ, почувствовалъ, что нѣтъ больше силъ выносить эту муку, и рѣшилъ уѣхать въ Батурино — прожить тамъ нѣкоторое время, не загадывая о будущемъ.

Было очень странно войти въ двинувшійся вагонъ, наспѣхъ обнявъ брата въ послѣдній разъ, — войти и сказать себѣ: ну, вотъ, опять свободенъ, какъ птица! Былъ темный зимній вечеръ безъ снѣга, вагонъ гремѣлъ въ сухомъ воздухѣ. Я устроился со своимъ чемоданчикомъ въ углу возлѣ двери, сидѣлъ и вспоминалъ, какъ любилъ повторять при ней польскую пословицу: «человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета» — и упорно смотрѣлъ въ черное окно гремящаго вагона, чтобы никто не видѣлъ моихъ слезъ. Ночь до Харькова... И та, другая, ночь — отъ Харькова, два года тому назадъ: весна, разсвѣтъ, ея крѣпкій сонъ въ свѣтлѣющемъ вагонѣ... Я напряженно сидѣлъ въ сумракѣ подъ фонаремъ, среди тяжелой и грубой вагонной тѣсноты, и ждалъ одного — утра, людей, ихъ

движенія, стакана горячаго кофе на харьковскомъ вокзалѣ...

Потомъ былъ Курскъ, тоже памятный: весенній полдень, завтракъ съ ней на вокзалѣ, ея радость: «Въ первый разъ въ жизни завтракаю на вокзалѣ!» Теперь, къ вечеру сѣраго и жесткаго морознаго дня передъ этимъ вокзаломъ стоялъ непомерно длинный и необыкновенно будничной пассажирской поѣздъ, безконечная стѣна третьеклассныхъ вагоновъ, большихъ тяжелыхъ, какими отличалась Курско-Харьково-Азовская желѣзная дорога. Я вышла, посмотрѣла. Паровозъ чернѣетъ такъ далеко впереди, что едва виденъ. Съ подножекъ поѣзда соскакиваютъ люди съ чайниками въ рукахъ, — всѣ одинаково противные, — спѣшатъ въ буфетъ за кипяткомъ. Вышли и мои сосѣди по вагону: равнодушный, утомленный своей нездоровой полнотой купецъ въ желтой лисьей шубѣ и страшно живой и ко всему любопытный малый, простонародная сухость лица и губъ котораго весь день вызывала во мнѣ отвращеніе. Онъ бросаетъ на меня подозрительный взглядъ, — я тоже весь день привлекалъ къ себѣ его вниманіе: все, молъ, что-то сидитъ, молчитъ этотъ не то барчукъ, не то кто его знаетъ кто! — однако, предупреждаетъ меня дружелюбной скороговоркой:

— Имѣйте въ виду, тутъ завсегда жареныхъ гусей продаютъ, дешевка баснословная!

Я стою, думая о буфетѣ, куда не могу пойти, — тамъ тотъ столъ, за которымъ мы когда-то сидѣли съ ней. Пахнетъ уже крутой русской зимой, хотя снѣгу и тутъ еще нѣтъ. Какая могила ждетъ меня тамъ, въ

Батури́нъ! Старость отца и матери, увяданіе моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищій домъ, голый, низкій садъ, по которому дуетъ ледяной вѣтеръ, зимній лай собакъ, — зимой, когда дуетъ вотъ такой вѣтеръ, онъ какой-то особенный, ненужный, пустынный... Хвостъ поѣзда тоже безконеченъ. Напротивъ, за барьеромъ платформы, высятся метлы голыхъ тополей, за тополями, на мерзлой булыжной мостовой, ждутъ сѣдоковъ захолустные извозчики, видъ которыхъ безъ словъ говорить о тоскѣ, о скукѣ того, что называется Курскомъ. Подъ тополями стоятъ на платформѣ закутанныя и подпоясанныя концами шалей бабы съ посиѣвшими отъ стужи лицами, угодливо кричатъ, зазываютъ — продаютъ этихъ самыхъ баснословныхъ гусей, огромныхъ, ледяныхъ, въ пупырчатой кожѣ. Тѣ, что уже запаслись кипяткомъ, бодро бѣгутъ съ вокзала назадъ, въ теплые вагоны, съ удовольствіемъ зябнуть, съ ернической веселостью торгуются на бѣгу съ бабами... Наконецъ съ адской мрачностью взрывается вдали паровозъ, угрожая мнѣ дальнѣйшимъ путемъ... Безвыходнѣй всего было то, что я не зналъ, куда она скрылась. Если-бы не это, я бы превозмогъ всякій стыдъ, давно бы настигъ ее гдѣ-нибудь и какой угодно цѣной вернулъ себѣ, — дикій поступокъ ея былъ несомнѣнно припадкомъ безумія, раскаяться въ которомъ ей мѣшаетъ тоже только стыдъ.

Мое новое возвращеніе подъ отчій кровъ было уже не похоже на то, что было три года тому назадъ. На все я смотрѣлъ теперь другими глазами. И все въ Батури́нѣ оказалось еще хуже, чѣмъ я представлялъ себѣ

въ дорогѣ: убогія лозиновыя избы деревни, дикарскія лохматыя собаки и дикарскія обледенѣлыя водовозки возлѣ пороговъ, вросшихъ въ желѣзную грязь, колчи этой грязи по проѣзду къ усадьбѣ, пустой дворъ передъ угрюмымъ домомъ съ печальными окнами, съ нелѣпо-высокой и тяжелой крышей временъ дѣдовъ и прадедовъ и двумя темными отъ навѣсовъ крыльцами, дерево которыхъ сизо отъ древности — все старое, какое-то заброшенное, безцѣльное — и безцѣльный холодный вѣтеръ гнетъ верхушку завѣтной ели, торчащей изъ-за крыши дома, изъ жалкаго въ своей зимней наготѣ сада... Въ быту дома я нашель переходъ уже къ грубой бѣдности — замазанныя глиной трещины печей, полы для тепла постланы мужицкими попонами... Одинъ отецъ старался держаться какъ-бы въ противовѣсь всему этому: похудѣвшій, уменьшившійся, совсѣмъ сѣдой, онъ былъ теперь всегда чисто брить, гладко причесанъ, одѣтъ не съ прежней небрежностью, — мучительно было видѣть эту подтянутость старости и бѣдности, — держался (очевидно, ради меня, ради моего позора и несчастія) бодрѣе и веселѣе всѣхъ. Разъ онъ сказалъ, держа папиросу дрожащей, уже высохшей рукой, глядя на меня съ нѣжной грустью:

— Ну, что-жъ, другъ мой, все законно — и всѣ тревоженія, всѣ горести и радости молодости, и миръ, покой старости... Какъ это? — сказалъ онъ, засмѣявшись глазами: — «мирны наслажденья», чортъ бы ихъ побралъ совсѣмъ:

Мы въ сей глуши уединенья,
Дыша свободою полей,

Въ смиренной хижинѣ своей,
Вкушаемъ мирны наслажденья...

Когда вспоминаю отца, всегда чувствую раскаяніе — все кажется, что недостаточно цѣнилъ и любилъ его. Всякій разъ чувствую вину, что слишкомъ мало знаю его жизнь, особенно молодость, — слишкомъ мало заботился узнавать ее, когда можно было! И все стараюсь и не могу понять полностью, что онъ былъ за человѣкъ, — человѣкъ совсѣмъ особаго вѣка и особаго племени, удивительный какой-то бесплодной и совершенно чудесной въ своей легкости и разнообразности талантливостью всей своей натуры, живого сердца и быстрого ума, все понимавшихъ, все схватывавшихъ съ одного намека, соединявшій въ себѣ рѣдкую душевную прямоу и душевную сокровенность, наружную простоту характера и внутреннюю сложность его, трезвую зоркость глаза и пѣвучую романтичность сердца. Въ ту зиму мнѣ было двадцать лѣтъ, а ему шестьдесятъ. Какъ-то даже не вѣрится: мнѣ было когда-то двадцать лѣтъ, и только еще расцвѣтали, не взирая ни на что, мои молодая силы! А у него вся жизнь была уже позади. И вотъ, никто въ ту зиму не понималъ такъ, какъ онъ, что у меня на душѣ, и, вѣрно, никто не чувствовалъ такъ этого соединенія въ ней скорби и молодости. Мы сидѣли въ тотъ день въ его кабинетѣ. Уже лежалъ снѣгъ, былъ тихій и скромный солнечный день, освѣщенный имъ снѣжный дворъ ласково глядѣлъ въ низкое окно кабинета, теплаго, накуреннаго, запущеннаго, милаго мнѣ съ дѣтства этой запущенностью и

уютностью, неизмѣнностью своей простой обстановки, столь нераздѣльной для меня со всѣми привычками и вкусами отца, со всѣми моими давними воспоминаніями о немъ и о себѣ. И онъ, сказавъ про «мирны наслажденья», отложилъ папиросу, снялъ со стѣны старую гитару и сталъ играть что-то свое любимое, народное, и взглядъ его сталъ твердъ и веселъ, что-то тая въ себѣ въ то же время, — въ ладъ нѣжному веселью гитары, съ грустной усмѣшкой бормотавшей о чемъ-то дорогомъ и утраченномъ и о томъ еще, что все въ жизни все равно проходить и не стоитъ слезъ...

Вскорѣ послѣ пріѣзда я не выдержалъ, сорвался однажды съ мѣста, кинулся очертя голову въ городъ — и въ тотъ же день вернулся ни съ чѣмъ: въ домъ доктора меня просто не пустили. Съ дерзостью отчаянія выскочилъ я изъ извозничьихъ санокъ у знакомаго, теперь страшнаго подѣзда, съ ужасомъ взглянулъ на полузавѣшанныя окна столовой, гдѣ столько дней просидѣлъ я съ нею когда-то на диванѣ, — тѣхъ осеннихъ, первыхъ нашихъ дней! — дернулъ звонокъ... Дверь отворилась, и я очутился лицомъ къ лицу съ ея братомъ, который, блѣднѣя, раздѣльно сказалъ мнѣ:

— Отецъ не желаетъ васъ видѣть. Она-же, какъ вамъ извѣстно, въ отсутствіи.

Это былъ тотъ гимназистъ, что такъ бѣшено носился въ ту осень съ Волчкомъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Теперь передо мной стоялъ мрачный, очень смуглый юноша въ бѣлой косовороткѣ офицерскаго образца, въ длинныхъ сапогахъ, съ пробивающимися черными усами, съ непреклонно-злымъ взглядомъ ма-

ленькихъ черныхъ глазъ, отъ смуглости малахитово блѣдный.

— Уходите, пожалуйста, — прибавилъ онъ тихо, и видно было, какъ подъ косовороткой бьется его сердце.

И все-таки всю зиму, каждый день, я упорно ждалъ отъ нея письма, — не могъ повѣрить, что она оказалась столь каменно-жестокой.

XXXI

Весной того-же года я узналъ, что она прѣехала домой съ воспаленіемъ легкихъ и въ недѣлю умерла. Узналъ и то, что это была ея воля — чтобы скрывали отъ меня ея смерть возможно дольше.

У меня сохранилась до сихъ поръ та тетрадь въ коричневомъ сафьянѣ, что она купила мнѣ въ подарокъ изъ своего перваго мѣсячнаго жалованья: въ день, можетъ быть, самый трогательный за всю ея жизнь. На заглавномъ листѣ этой тетради еще можно прочесть тѣ немногія слова, что она написала, даря ее мнѣ, — съ двумя ошибками, сдѣланными отъ волненія, поспѣшности, застѣнчивости...

Недавно я видѣлъ ее во снѣ — единственный разъ за всю свою долгую жизнь безъ нея. Ей было столько же лѣтъ, какъ тогда, въ пору нашей общей жизни и общей молодости, но въ лицѣ ея уже была прелесть

увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на трауръ. Я видѣлъ ее смутно, но съ такой силой любви, радости, съ такой тѣлесной и душевной близостью, которой не испытывалъ ни къ кому никогда.

«Какъ воскреснуть мертвые? И въ какомъ тѣлѣ придуть? Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное — возстаетъ духовное».

1933. 1938.

Приморскія Альпы.

mpriemerie «VAL»
124, rue Compans
PARIS 19^e

Ed. Reunis / 4306

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:
« LES ÉDITEURS RÉUNIS »
29, rue St-Didier
PARIS - 16'